ЭМИ ШУМЕР

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

ДЕВУШКА С ТАТУ ПОНИЖЕ СПИНЫ

18+ нецензурная брань

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Шумер — голос поколения, дерзкая рассказчица, она шутит о сексе, отношениях, своей семье и делится опытом, который помог ей стать такой, какой мы ее знаем: отважной женщиной, не боящейся быть собой, обнажать душу перед огромным количеством зрителей и читателей, делать то, во что верит. Еще она заставляет людей смеяться даже против их воли.

- Эми Шумер
  -
  -
  - Записка моим читателям
  - Открытое письмо моей вагине
  - Мой единственный секс на одну ночь
  - Я интроверт
  - О том, каково быть «новыми деньгами»
  - Познакомьтесь с моими мягкими игрушками
  - Папа
  - Отрывок из моего дневника 1994 года (мне тринадцать) с примечаниями от 2016 года
  - Женщина, официально
  - Лагерь «Якорь»
  - Как я лишилась девственности
  - То, чего вы обо мне не знаете
  - Оцените разводилу
  - Отрывок из моего дневника за 1999 год (мне восемнадцать) с примечаниями от 2016 года
  - Притворяйся, пока не добьешься
  - Отрывок из моего дневника за 2001 год (мне двадцать) с примечаниями от 2016 года
  - Красивая и сильная
  - Отрывок из моего дневника за 2003 год (мне двадцать два) с примечаниями от 2016 года
  - Как стать стендап-комиком
  - Когда мужчине можно не добиваться, чтобы женщина кончила во время секса
  - Худшая ночь в моей жизни
  - Что меня жутко бесит
  - Спортсмены и музыканты
  - Что для меня счастье
  - Мама
  - Нью-йоркские квартиры

- Отключки и стволовые клетки
- Интересное время для женщин в Голливуде
- Мейси и Джиллиан
- Завтра взойдет солнце
- Что я хочу, чтобы сказали на моих похоронах
- Как простить себе тату пониже спины
- Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36

- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80

- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

Эми Шумер
Девушка с тату пониже спины

© Е. Ракитина, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

* * *

Посвящается Кимби и Джейси

Записка моим читателям

Привет, это я, Эми. Я написала книгу! Давно хотела это сделать, потому что мне нравится смешить людей и поднимать им настроение. Некоторые истории, которые вы тут прочтете, будут смешными — вроде той, когда я обосралась в Остине. А от каких-то вам станет немножко грустно, например, когда нас с сестрой продали в Италии в секс-рабство. Шучу. Этих историй в книге нет, хотя обе произошли на самом деле, такая невезуха.

К слову, все, что в этой книге есть — было на самом деле. Здесь все правда и ничего, кроме правды, и да поможет мне Бог. Но это не *вся правда*. Как нетрудно представить, я вам, ребят, не все рассказываю.

Эта книга — не автобиография. Я такое стану писать, только когда мне стукнет девяносто. Мне только что исполнилось тридцать пять, так что до тех пор, когда я дорасту мемуары строчить, еще далеко. А пока я захотела поделиться историями из своей жизни: дочери, сестры, подруги, комика, актрисы, возлюбленной, девушки на одну ночь, сотрудника, нанимателя, любовницы, бойца, врага, пожирателя пасты и пьяницы.

Еще хочу прояснить: в этой книге НЕТ НИКАКОГО ПОМОГИ-СЕБЕ-САМ И НЕТ СОВЕТОВ. Последние несколько лет меня просили писать статьи на всякие темы. Из серии «как найти мужчину». Или как мужчину удержать. Или как в нужный момент помассировать мужчине простату. Я не знаю, как это все делается. Я — облажавшаяся неудачница, я ничего значимого не открыла, так что никакой мудрости для вас у меня нет. А вот чем я могу помочь, так это показать вам свои ошибки, свою боль и смех. Я знаю, что для меня важно, — и это мои родные (не все, упаси бог, только некоторые). А еще смеяться и радоваться жизни с друзьями. И, конечно, временами получать оргазм. Опытным путем я выяснила, что по крайней мере раз в день — лучший вариант.

В общем, я надеюсь, вам понравится моя книжка, а если нет — пожалуйста, никому не говорите.

Пожелайте мне удачи!

Открытое письмо моей вагине

Начну с того, что мне очень жаль. Продолжу тем, что я тебе благодарна.

Знаю, ты со мной намучилась. Я позволяла чужим людям лить на тебя горячий воск, а потом выдирать из тебя волосы. Некоторые тебя даже обжигали, хотя я им говорила, что у тебя очень чувствительная кожа. Но я сама пошла в то стремное заведение в Астории, в Квинсе, которое тебе показалось притоном. На моей совести твои дрожжевые инфекции и ИМП, я слишком подолгу носила чулки и лосины, зная, что у тебя из-за этого будут проблемы. Еще хочу извиниться за Лэнса из команды по лакроссу, который так с тобой обошелся пальцем, как будто ты ему денег задолжала. Это был отстой, и я полностью на твоей стороне, когда ты из-за этого писаешь кипятком. Но навещали же тебя и хорошие гости, правда? А? Признай, мы с тобой здорово вместе повеселились. Я даже поборолась за право называть тебя по телевизору «киской», — знаю, тебе так больше нравится.

Я честно старалась, взрослея, пускать к тебе только тех, кто точно тебя не обидит, — и, думаю, все сделала, чтобы сохранить тебе здоровье. Знаю, иногда я пускала к тебе без презерватива. В свою защиту скажу, что так гораздо приятнее, и я это разрешала только тем, с кем встречалась и кому доверяла. Ну, по большей части. Ну и повезло же нам, правда?

Еще я хочу попросить прощения за тот раз, когда мы с новым парнем занимались сексом, а потом не смогли найти презерватив, и потом, через три дня, я поняла, что он застрял, и мне пришлось, как говорится, «тужиться», чтобы его выловить. Тебя это, наверное, просто шокировало. Или, может, весело, когда у тебя так долго гостят? Как бы то ни было, я виновата!

Ну, что скажешь? По пивку? Ладно, хорошо, никаких дрожжей. И ты угощаешь.

Мой единственный секс на одну ночь

У меня только раз был секс на одну ночь, один раз за всю жизнь. Да, один. Знаю, очень жаль разочаровывать тех из вас, кто думает, что я постоянно расхаживаю, держа в одной руке «маргариту», а в другой дилдо. Может быть, меня неправильно понимают, потому что на сцене я собираю все свои самые дикие, самые чудовищные воспоминания о сексе — всего выходит где-то пять случаев за тридцать пять лет. Когда вы о них слышите подряд, наверное, ощущение такое, что моя вагина — дверь-вертушка универмага Macy's под Рождество. Но я рассказываю про эти несколько обломов, потому что слушать про чью-то здоровую, обыденную сексуальную жизнь не смешно. «В общем, вчера ночью мы с моим парнем легли в постель, обнялись уютно и ласково, а потом он нежно занялся со мной любовью». Зрители уйдут, и я уйду с ними, даже не сомневайтесь.

К тому же даже я сама иногда путаю свой сценический сексуальный образ с разумной, вменяемой настоящей личностью. Иногда я пытаюсь себя убедить, что могу заниматься сексом без чувств — таким, про который всегда слышала от мужчин и от Саманты из «Секса в большом городе». Бывает всякое, но 99.9 процента времени я не такая. Я даже никогда не уходила с мужиком после выступления. Разве не грустно? Двенадцать лет езжу с гастролями — и ни разу не встретилась ни с кем после концерта, не привела домой и даже не развлеклась. Ничего. У меня есть знакомые комики-мужчины, которые говорят, что ни разу не спали с девушкой, которая сперва не смотрела их выступление. У меня все точно наоборот. Я этим занимаюсь не ради членов. Я получаю удовольствие от секса, как все, и чаще всего он у меня с теми, с кем я встречаюсь, я просто лежу в позе Счастливого Младенца и издаю звуки, чтобы было понятно, что мне хорошо. Когда у меня никого нет и кто-то предлагает секс на одну ночь, я, в общем, все еще себя берегу, я девушка такая, и при мысли о том, что в меня входит какой-то неведомый хрен, пульс у меня не частит. Вот только однажды, в тот раз…

Я как раз была на гастролях и направлялась из одного чудовищного города в другой: из Фейетвилла, Северная Каролина, в Тампу, Флорида. Я не боюсь об этом писать, не боюсь, что на меня разозлятся — потому что знаю точно: никто из тамошних жителей в жизни не прочел ни одной книжки. Шучу. ШЧ. ШЧ. ШЧ. ШЧ., но не то, чтобы совсем ШЧ. Когда надо

добраться из одного такого города в другой, имеешь удовольствие лететь по небу на крошечном куцем автобусе, который почему-то все-таки называется самолетом. Чтобы войти, нужно пригнуться, весь полет слушаешь пропеллеры, а еще кто-то тихонько поет «Ла-ла-ла-ла ла бамба», — но надеешься, что это только у тебя в голове.

Так вот — раннее утро, и я с похмельем. Я уже сказала, что выступала в Фейетвилле, а там потом нечего делать, только пить, пока глаза не закроются. В аэропорт я приехала, как всегда — без косметики и лифчика, треники и футболка, сандалии. Я не из тех, кто дивно выглядит по утрам. Я бы сказала, что выгляжу один в один как Битлджус — которого сыграл Майкл Китон, а не того, который все время появляется у Говарда Стерна. Я наслаждалась этим чудесным мгновением жизни, никто меня не фотографировал, разве что я влезала в кадр. Я была просто чудесной девушкой тридцати одного года, открывала и закрывала рот, — и поняла, что забыла почистить зубы, — ну, не столько почистить забыла, сколько зубную щетку забыла в Чарлстоне, а купить новую в Северной Каролине мне не пришло в голову. Это у меня один из способов понять, что накануне я слишком много выпила: проснуться с синими от вина зубами и достаточно размазанной под глазами подводкой, чтобы походить на полный пипец для новоанглийских патриотов. Все это к тому, что именно в то утро я выглядела жутко, воняла карри — и брось мне кто-нибудь доллар в кофейный стакан, приняв меня за бездомную, я бы подумала: «Ага».

Я добралась до безопаски, а там — он: под метр девяносто, накачанный, светло-рыжий, лет тридцати пяти. Первый поцелуй у меня был с рыжим, и с тех самых пор они — моя слабость. А этот — самый красивый мужик за всю мою жизнь. Я завелась сразу, едва его увидела. Быстренько пометим себе: ТАК ВАШУ МАТЬ НЕ БЫВАЕТ. Мужчины каждый день смотрят на женщин, которые ходят мимо в юбках и узких джинсах, и у них случаются эрекции на секундочку, ну, хотя бы слегка привстает. Но у женщин такое редко, чтобы увидела мужика и подумала: Тыдыщь! Я его рассматривала сверху донизу, пытаясь отыскать хоть сантиметр, который не был бы Гастоном из «Красавицы и Чудовища» — и хоть бы хны. Ему не хватало только конского хвоста и бантика.

Я вздохнула, и перед тем, как пройти в рамку металлоискателя, он на меня посмотрел. Вся моя кровь прилила к вагине, я улыбнулась ему — и тут же вспомнила, что похожа на Брюса Виленча. (Тем из вас, кто его не знает и слишком ленив, чтобы погуглить, скажу: просто представьте сову-сипуху в светлом парике.) Я прошла безопаску, двинулась к своему выходу

и — бум! Снова он, и выглядит еще круче, чем раньше. На нем был джемпер с длинным рукавом, облегавший грудь достаточно плотно, чтобы все там разглядеть. А там — то, к чему хочется прижаться щекой и дышать феромонами, пока этот парень тебя не возьмет, как Марлон Брандо в «Трамвае „Желание“», или Райан Гослинг в чем-у-год-нооо.

Я рванула в туалет, пытаясь отыскать в сумочке косметику, а сумочка у меня — настоящая бездонная яма, если мне что-то нужно (да и в любое другое время). Не вру: у меня в сумке все, что у настоящего страуса в гнезде. В жизни не соглашусь на проект глянцевого журнала «Что у вас в сумочке?», потому что народ увидит все это веселье и нежданчики и, наверное, решит, что меня надо в больницу. Я нашла румяна и помаду, подумала: «Отлично. Вот и все, что мне нужно, чтобы сделать из двойки четверку». Глянула в зеркало, увидела, какую угревую сыпь себе нарисовала, и заржала. Пофиг. Закатала треники, чтобы открыть лодыжки, подумала: «Подчеркнем мои самые выигрышные части». Почистила зубы пальцем, поплескала везде водой. Вышла как на подиум и проплыла точно мимо него. Он ни разу, ни на секунду не взглянул на меня в терминале.

Я купила жвачку и журнал с Дженнифер Энистон на обложке и, раздавленная, села в самолет. Устроилась на крошечном кресле у окна и стала читать, как Дженнифер планирует умереть в одиночестве, это так несправедливо, — и тут опять он, заходит в самолет. Он шел по проходу, я смотрела на него, у него мышцы на руках выпирали, огромные руки сжимали сумку, пока он пробирался между креслами. Я думала: «Может, когда он будет проходить мимо, притворюсь, что чихнула… и упаду перед ним на пол… и он споткнется и свалится в меня». А потом я увидела, что он садится рядом.

Нет, подумала я. Не может он сидеть со мной. Нет, нет, нет. Но — ДА! Гейм, сет, мать его, матч, подумала я; поехали.

Я никогда не разговариваю с попутчиками в самолетах. Тут как повезет, и мне везло то на Джеймса Тобэка (погуглите), который сказал: «Женщину толком и не узнаешь, пока жопу ей не вылижешь», — еще даже до взлета, то на даму, которая три часа показывала мне фотографии своей покойной птички. Но на этом рейсе я сразу повернулась к нему.

— Привет, я Эми.

Он улыбнулся, открыв щербинку между передними зубами. Больше всего на свете люблю такие щелочки у мужчин.

— Привет, я Сэм, — сказал он с британским акцентом.

Скоро я выяснила, что он служит в британской морской пехоте и что в городе он всего на пару дней. Я не знала, что

нафиг делать. Слишком много всего. Мне казалось, что в меня что-то вселилось, и я не владею голосом, как Сигурни Уивер в конце «Охотников за привидениями». У меня, как говорится, началось бешенство матки. Кем говорится? Не знаю. Заткнитесь и читайте дальше, как меня обработал этот британский супергерой. Мы взлетели, и я сделала вид, что ооочень боюсь летать. Нас совершенно не болтало, но я все равно нашла повод вцепиться в его руку и уткнуться лицом в его плечо, вдыхая его запах. Я открыто на него вешалась, и мы оба смеялись от того, каким ледоколом я перла. Клитор у меня стучал, как Сердце-обличитель, и я все вспоминала песню 98 Degrees «Дай мне всего одну ночь» (UnaNoche). В то время я была типа немножко знаменита, но он обо мне не слышал, и это был еще один большой плюс. Я сказала ему, что вечером у меня концерт и, может, встретимся после. Мы обменялись имейлами, и я молилась всем богам, чтобы это произошло.

Пару раз я уже была в таких ситуациях, когда у меня мог случиться секс на одну ночь, но я просто не смогла пойти до конца. Раз или два инстинкты говорили мне «нет». Не было ощущения безопасности. Но в основном я не делала этого просто из лени. Я думала о всяких бытовых вещах, типа — когда можно будет уйти и поесть пасты? Мы не встречаемся, так что я не могу делать всякое домашнее — типа зубы почистить, умыться, надеть маску для сна и вставить беруши. Предполагается, что все должно быть горячо и сексуально, но утром я похожа на Шрека-блондинку. Что будет утром? О чем нам говорить? Мне вызвать ему убер? А если он скажет что-нибудь обидное или попытается заняться со мной сексом с утра, когда, как нам обоим известно, вагина у меня пахнет, как миска рамена? Я просто слишком прагматична и ленива для секса на одну ночь. Я думаю о последствиях и не пью, как пила в колледже.

Но с Сэмом было совсем по-другому. Он меня так заводил, он был воплощением моих фантазий. Даже акцент делал его каким-то нереальным. Мне не было больно из-за того, что он вернется к себе домой, за границу, вскоре после того, как взойдет солнце. Когда мы расстались в аэропорту, я отправилась на концерт и всю дорогу задерживала дыхание, надеясь, что он мне напишет. И точно: когда концерт закончился, меня ждал имейл, в котором он спрашивал, как все прошло. В ответ я прикололась, что меня заметили и что меня в этом бизнесе ждет успех.

Он написал: «Кто тебя заметил?».

Я ответила: «Фокусник. Буду у него ассистенткой». Мне казалось, это довольно смешно.

Он написал: «Он тебя распилит пополам?».

Я ответила: «Я надеялась, это сделаешь ты».

БАМ! Самое агрессивно-сексуальное и самое правдивое, что я когда-либо написала. И это сработало.

Мы договорились встретиться в баре на первом этаже моей гостиницы. Выпили по полбокала пива, потанцевали под Айс Кьюба, который нам сказал, что все можно, если попотеть, — и ушли. Проход через ярко освещенный вестибюль в полумрак лифта добавил до фига реальности в то сексуальное приключение, которое мы оба пытались пережить. В лифте у меня крутилось в голове следующее: трахни меня трахни меня трахни трахни трахни.

В тот момент мне правда было нужно подпитать свою сексуальную уверенность. Я недавно узнала, что парень, в которого я была влюблена и с которым встречалась в прошлом, оказался геем. Хотя с тех пор, как мы встречались, и прошло какое-то время, его камингаут все равно разбил мне сердце. И я начала сомневаться в себе. Человека, благодаря которому я так долго чувствовала себя красивой и желанной, привлекают мужчины. Я думала: я что, похожа на мужика? Когда становишься старше и мудрее, уверенность черпаешь изнутри, а не из того человека, с которым занимаешься сексом. Но в тот момент известие, что парень, с которым я встречалась, оказался геем, меня крепко придавило. Мне было сложно чувствовать себя сексуальной, и я сомневалась в том, стою ли чего-то.

И входит Сэм — прекрасный, мужественный мужик мечты, который хочет помочь Стелле вернуть радость жизни. Лифт еле полз.

Мы добрались до моего очень стандартного номера и не стали терять время.

Я бросила сумку, мы разделись до белья и легли в постель. Вопросов, что это мы делаем, не было. У нас обоих была одна и та же цель: сожрать друг друга. Фуууу, знаю, простите. Но это правда. Все было правильно. Целовать его было правильно. Тело его было правильным. Мы рванули вперед. Я не могу прям так вот выдать вам «Пятьдесят оттенков», поэтому просто сообщу некоторые факты. Мы оба много отдавали и брали (ртом). Мы оба не могли поверить, что это все на самом деле (обкончались оба). Он был такой благодарный и воодушевленный (мы даже дали друг другу пять в какой-то момент). И это было потрясающе (секс, а не дать пять). После угнетающего открытия, что парня, с которым я столько раз занималась сексом, привлекают мужчины, было совершенно невероятно, что меня обнимает такой небожитель и что я себя с ним чувствую желанной и красивой. Секс был идеален. Сэм был идеален. Мы оба с ума сходили,

наслаждаясь каждым запахом, звуком и прикосновением.

Когда мы наконец закончили, я сказала, что мне очень приятно было с ним познакомиться, и пожелала ему успеха во всех его начинаниях. Он поверить не мог, что я не хочу, чтобы он остался. Настолько не мог, что остался, и мы занялись сексом еще по крайней мере раза три, с ласковыми перерывами на рассказы, смех и объятия.

В конце концов я все-таки сказала, что ему пора. Секс с незнакомцем меня, судя по всему, не смущал, но вот спать с ним рядом — это было слишком личное. Он попытался заговорить про будущее, но я дала ему понять, что не хочу ничего, кроме этой ночи. Я сказала, что все было идеально и что больше у меня никогда не будет секса на одну ночь, потому что ничто сравнения не выдержит. Мы поцеловались на прощанье, и я уснула с самой широкой улыбкой и благодарностью.

Я понимаю, что одна из лучших ночей моей жизни — это всего лишь одноразовый секс в Тампе. Но я себя чувствовала Марлен Дитрих в «Марокко». Для протокола: я не предлагаю, чтобы все ограничивались сексом на одну ночь. О нет, нет, совсем нет. Хотя некоторым из нас пошло бы на пользу, если бы мы до конца своих дней занимались сексом на одну ночь и только. Но со мной эта встреча случилась, когда я не ощущала себя привлекательной для мужчин. И вообще сексуальной. Мне просто была нужна уверенность в себе, и ночь неожиданного секса с накачанным рыжим британцем была антибиотиком, который мне был необходим, чтобы избавиться от застарелых соплей. (Можно придумать более неэротичную метафору? Нет. И еще, по-моему, антибиотики не помогают.)

Мы все знаем, что секс на одну ночь — не чудесное исцеление для разбитого сердца и упавшей самооценки. Вся эта дрянь может выйти боком. Мы все пробовали поправить дело сексом и в результате чувствовали себя еще более одинокими, и бежали обратно к тому козлу, от которого только что с таким усилием ушли. Но иногда секс на одну ночь может помочь исправить что-то конкретное. И даже лучше: иногда, когда пытаешься исправить что-то сексом, обнаруживаешь, что он — сам по себе награда. Он ничему не учит. Он просто для радости. И иногда куча заслуженных оргазмов от парня, который на тебя смотрит, как на жратву, и как раз тогда, когда тебе, твою мать, это необходимо, это то, что доктор прописал. Нельзя ли учредить национальный день рыжих? Этот парень заслуживает, чтобы в его честь провели парад или что-то такое.

Он связался со мной еще пару раз, когда опять приезжал в Штаты, но я осталась верна намерению сохранить святость того,

что странным образом восприняла как самую чистую ночь в своей жизни. И до сих пор воспринимаю.

Я интроверт

Я — интроверт. Знаю, что вы подумали: «Эми, да какого ты? Только что нам рассказала, как переспала с первым встречным в Тампе, а теперь косишь под скромницу? Никакая ты не застенчивая скромница, ты шумное пьяное животное!» Ладно, согласна. Иногда так и бывает. Но я совершенно точно интроверт, классический, как по учебнику.

Если вы вдруг не знаете, что значит это слово, я вас быстро просвещу. Если знаете, пролистайте до главы, в которой говорится о том, где найти в Пекине лучшие туалеты формата «дыра в полу». Шучу. Нет у меня такой инфы. И вообще, вашу мать, просто прочитайте мое определение интроверта. Чего вы так торопитесь листать, извращенцы?

Быть интровертом вовсе не значит быть застенчивым. Это значит, что вам нравится быть одному. Не просто нравится — вам это нужно. Если вы настоящий интроверт, вас окружают в основном энергетические вампиры. Вы их не ненавидите; вам просто приходится продумывать, когда к ним выходить — как на солнце. Понятно, они дают вам жизнь, но еще они могут вас сжечь, так что у вас появится морщинистая лонгайлендская ложбинка между грудей; всегда боялась, что у меня такая будет, а теперь — ничего не поделаешь, такую и завела. Для меня медитация и наушники в метро служат кремом от солнечных ожогов, они меня защищают от ада, который называется «другие люди».

Есть фотография из National Geographic, которая мне очень нравится. Молодой бурый медведь мирно сидит, привалившись к дереву на границе Финляндии и России. Подпись под фото — примерно такая: «Медвежата гонялись и играли целый день, а потом один из них отошел на несколько минут, расслабиться в одиночестве и насладиться тишиной». Для меня это очень много значит, потому что я так и делаю! Только в моем случае медведя оттаскивают от места отдыха под деревом, несколько человек красят ему лицо, завивают волосы и всовывают в платье, чтобы выпихнуть на арену — ездить на таком маленьком цирковом велосипедике. Я не говорю, что мне не нравится смешить людей, но все-таки маленькому лохматому интроверту там непросто.

Я знаю, некоторые из тех, кто писал книгу, продвигались с трудом и на куски рвались на каждой странице. Но для меня писать эту книгу было одним из величайших удовольствий в жизни. Сидеть, писать, ни с кем не разговаривать — так я хотела бы проводить лучшую часть дня, каждый день. Вас это, может, и

удивит, но вообще-то я большую часть дней провожу в одиночестве, если только не снимаюсь, что интроверта жутко выматывает. Как только подходит время обеда, я отбегаю от столов с едой и мчусь в свой трейлер или в тихий уголок, где можно помедитировать. Мне нужно полностью отключиться. Время, проведенное в молчании, для меня как еда. А еще я очень много ем. Но когда я не снимаюсь, мне нравится день напролет сидеть одной. Разве что выйти на часок пообедать с другом, но это все.

Если ты артист, — особенно артистка, — считается, что тебе нравится все время быть «на работе». Ничего менее похожего на правду про меня и моих знакомых артистов сказать нельзя. Мне, так получилось, внушили в детстве, что, раз уж я девочка, да еще и артистка, мне должно нравиться быть приятной, вызывать у всех улыбку, и мне все время должно быть легко это делать. Думаю, всем девочкам это внушают, даже тем, кто не работает в шоу-бизнесе, как я. От женщины всегда ждут, что она будет любезной хозяйкой, что у нее всегда найдется шутка и что она приправит смехом чужие анекдоты. Именно нам вечно приходится улаживать неловкие моменты всякими милыми словами, от которых с души воротит. По сути, мы — гейши, которым не платят. Но когда не оправдываешь этих ожиданий (потому что ты интроверт, например), все начинают считать, что или у тебя депрессия, или ты сука. Может, я и сука, но не потому что не хочу хлопать глазами и улыбаться, пока мне кто-то рассказывает, как бегал в средней школе кросс.

Про мою интровертность я начала догадываться, когда уже жила с бойфрендом Риком. Но даже маленькой я всегда знала, что-то тут не то. Я не любила так подолгу играть, как другие дети, и всегда сливалась, если предлагали заночевать в гостях. Но когда я выросла и мама уже не была готова примчаться за мной среди ночи, для меня многое прояснилось. Можно сказать, что с Риком у меня впервые были взрослые отношения, и я в первый раз играла с кем-то в дом, подражала женатикам, которые добросовестно исполняют свои обязанности насчет друзей и родных друг друга. Помню, как мы собрались к его семье на праздники и как я почувствовала, что мне придется часто отлучаться, чтобы передохнуть от общества симпатичных людей, с которыми мы проводили целый день. Примерно раз в полтора часа я уходила в его комнату или выходила пройтись. Никто мне ни слова не говорил, но на часы они явно поглядывали. Как-то Рик меня привел на свадьбу своего друга. Два часа проговорив о ерунде и исполнив кучу формальностей, я спряталась в ванной. Мне больше было нечего отдать и нечего сказать, ничего внутри

не осталось. Только невыносимое чувство, что я бреду по воде.

Лишь подружившись с коллегами-комиками и артистами, я поняла: быть интровертом нормально. Даже когда мы едем вместе в отпуск или в тур, каждый на время уходит к себе в номер, а потом мы пишем друг другу эсэмэски, прежде чем побеспокоить стуком в дверь. Непростая особенность, когда твоя работа в том и состоит, чтобы все время ездить и видеть новые лица, новые города, новую публику. На этой работе пересекаешься с таким количеством народа! И чувствуешь себя полным дерьмом, если не отдашь немного энергии и не перемолвишься парой слов с каждым водителем, администратором в гостинице, промоутером, рабочим сцены, зрителем, официантом и так далее. И про «отдашь» я серьезно. Энергия между подзарядками не бесконечна. Она, сука такая, уходит. Не то чтобы я не уважала всех этих людей, которые трудятся и делают свою работу (с особенностями всех этих профессий я, кстати, знакома лично, потому что работала всем, чем можно, кроме дулы. Об этом еще поговорим потом). Я понимаю, что они не со зла, и знаю, что вокруг — толпы тех, кто, в отличие от меня, хочет поговорить с таксистом о том, как долетел, и какая погода в Нью-Йорке (мороз, жара — кому какое дело?). Сколько ключей от номера вам потребуется? (Сто девять.) Просто я — не такая, я не хочу тратить чужое время и силы (свои и чужие) на бессмысленную болтовню ни о чем. Каждый раз, забрав тебя в аэропорту, водители тут же спрашивают, что тебя привело в этот город и чем зарабатываешь на жизнь. Когда я была еще зеленая, отвечала прямо, но с тех пор поумнела, потому что каждый раз получается одно и то же:

— Так вы комик?

— Я вас раньше видел?

— Вы есть на Joutube?

— О, у меня двоюродный брат комик. Зовут Руди Мордожоп. Знаете его? Погуглите.

— Знаете, кто правда смешной? Джефф Данем.

— Вам надо снять передачу про таксистов.

— Я вам расскажу смешное для вашей передачи.

— Вы снимались в том кино?

— Нет? Точно?

— Мне вообще не нравятся женщины-комики.

Вот это меня просто убивает. Это вроде как сказать между делом: «Я вообще-то черных не люблю». Как бы то ни было, женщине-комику такое говорить грубо. И, дайте угадаю, вы всего одну женщину-комика видели за всю свою жизнь, было это в восьмидесятые. И еще кое-что: вы небось от нее были в восторге.

Поэтому, чтобы избежать таких разговоров, я одно время

применяла легенду и говорила, что я учительница. Но за этим все равно следовало слишком много вопросов, и я стала говорить: «Я зарабатываю на жизнь, рассказывая истории». Это звучит достаточно стремно, чтобы болтовня прекратилась.

Я могу весь вечер простоять на сцене, рассказывая тысячам людей о своих самых уязвимых и личных переживаниях — вроде соображений о парне, который последним во мне побывал, или о том, что жру, как чревоугодник из фильма «Семь», когда напьюсь. Но на вечеринках или в компаниях, где мне кажется, что я должна «общаться», я так себя не веду. Обычно я нахожу себе укромный уголок и тут же там поселяюсь, как девочка из «Звонка», надеясь, что никто не захочет подойти со мной поговорить. Но если время и место окажутся удачными, я могу быть довольно милой. Например, я несколько раз приятно беседовала с голыми старушками в раздевалках спортзалов. Даже если они сушат волосы феном, выставив седой лобок, я поговорю.

Наверное, неудивительно, что иногда я предпочитаю человеческому общению социальные сети. Это, видимо, тоже свойственно интровертам. Социальные сети просто лучше работают — ну, как интернет-свидания. Все можно делать быстро и безболезненно, а когда выясняешь, что кто-то псих или с ним не смешно, можно одним движениям пальца выйти из разговора. Даже фотографии, которые люди выбирают, чтобы вывесить в Instagram, могут сэкономить кучу времени. Как-то раз я оборвала отношения, которые могли перерасти в романтические, из-за того, что чувак запостил похороны собаки друга. То есть реально, как тело собаки опускают в землю в мусорном мешке. И написал, что для него было честью поучаствовать. Это даже не его собака была!

Я считаю, надо думать, что ты вешаешь в Instagram. Надо, чтобы посты делали людей лучше. Похороны собаки — явно не о том. Но из его поста я поняла, что его прет от печали, что ему нравится быть частью трагедии — так он себя чувствует живым и значительным. А вот я больше всего люблю постить, как моя сестра собирает какашки за своей собакой, когда мы идем гулять. Почему не быть самим собой и не показать себя как есть? Чуть ли не в первый раз, когда меня застукали папарацци, я каталась на доске на Гавайях. Я себя даже не узнала. Увидела фото в журналах и подумал: «Круто. Альфред Хичкок жив и любит водные виды спорта». Но нет, это я была. Когда подруга мне сказала, что видела снимки в сети, это так прозвучало, как будто мои родители, оба, погибли на пожаре. Но я тут же с гордостью запостила самую жуткую фотку в Instagram, потому что мне показалось, она смешная до уржачки. Я часто над собой смеюсь в

этой книжке, но поймите, чувствую я себя хорошо, я здорова, сильна и вдувабельна. Я не самая горячая телочка в помещении. Я типа третья по горячести барменша у «Дейва и Бастера» в Цинциннати. А в другой раз, когда папарацци меня поймал за возмутительным актом поедания сэндвича, я тут же вывесила уточнение по поводу мяса (они написали «с ветчиной», но он был с прошутто).

С другой стороны, есть же мужчины и женщины, мы все их знаем (и знаменитости, и обычные люди), которые постят только потрясающие фото своего брюшного пресса или снимки, на которых они внезапно такие все ослепительные. Нет, ну их всех. Я даже знать не хочу никого, кто не едва держится из последних сил. Социальные сети — отличный инструмент для нас, интровертов, и приличных людей вроде того. В них проходит меньше времени между тем, как подумаешь, что кто-то крутой, и поймешь, что он же — отстой. Не понимаю, как интроверты выживали без интернета. Да и с интернетом. Я вообще не понимаю, как мы выживаем. Кажется, это невозможно.

Теперь, зная, что я интроверт, я лучше управляюсь с этой своей особенностью — и, в общем, начала видеть в ней положительные стороны. Например, широко известно, что многие CEO — интроверты, и я тоже хорошо себя чувствую, когда руковожу, над чем бы ни работала. Я собираю вокруг себя умных, талантливых людей, позволяю им делать свою часть работы, выслушиваю их идеи и просчитываю, как успешнее с ними сотрудничать, чтобы на выходе получить лучшее из возможного. Я сама пишу себе шутки, когда дело касается стендапа, но все остальное я создала благодаря совместной работе небольших команд смешных людей, которые работали самостоятельно; так я больше всего люблю делать дело. Никого не удивит, что многие писатели — интроверты, так что сценарная группа моей программы с удовольствием по чуть-чуть работает бок о бок, а потом все исчезают по одному и прячутся в свои творческие коконы по домам, чтобы заняться делом. Мы в основном пещерные жители, общаться у нас получается только очень ограниченное время. Если взять любой рабочий день сценарной группы, расписание его будет выглядеть примерно так:

Полдень: Группа собирается в офисе.

12.15: Группа заказывает обед. Все хотят супа, но суп доставляют по два часа, так что останавливаемся на Bareburger. Кайл Данниген всегда заказывает дольше всех, потому что не употребляет глютен и лактозу, и нам всем вечно приходится это выслушивать. (В этом году он слез с безглютеновой и безлактозной диеты, и мы все злимся, что он бросил — после

того, как мы столько об этом наслушались.)

12.16–12.59: Группа обсуждает, как долго везут обед, и ноет.

13.00–13.15: Обедаем и треплемся про шоу «Холостяк».

13.15–13.30: Перерыв на сходить в туалет. Курт Мецгер рассказывает, как он отлизал стремной девице.

13.30–14.00: Обсуждаем идеи сцен либо моем кому-нибудь кости. Смотрим ролики на Joutube.

14.00–15.00: Обсуждаем, чем перекусить. Я в сотый раз иду пописать.

15.00–16.00: Переписываем сценарий, чтобы стало поживее.

16.00–19.00: Все пишут у себя дома, в безопасности.

Трудно быть на людях, когда пытаешься что-то придумать, и я не понимаю, как работают авторы вечерних шоу: они весь день вместе, выдают шутки и сцены. По-моему, мне повезло, что у меня огромная команда, в которой все позволяют другим делать свое дело, а когда каждый пишет свое — это самое лучшее. Мы с сестрой Ким часто садимся рядышком на диван и пишем один и тот же фильм, тихонько, не разговаривая — даже не часами, а день за днем. Скажем друг другу по паре фраз, и все они о еде.

Так что в заключение я хочу отдать должное секретному оружию интровертов — одному из величайших приемов, который позволяет нам справляться с ситуациями, требующими пребывания на людях. «Уход по-английски» — его я довела за годы до совершенства. Никакой обиды для англичан в этом названии нет. Вы, ребята, просто гении, раз придумали и запатентовали способ слиться так, что никому ничего не приходится объяснять. Даже если я напилась, я могу выскользнуть отовсюду, незаметно, как ниндзя, никого не предупреждая, — классический поступок интроверта, всегда так делаю. Я как Омар Литтл из «Прослушки». На самом деле нет. «Эми, я не видела, как ты вчера ушла… ты не попрощалась!». Ну а то, зайка моя. Если я с тобой попрощалась, то по чистой случайности, потому что ты стояла в дверях, когда я взяла на них курс.

Хотела бы я по-английски уйти из этой главы — ведь я, что характерно, вымоталась из-за того, что так долго писала о себе. Но сначала, прежде чем профессионально слиться, хочу напомнить, чтобы вы не судили шумную, часто бестактную, неуравновешенную блондинистую книжку по обложке. (Разве что эту книжку, потому что у нее и обложка хороша, и внутри тоже все хорошо.) Моя работа требует, чтобы я над собой смеялась в микрофон и жила с душой нараспашку, но это само по себе не значит, что я не могу в то же время быть интровертом. Хотите —

верьте, хотите — нет, но у меня сложная внутренняя жизнь, как и у вас, и мне нравится быть одной. Мне это необходимо. И я никогда в жизни не была такой счастливой, как тогда, когда, наконец, это про себя поняла. Так что, если вы, как я, интроверт, особенно женщина-интроверт, или если вы из тех, кому приходится отдавать силы всем вокруг, я хочу вам сказать: найдите время побыть в одиночестве. Не бойтесь извиниться и уйти. Подзаряжайтесь столько, сколько вам нужно. Прислонитесь к дереву, отдохните от других медведей. Я там тоже буду, но обещаю вас не беспокоить.

О том, каково быть «новыми деньгами»

Nouveau riche — это такое выпендрежное название для богатого человека, который свое богатство заработал сам. Не унаследовал от прадедушки. Вкалывал ради него. Или вот так вот просто взял и купил лотерейный билет. Но мне больше нравится термин «новые деньги», потому что ты как бы говоришь: «Да, я быдло, и мне норм!»

Я — новые деньги.

Считаю, мне повезло, что я живу в Америке, где к таким, как я (к быдлу), относятся так, словно они по прямой линии происходят от сотенной купюры. В Англии с теми, кто сам себе при жизни заработал бабла, так не носятся. Там новые деньги считают вульгарными. А в Америке новые деньги уважают больше, чем старые, потому что их так или иначе заработали. Мы тратим свои новые деньги на всякую фигню вроде спа, где угри объедают отмершую кожу с пальцев наших ног, или нам закачивают в жопу жир тюленят-бельков, чтобы мы опять казались молодыми. (Кучу морских обитателей вот так утилизируют.) Нам аплодируют. Вперед, сделай благотворительный проект, верни немножко, и в Штатах всем плевать, откуда у тебя бабло. Тебе заделал ребенка баскетболист, и ты его выпотрошила? Отлично, вот тебе свое личное телешоу. Записал секс со средней руки рэпером? Держи ключ от миллиардной корпорации. Или как в моем случае: шутила про члены перед пьяными в зальчиках заведений типа «Косточка-пищалка» или «Банановый гамак»? Круто! Хочешь контракт в кино?!

Оглядываясь назад, я понимаю, что технически второй раз попадаю в категорию новых денег. Когда я была маленькая, мои родители жили в типичнейшем для новых денег стиле… пока не сорвались в стиль без денег, как раз в мои нежные предподростковые годы. Но я забегаю вперед.

Я родилась сокровищем-полуеврейкой в больнице Леннокс Хилл, в Западном Ист-Сайде, и прибыла за пять кварталов домой, в наш огромный дюплекс, на лимузине. Это папа придумал. Раскроем карты, родители у меня были богатые. Мы купались в деньгах. То есть они купались. Брали частный самолет на Багамы прямо перед вылетом и думали, что эта шикарная жизнь никогда не кончится. А она кончилась.

Отцу принадлежала компания, называвшаяся «Лондонский

Льюис», они занимались детской мебелью, импортировали кроватки и всякое такое из Италии. Не помню, почему компанию называли «Лондонский Льюис», но если они подыскивали выпендрежное название, которое возьмут только новые деньги — чтобы звучало люксово и по-иностранному, — то они попали прямо в точку. В то время никто не торговал изысканной иностранной мебелью для детей, так что богатые родители с Манхэттена устремились в отцовский магазин, где могли выбрать самые модные тюрьмы для младенцев, какие только можно купить за деньги.

Когда я была маленькой, у меня были дорогущие вещи, как у богатых. Мы переехали из города в маленький пригород на Лонг-Айленд, когда мне было пять. В пригород из тех, где раз в неделю едят омаров, а на завтрак по воскресеньям — копченую рыбу. Как мы это называли, «побудь евреем на всю катушку!». В омаровые вечера мама приносила домой живых, из магазина, и клала их на пол в кухне, чтобы мы с братом и сестрой с ними поиграли. Тогда мне казалось, что это просто такое веселое занятие перед тем, как сварить вкусных панцирных. Но сейчас я понимаю, что мы играли со своей будущей едой — вроде как если бы Русалочка съела Себастьяна; и это было не круто. Они что, не могли нам просто золотую рыбку купить? Другие дети гоняли на великах снаружи, а мы устраивали гонки омаров, они у нас бились, как гладиаторы. Бред. Как бы то ни было, я помню, каково было расти в богатом доме, больше всего по части еды. Если подумать, я в основном помню о любом событии или моменте жизни именно это — что ела. Пару лет назад, до того, как у меня появились «настоящие» деньги, я спросила Джадда Апатоу, прикольно ли быть богатым, — и он мне объяснил, что когда становишься богатым, понимаешь, что все хорошее в жизни бесплатно. Можно купить дом, сказал Джадд, можно купить отличные суши и диски — но, в общем, и все. И все-таки мне, обслужившей кучу столиков и доедавшей с чужих тарелок по дороге на кухню, казалось, что дорогие суши — это неплохо.

В общем, «Лондонский Льюис» захватил рынок — пока другие магазины не начали торговать детской мебелью из Европы, и родители все потеряли. Случилось это, так вышло, как раз, когда отец заболел рассеянным склерозом. Невыносимо вовремя, дорогое Мироздание! Я не помню, каково это было — все потерять, но помню, как забирали отцовскую машину, когда мне было десять. Я смотрела, как он стоял на дорожке с пустым лицом, пока машину вывозили. Мама утверждает, что не знала, как там было с деньгами, но будь это программа MTV «Настоящая жизнь: Бабло Сквозь Пальцы», там бы сказали: «Она спустила его

деньги на меха и дома». А будь это фильм по Лайфтайм, сказали бы: «Она стала жертвой, чья жизнь страшно изменилась за долю секунды». Не знаю, что из этого правда. Наверное, ни то, ни другое. Я только знаю, что мама заперлась в доме, отказываясь принимать реальность, когда забирали черный «порше» с откидным верхом.

Я, по большому счету, не заметила потери, но почувствовала, как изменилось качество моих дней рождения. Наверное, именно тогда я сильнее всего ощутила перемену в финансовом положении своей семьи. Когда мне исполнилось девять и у нас еще были деньги, родители устроили мне «праздник на ферме» в нашем прекрасном доме на Сарри-лейн, тихой улице в центре Роквилла. В то утро в гараж рано-рано поутру поставили коробку с дырочками. Когда я сняла крышку, на меня уставилась стайка утят. Я решила, что умерла и попала в рай. Помню, как в глубине души поверила, что я та девочка из «Паутины Шарлотты». Я так влюбилась в этих малышей, что могла бы сидеть и гладить их весь день и умерла бы счастливой.

Мы могли себе позволить полный фарш, поэтому весь день настоящие фермеры по очереди доставляли к нам домой настоящих животных. Эй, заводите ослов! У нас был пони; козы; цыплята. Если вы выросли в Айове, вы, наверное, читаете это и думаете: и чо? Пара животных во дворе для вас — обычный вторник. Но поверьте, если вы из Нью-Йорка и у вас на дорожке перед домом корова, вы богаты — и на год станете самой популярной девочкой в школе. Мои друзья нарядились в комбинезоны, играли в куче сена и просто с ума посходили. Если взглянуть на это здраво — стыдобища, конечно: компания богатеньких детишек, которым казалось, что превратиться на время в бедных деревенских детей — это весело. Еще я как-то была на дне рождения, где устроили бой едой. Можете себе представить, если бы голодающие сирийские дети увидели, как еду вот так запросто выкидывают? Меня передергивает.

Но вы не волнуйтесь: очень скоро ирония явилась, чтобы куснуть меня за жопу. После того как родители потеряли все деньги, наша жизнь делалась все менее и менее приятной. Мы начали переезжать в дома поменьше, пока не стало казаться, что спим мы все кучей. И не веселья ради, как в «Там, где живут чудовища». А печальной, нищей кучей, как дедушки и бабушки в «Чарли и шоколадной фабрике». (Эми, ты когда-нибудь ссылаешься на взрослые книжки? Нет!) Когда я пошла в колледж, мама переехала в квартиру в подвале, где единственная спальня досталась моей сестре Ким, которая меня на четыре года моложе, а мне приходилось спать в одной постели с мамой. (Совет: когда

напьетесь в хлам, не пытайтесь продинамить таксиста, а потом залезть к маме в постель голышом. Таксист пойдет за вами, постучит, матери придется перед ним извиняться и платить, а вы будете лежать голышом под одеялом, хихикать и вертолеты ловить… подружка рассказывала.)

Но, если честно, я никогда не чувствовала себя бедной, даже когда мы были бедными. Мне всегда хватало денег на обед, на то, чтобы съездить с классом на экскурсию. Меня всегда обеспечивали. Время от времени мы ездили смотреть бродвейские спектакли или отправлялись на машине куда-нибудь, где были деревья и озеро. Или пруд. Или хоть лужа побольше, когда было совсем туго. Мы жили не по средствам, просто не как «Настоящие домохозяйки Нью-Джерси». Больше было похоже на персонал ресторана Лизы Вандерпамп. (Да, я говорю сплошными метафорами из репертуара канала «Браво»; и спасибо, Господи, за Энди Коэна.) По счастью, все мои друзья одевались кое-как и никогда не интересовались дизайнерскими шмотками или другими материальными благами. Я никогда не носила ювелирные украшения (и никогда не могла с первой попытки правильно написать слово «ювелирный») или брендовые вещи. Друзья мои этим были озабочены чуть больше меня, но в глаза разница не бросалась. То есть мы покупали майки от Bebe, но позволить себе могли только те, на которых было написано Bebe. На них всегда была скидка — и понятно, почему.

Я ездила на поганой машине, но у меня хотя бы была машина. Твиззи была очень подержанным фургоном, пахло там как в хлеву, но разворачивалась она легче легкого. Мне нравилось есть в ней пончики, и я подвозила из школы столько народу, сколько влезало. Выкрикивала: «Подбор!» — катаясь по парковке (по-моему, это отсылка к «Тупой и еще тупее»). Если Твиззи разгонялась больше тридцати миль в час, всем в машине начинало казаться, что у них в руках виброгантели. Но это все-таки была машина! Я не чувствовала себя ребенком из семьи с низким доходом. Помню, мне так нравилось мое платье на выпускной, что я его надела на два выпускных: когда ходила в предпоследнем классе, а потом — на свой собственный выпускной. Не помню, чтобы мне хотелось чего-то, что я не могла себе позволить. Мне очень повезло.

Только в колледже я начала замечать, что мне приходится потрудиться несколько больше, чем среднему студенту, чтобы свести концы с концами. Я питалась на купоны в столовой, воровала еду в студенческом союзе и при необходимости разводила парней на напитки — это было непросто, потому что на первом курсе я была похожа на блондинистого Бабадука. Я

нашла работу, вела в своем колледже групповые занятия гимнастикой, и эти занятия были моим основным источником законного дохода. (Я приторговывала травкой, а еще воровала по универмагам… упс. Тссс. Это не должно выйти за пределы книжки.) Ладно, я была худшим в истории торговцем наркотиками. У меня кончались пакетики, и мне приходилось использовать мусорные мешки для крошечных порций травы. Я давала к ней подарок — типа печеную картошку или что там было в квартире. И каждое лето, когда я приезжала домой из колледжа, мы с сестрой работали в единственном баре на Лонг-Бич, подавали пиво, вино и еду, которую пожарили за пять минут. Мы вкалывали по шестнадцать часов, возвращались домой, покрытые десятью слоями жирной пленки от фритюрницы, ноги наши распухали и выпирали из удобной обуви, а карманы фартуков были полны долларов. Мы раскладывали чаевые на кровати и пересчитывали — иногда выходило до пятисот долларов, и мы чувствовали себя султанами. А затем засыпали с улыбкой и просыпались утром в восемь, чтобы снова все повторить.

Когда я доучилась в колледже, я была Н, и И, и Щ, и А, и Я, нищая. Нищая, как Ванилла Айс до HGTV. Официанткой я зарабатывала достаточно, чтобы платить за жилье и питаться одними дешевыми пельменями на завтрак, обед и ужин. И перекус. И полдник. Я жила в квартире-студии размером со шкаф, которую снимала пополам с соседом, найденным на крейглисте. Как-то вечером компания комиков собиралась поесть суши, а я не могла, потому что в тот вечер потратила последние доллары на пять минут на сцене (вложение себя оправдало: я провалилась перед всеми семью недовольными комиками в зале). Суши в Нью-Йорке дороже кровавых алмазов, так что об этом даже речь не шла. Но одна из комиков, Лори С., по доброте душевной купила мне роллы калифорния. Я была так благодарна и так смущена, что ей пришлось мне их принести.

Но я вкалывала изо всех сил. И довольно скоро — вместо того чтобы покупать время на сцене, когда объявляли «открытый микрофон», и идти домой голодной, — я стала зарабатывать стендапом пару сотен долларов за уик-энд. А года четыре назад начала зарабатывать и по паре тысяч. Первый по-настоящему серьезный чек я получила за представление в колледже — 800 долларов за час. Я гонялась по квартире и визжала от счастья.

Заработав первые действительно большие деньги туром «Последний выстоявший комик», я отвезла Ким в Европу. Вместо того чтобы делить койку в грязном молодежном хостеле, мы останавливались в настоящих гостиничных номерах, с

собственными ванными и всем таким. Гостиницы не были шикарными, но мы себя чувствовали Рокфеллерами. Или, если вы из миллениалов, гендирами Рок-Э-Фелла Рекордс.

Но если сравнивать Старые Деньги (Рокфеллеров) и Новые Деньги (Рок-Э-Фелла), суть в том, что и у тех, и у других есть ДЕНЬГИ. Мне плевать, если чуваки со старыми деньгами презирают меня за то, что я — деньги новые. Я с радостью чокнусь с ними бокалами, сидя в самолете впереди. Какое потрясающее преимущество — летать первым классом! Я не принимаю это как должное. Все еще помню, как впервые зашла в частный самолет. Первый раз, когда делаешь что-то, связанное с деньгами, — всегда лучший. Я выступала в шоу, где хедлайнерами были Льюис Си-Кей, Сара Силвермен и Азиз Которому-не-нужна-фамилия. Шоу давали всего лишь в Коннектикуте, так что домой ехать было недалеко, но когда Льюис спросил, не подвезти ли меня, я ответила: «Ну а то!» Те, у кого есть деньги, чувствуют себя виноватыми из-за того, что деньги у них есть, перед теми, у кого денег нет, и не любят произносить вслух то, из-за чего их все возненавидят. Он не сказал: «Эми, хочешь со мной на оплаченном мной же частном самолете, чтобы пролететь всего двадцать минут, которые займет дорога домой?» Нет. Он сказал: «Тебя подвезти?» — как будто мы в старом кино, и я — девушка в беде, ждущая трамвая в дождливый вечер.

Ужасно, как прекрасно летать частным самолетом. Просто отвратительно. Советую отнестись к этой части, как к книжке «Выбери Себе Приключение Сам», и пролистать, а то вы меня возненавидите на всю жизнь. Когда летишь частным самолетом, тебя подвозят на машине прямо к трапу точно в то время, как улетает самолет. Хочешь взлететь в 9.00 вечера, тебя высаживают из машины в 8.55! Не стоишь в переполненном терминале (правильное слово: там все терминальное, как стадия болезни), никакого дикого флуоресцентного аэропортовского освещения, никаких очередей в туалет, никакого ожидания в очереди на контроль безопасности — с психами, которые выехали слишком поздно, чтобы успеть на рейс. Никаких бесконечных очередей, чтобы заплатить десять долларов за воду и жвачку, которая тебе даже не нравится, потому что твоей любимой не было. Просто выходишь из машины и заходишь в самолет, и минут через пятнадцать ты уже в воздухе. На другом конце тебя ждет машина, ровно тогда, когда ты выходишь из самолета; тебе подают сумку, и ты весело, весело, с песнями, нах, отправляешься по своим делам. Я летала на паре модных самолетов, как из клипов реперов, летала на старых и грязных. Но это неважно. Ты там

один!!! Все это я говорю для того, чтобы рассказать, какой везучей себя чувствую, что смогла вообще зайти в частный самолет. Я ценю каждое мгновение полета. Как и полагается человеку с Новыми Деньгами.

Я живу в хороших гостиницах, пользуюсь убером вместо того, чтобы махать таксистам на улице… даже когда подскакивают цены. Могу, когда захочу, задорого поесть, и я себе это позволяю. Не буду вам вешать лапшу: здорово знать, что я смогу отправить племянницу в любую школу, какую она захочет — хотя она уже сейчас, в свои два года, гений, и все получит за одни оценки или выиграет стипендию, когда станет играть в волейбол за первый дивизион. Очень успокаивает, когда знаешь, что можешь оплатить отцу клинику получше и у него точно будут лучшие в Америке специалисты по рассеянному склерозу. А еще я понимаю, как несправедливо, что не все так могут. Я — новые деньги, а не засранка. Вранье. Я пока не врала вам в этой книге и не хочу начинать сейчас. Я засранка.

Лучшее в том, что у тебя есть деньги — это возможность быть засранкой и спускать бабло на всякую ерунду. Если кто-то из моих друзей работает в клубе, я иногда плачу, чтобы им всю комнату уставили дурацкими букетами, как на похоронах исполнителя хип-хопа, где всякие венки и все дела. Один из сценаристов нашей программы сказал мне, что его пригласили на крошечную роль в сериале «Вице-президент»; зря он это сделал. Я, естественно, заказала в его гримерку дикое количество цветов, чтобы все остальные актеры шуганулись, а ему было неловко. Я могу себе позволить купить нам с сестрой по дорогущему ненастоящему комбинезону астронавта в магазине сувениров Музея естественной истории — чтобы мы в них проходили денек, просто подурачиться, а потом ни разу больше их не надели. Могу нанять частного шеф-повара приготовить ужин для моей семьи без всякого особого случая.

Я дружу со своим агентом. Он молодой, невероятно стеснительный парень — ну не любит, когда на него обращают внимание. К несчастью, мне кажется, что троллить его — очень весело. Так что я несколько раз нанимала клоуна, чтобы тот явился в его офис прямо посреди деловой встречи и наделал ему зверушек из воздушных шаров, а также спел. Я брала напрокат «феррари», просто покататься часок с друзьями. Брала яхту, просто потому что погода была солнечная. Я типа рэпера, только со мной проще. Я не покупаю «феррари» или там яхту; я беру их напрокат, а покупаю все возможные страховки. Я не накачиваюсь «кристаллом», чтобы покататься. Покупаю недорогое игристое и выпиваю только полбокала, потому что у меня от игристого болит

голова, а мне еще писать. Я вроде консервативного, разумного спортсмена-новичка. Или победителя лотереи, у которого есть финансовый консультант и нездоровое чувство юмора. Я — НОООООООВЫЕ деньги.

Диковато, когда к тебе внезапно начинают относиться совсем по-другому, просто потому что тебя показали по телевизору или у тебя завелось бабло. Я не стала ничем особенным из-за того, что я вот прямо сейчас знаменита. Я не буду знаменитой всегда — да и вообще это не очень надолго, что по мне и хорошо: не очень-то приятно, когда к тебе лучше относятся из-за твоих денег. Мои самые любимые люди по-прежнему меня в грош не ставят и ведут себя со мной как с лонг-айлендским помойным ведром — которым я на самом деле и являюсь. Я хочу, чтобы люди ко мне относились так же, как я к ним. Одно дело, если я сама про себя скажу, что мне с деньгами зашибись. Любой, кто вышел из грязи в князи, а ему с деньгами не зашибись, — урод. Я стараюсь помнить, кто я. Я еще помню, как тридцать процентов чаевых меняли для меня к лучшему день, а то и всю неделю. Помню, как мне приходилось продавать одежду в секонд-хенд, чтобы заплатить за открытый микрофон. Помню, как едва не стала донором яйцеклетки, потому что не знала, что еще сделать, чтобы хоть немножко заработать (я еврейка, мои яйцеклетки стоят вдвое дороже!). Помню, как ходила к приемнику монет в банк TD после игровых автоматов, чтобы отвести своего парня пообедать в Фрайдис на его день рождения.

А теперь я могу отвезти подруг в отпуск и купить всем роллы калифорния! Я, безусловно, делюсь богатством — оставляя ли хорошие чаевые или помогая всяким достойным делам, друзьям и родным. Это должно войти у богатых в привычку. Мне много платят за то, что я делаю. Такова природа шоу-бизнеса. Если на вас можно продать билеты, если люди придут посмотреть на вас живьем, — вам переплачивают. Так что нет никаких причин не поддержать остальных. Когда я оставила барменам тысячу долларов чаевых на бродвейском мюзикле «Гамильтон», вышло стремно, потому что это превратилось в вирусную новость. Разве такое не часто случается на самом популярном мюзикле в городе, где живут толпы богатых? Если я зарабатываю бонус за выступление, то отдаю его тем, кто был на разогреве, тем, кто меня причесывал и гримировал. Я выписывала большинству своих потрясающих близких друзей чеки на шестизначные суммы, чтобы облегчить им жизнь. Отдала большую часть гонорара за четвертый сезон своей программы «Внутри Эми Шумер» команде, с которой работала на этом шоу от двух до четырех лет. Все заработанное на съемках фильма «Благодарю за службу» — все до

доллара — я передала семьям пациентов с ПТСР и благотворительным фондам для семей военных.

Раздавать деньги так прикольно! До сих пор помню первый раз, как будто вчера было, потому что всегда мечтала это сделать. Я заработала крупную сумму, выписала сестре чек на десять тысяч долларов и вручила ей его у себя в гостиной. Она на него посмотрела и сказала: «Да завали хлебало. Нет. Нет. Что, правда? Нет». Деньги ее порадовали, но в основном она была просто счастлива за меня, она понимала, как это здорово, когда можешь поделиться. Мы гуляли возле Челси Пирс, смотрели на чек и улыбались. Ели роллы с омарами и батончики, и нам казалось, что мы парим. Одно из лучших ощущений в моей жизни. Но мало того, что это прикольно, это еще и важно! Правда, мои менеджеры мне говорили, чтобы я придержала коней, и сестра несколько раз предупреждала, чтобы я не превращалась в Дерево Даров до такой степени, что от меня останется только пенек, на котором все вырежут свои имена. Но я гораздо счастливее, когда могу быть щедрой, потому что хоть и знаю, каково это, когда денег завались, но не забыла, каково бывает, когда они тебе по-настоящему нужны. Конечно, кому-то приходилось и намного хуже, чем мне, но я знаю, каково это, когда можешь положиться только на себя.

Через год после того, как родители все потеряли, мой день рождения очень сильно отличался от той деревенской сказки, которую мне устроили в богатые годы. На этот раз все было построено вокруг песни Лайонела Ричи «Танцы на потолке». Папа укрепил посреди ковра в гостиной люстру, и семеро детей, пришедших в гости, танцевали вокруг нее, пока играла песня — снова и снова. Папа снимал все это на камеру, перевернув ее вверх ногами, а потом мы смотрели запись и ели пиццу.

На самом деле, все прошло классно. Песня была — и есть — отличная, а детям было все равно. Нам не нужен был надувной замок или кто-то в костюме поняшки Яркой Радуги, чтобы повеселиться. Дайте нам пиццу да зеркальный шар — и пожалуйста: вечеринка состоялась. Я даже не понимала, что у нас нет денег; просто думала, что родители чуть ошибаются насчет степени моей любви к Лайонелу Ричи.

Сегодня я так же счастлива, как была, когда работала официанткой в закусочной или получала пособие по безработице. Я не верю в то, что деньги меняют уровень счастья. Но многое становится проще, и когда я могу кому-то помочь, это здорово. Я по-прежнему чаще всего сижу дома и заказываю китайскую еду и суши. По-прежнему напиваюсь или нажираюсь по ночам. Но

теперь просто вино дороже — уже не «Карло Росси» в коробках, которые меня выручали битых полжизни. Я рада, что боролась. По-моему, я была бы полным отстоем, если бы деньги у меня были не «новые». И — для протокола. Когда племянница через тринадцать лет попросит у меня машину, я скажу: «Конечно». И подарю ей сверкающий фургончик, который будет разворачиваться легче легкого и трястись так, что мама не горюй, каждый раз, как разгонится больше тридцати миль в час, когда она рванет с друзьями за пивком.

Познакомьтесь с моими мягкими игрушками

По какой-то причине меня всегда тянуло к старым, похожим на кошмар, мягким игрушкам. Это началось еще в раннем детстве. Я никогда не любила новеньких хорошеньких плюшевых зверушек — таких, с радугами и сердечками, которые обычно предназначаются для маленьких девочек. Моих любимцев в жизни не увидишь всей толпой в витрине игрушечного магазина. Нет. Я люблю жутких, потрепанных созданий из прошлой жизни.

Хочу вас с ними познакомить — без особого порядка. (Я не хочу, чтобы они думали, что у меня есть любимчики. Хотя они, конечно, есть.) Когда-нибудь я планирую попросить в Twitter, чтобы все запостили фотографии своих детских мягких игрушек, которые по-прежнему хранят и любят. Для ясности: если вы все еще спите с этими игрушками и при этом вы — женщина за тридцать, то вы странная. Вот я совершенно НЕ делаю этого каждую ночь. Нет. И заткнитесь.

Мыша я обрела лет в десять на гаражной распродаже у подружки с Лонг-Айленда. Я помогала расставлять вещи на продажу и глаз с него не сводила все утро. От него просто шла правильная волна, и мы совпали. Про него спорили, мышь он или медведь, но я всегда чувствовала, что он явный Мыш. Еще один приводящий в замешательство факт о нем: он из войлока и велюра, но каким-то образом покрылся ржавчиной.

Кроля вошла в мою жизнь, когда мне было около семи. Единственная из моих игрушек, которая была совсем новенькой — и ее только что купили в магазине. Это такой плоский кролик-марионетка, они тогда были в моде. Несмотря на то что она из всей компании самая попсовая с этим ее обаянием массового рынка, я Кролю люблю, без вопросов. Я зову ее девочкой, но только что поняла, что вообще-то никогда не приписывала своих мягких друзей к определенному полу.

Панду я получила в восемь. Она тоже была довольно новая, но такая мягкая, что ей от меня досталось сильнее, чем остальным. Я ее быстро поистрепала. И опять же, никогда не думала, девочка Панда или мальчик. Просто панда.

Пенни я увидела в антикварном магазине, когда мне было семь. У нас с ней самая могучая история о запретной любви. Я ее так полюбила, так сразу. Пока мама что-то покупала, я обнималась с этой маленькой фетровой пандой с твердой головой, набитой соломой, и томными выпученными глазами.

Когда мама отказалась ее купить, сердце мое было разбито; она стоила сорок долларов. Но через пару недель мы воссоединились, когда мама неожиданно принесла ее домой. Увидев ее, я заорала: «Пенни!!» Мама так растрогалась, что я дала имя существу, которое мне еще не принадлежало. Как-то я потеряла Пенни на год, а в итоге обнаружилось, что она была у этой цыпочки Рейчел. Рейчел сказала, что думала, будто я подарила ей Пенни, а я объяснила, что у нее крыша поехала, потому что я никогда бы не рассталась со своей любимой малышкой Пенни. Второе воссоединение с Пенни было особенно сладким. По-моему, Пенни девочка, но ее суть не в этом. Она маленький воин.

Ну а наиболее ценным членом команды, конечно, будет дама — Поуки. Поуки была маминой, когда мама была маленькой, так что она у меня с рождения. При виде нее все мальчики, которых я приводила, неизбежно откладывали тонну кирпичей. Когда я была маленькая, меня не приглашали в гости с ночевкой, если я не обещала, что оставлю Поуки дома. Ее называли «невестой Чаки» и генератором ночных кошмаров. Но я в ней этого не вижу. Я ее люблю и все так же обнимаю себя за шею ее рукой, когда мне нужно утешение — как делала, когда была маленькой. А еще я не уверена, что Поуки — телочка, хотя точно знаю, что количества слез, которым я ее полила, хватило на то, чтобы она полиняла. Она — или он, или оно — прошла со мной все. Поуки набита такой же жесткой соломой, как голова Пенни. И, несмотря на то что я очень гибко воспринимаю ее гендер, я выбрала розовую ткань и кружево, чтобы ее переодели, когда относила ее к кукольному врачу (это что-то). Я сама всю жизнь не очень обращаю внимание на гендерную принадлежность. У нас была — все еще есть — кошка по имени Пенелопа, она живет с мамой и сейчас уже двумя лапами в могиле. Я назвала ее Пенелопой до того, как мы узнали, что она вообще-то мальчик, но имя мы ей менять не стали, и до сих пор зовем ее «она».

За годы у меня перебывало и много других мягких игрушек. У меня есть двухголовый медведь, которого я никак не назвала. Мне его подарил бывший. Мягкий и стремный, как я бы описала саму себя. Я его храню. Он слишком идеален; так бы он сам себя описал. За годы бойфренды передарили мне кучу мягких игрушек. Я из тех, кто стирает все напоминания о бывшем, едва мы расстанемся. Я пытаюсь убрать их «Вечным сиянием…» из своей жизни. Стираю с телефона все фотографии, выкидываю все подарки. Оставляю отпечатанные фотки, но — в коробке в кладовке.

Тот же бывший, который подарил мне двухголового медведя, подарил и огромную — то есть на самом деле огромную —

плюшевую гориллу на день Святого Валентина. Мы назвали его Карлос. И не ищите в этом расистский подтекст. Мне просто приглянулось имя Карлос. Мы все шутили, что он мне дарит огромные подарки, хотя квартирка у меня крошечная. Он покупал огромные вещи, которые не вписывались в квартиру, иногда делая это нарочно. Как-то подарил здоровенное растение, почти дерево, из-за которого моя квартира стала вроде тех мест, где любила бывать Джейн Гудолл. Мне пришлось вытащить его на задний двор, а в Нью-Йорке это просто жуткий переулок, где резвятся крысы и жрут все, что ты там сложишь — в моем случае, доски для серфинга.

Последняя мягкая игрушка, которую мне подарил парень, это маленькая лошадка. Моя двухлетняя племянница увидела ее и стала звать «Игого» — это такой звук, который издает лошадь, если вы вдруг выросли в городе. Теперь она спит с Игого, а мне приходится ждать, пока она перерастет это увлечение, но пока у них все серьезно. Надеюсь, с парнями у нее будет не так. Или с девушками. Или, может, она не будет считать себя женщиной. Что бы она ни выбрала, нас все устроит. Или он. Черт, как трудно написать книгу, чтобы на тебя никто не наорал.

Я знаю, вы только начали читать, так что пока еще знакомитесь со мной и, возможно, сомневаетесь в моей преданности этим зверушкам. Думаете небось, что я пишу пафосную фигню об этих старых забавных существах. Но я на сто процентов искренна в своей к ним привязанности. Где закончится моя одержимость ими? Уж точно не в отвратительном нью-йоркском мусорном контейнере, откуда я как-то заставила своего парня их спасать, когда грузчики, работавшие у нас на переезде, совершили страшную ошибку и выбросили все игрушки. (Грузчиков можно понять: у Поуки и правда такой вид, что место ей в темном переулке разоренной войной деревни, а не в симпатичной спальне взрослой тетки.) Вам, наверное, хочется меня спросить: «Эми, ты заказывала партнеру Тильды Суинтон, Сандро, групповой портрет своих зверушек, чтобы запечатлеть их навеки?» Нет, это было бы слишком — то есть погодите, я хотела сказать: да, вашу мать, я это сделала.

Они этого стоят. Все они — потрепанные свалявшиеся куски ткани, сшитые кое-как, но я люблю их больше, чем большую часть своих родственников.

Папа

Когда мне было четырнадцать, папа обделался в парке аттракционов.

Произошло это прекрасным летним утром, когда он повел меня и Ким в «Страну приключений» — которая была ровно тем, чем кажется по названию: парком аттракционов, полным приключений, если только вы никогда не переживали настоящих приключений или не были в настоящем парке аттракционов. Я всю неделю представляла себе эту поездку, мечтала о пиратском корабле и качелях. Они, уж точно, были самыми безопасными в парке, но для меня то была самая дальняя граница зоны комфорта. Я любила аттракционы, от которых появлялось чувство невесомости, падавшее из живота до самой вагины, когда аттракцион шел вниз — но мне никогда не нравилось переворачиваться или вращаться, пока не стошнит, и сейчас все еще не нравится. Думаю, можно сказать, что у меня вообще до крайности низкая переносимость страха.

В детстве меня до смерти напугал фильм «Улика». Я спала, положив на спину подушку — потому что кухарку в том фильме убили, ударив в спину здоровенным кухонным ножом. «С этой девочкой ничего не случится; только попробуйте проткнуть ножом эту подушку», — думала я. Как будто убийца войдет ночью ко мне в комнату, собираясь ударить меня ножом в спину, увидит, что на спине подушка, и отменит свои планы. Примерно такую же тактику я использовала, после того как услышала (не посмотрела) про фильм «Мизери». Я спала накрыв ноги подушками — на случай, если у Кейти Бейтс среди ночи возникнет желание приехать на Лонг-Айленд, вломиться ко мне в дом и переломать мне ноги киянкой. Может, поэтому я всегда спала (и до сих пор сплю) со своими жутковатыми, как из фильма ужасов, мягкими игрушками. Для защиты.

Достаточно сказать, что я была трусихой. В четвертом классе я говорила со школьным психологом обо всем, что наводило на меня ужас. Сама напросилась, а не обеспокоенный учитель к нему отослал. Наверное, я — единственная в истории девятилетка, попросившаяся на прием к мозгоправу. После сессии он отдал маме список моих страхов. Среди них были землетрясения и ленточные черви. Последние, в общем, не часто встречались там, где я жила, но мой брат изучал их в школе и не смог устоять перед порывом убедить меня, что я — легкая добыча, которую со стопроцентной вероятностью сожрет изнутри червяк. Однако первым (и самым памятным) в списке шел страх, что я случайно

собою себя в масло. Он родился под влиянием страшноватой старинной детской книжки «Черный малыш Самбо», истории из времен более простых и расистских, когда писали пугающие, оскорбительные сказки, чтобы дети лучше засыпали по ночам. Когда-то она была очень популярна, потом ее запретили — и правильно сделали — и изъяли из обращения. Но у мамы книжка сохранилась. Там про мальчика, который отправляется на поиски приключений, и в итоге за ним гонятся тигры, которые так быстро бегают вокруг дерева кругами, что нечаянно сбиваются в озеро масла, которое мальчик потом относит домой матери, чтобы она напекла оладушков… А вот так вот. В общем, меня всегда мучил страх, что я как-то превращусь в растопленное масло, и сейчас он не кажется таким уж пустым. Сейчас, правда, это больше похоже на то, как я хотела бы провести свои последние сутки на свете.

Короче, в то утро, когда папа собрался отвезти нас в «Страну приключений», я встала, надела джинсовые шорты, которые заканчивались точно над коленом (шли безумно), и длинную футболку с тасманским дьяволом, чтобы все понимали, что за дела. Футболку надо было завязать сбоку, потому что на дворе было начало девяностых, а тогда зажигали так.

Папа не часто нас куда-то возил, но родители недавно развелись, так что мы начали проводить время с ним наедине. Так мы могли отхватить немножко веселья, а он — немножко почувствовать себя отцом. Он забрал нас на своей красной машинке с откидным верхом около десяти утра (даже потеряв все, он все равно водил машину с открытым верхом). Я села впереди, потому что сзади слишком дуло, и убедила Ким, что ей так больше нравится. Ехать от дома было минут сорок, но от нетерпения казалось, что четыреста: с десяток аттракционов, сколько хочешь мармеладных червяков и игровые автоматы прямо в парке!

С папой я всегда чувствовала, что меня любят выше крыши. Он старался изо всех сил. Но когда я была маленькой, его личность приводила меня в замешательство. Он — совсем не из тех семейных мужчин, игравших в гольф и пивших пиво, каких я видела по телику или на кухнях у друзей. Его трудно было отнести к какой-то категории — и нелегко было понять. В молодости папа жил богатым холостяком в Нью-Йорке 70-х — который тогда тоже переживал расцвет. Жил в пентхаусе со своим лучшим другом Джошем, в то время — знаменитым актером. Баловался наркотой, спал с девицами и наслаждался каждой минутой. Встретив маму, он простился с той жизнью. Как бы.

Когда я была маленькой, он держал себя в форме — всегда загорелый, всегда хорошо одет. Он вел международный бизнес,

часто летал во Францию, Италию, Прагу, и я знала, что он вернулся из поездки домой до того, как видела его или слышала, потому что от него так мощно и роскошно пахло. Я думала, это смесь дорогого европейского одеколона, легкий запах сигарет и что-то еще, что я тогда не опознавала — а потом поняла, что это алкоголь.

Я никогда не замечала, чтобы отец сильно пил. Никогда при виде него даже не думала, что он хотя бы поддатый. Если не знать, как это выглядит, то ничего и не увидишь. Помню, как пришла из школы и нашла его вырубившимся, голышом на полу, но не сложила два и два. Помню, как он как-то попросил у меня прощения, что пропустил игру в волейбол, на которой на самом деле был, но я просто подумала: ой, папа, ничего не помнишь! Я понимала, что от него пахнет скотчем, но не принимала это в расчет. (До сих пор, когда мой парень напьется или у него серьезное похмелье и я его нежно прижимаю к себе, запах напоминает мне о папе. Когда я об этом говорю, парень смеется — думает, я шучу.)

Только потом я выяснила, что мой папа — самый настоящий алкоголик. Ему несколько раз пришлось ложиться на детокс, когда мы были маленькими. К его чести, он со своей зависимостью был осторожен. Пил только в поездках или когда мы спали, то есть… постоянно и каждую ночь. Единственное, что притормозило его пьянство — это рассеянный склероз.

Ему поставили диагноз, когда мне было лет десять, и вскоре положили в больницу, потому что болезнь ударила папу наотмашь. Все началось с покалывания в пальцах рук и ног, потом переросло в полную потерю чувствительности и боль в ногах. Когда он, наконец, вышел из больницы, все вроде вернулось в обычное состояние. Я не думала о его болезни, и никто о ней снова не заговаривал. Я любила папу, но, как любая поглощенная собой десятилетка, не беспокоилась о том, что он смертен. Да, я видела его на больничной койке, страдавшего от болей, но все равно думала, что он несокрушим. В то утро, когда он нас забрал, чтобы ехать в «Страну приключений», я думала о пиратском корабле — и не могу сказать, что так уж тревожилась о папином здоровье.

Едва машина затормозила у ворот парка, мы побежали к высоко взлетавшим качелям и встали в очередь. Было прохладно, из-за этого народу совсем мало — ура, подумала я, значит, мы сможем прокатиться два или три раза подряд, прежде чем пойти дальше. Я любила те качели, потому что могла притвориться, что ничего не боюсь, я закручивала и закручивала сиденье, пока они не взлетали в воздух, чтобы вращаться высоко в небе.

Я рвалась прямиком на пиратский корабль, но Ким хотела покататься на огромных страшных горках. Впереди у нас был весь день, поэтому я сказала «ладно», хотя не получала от горок никакого удовольствия. Ни броски туда-сюда, ни визг и возможность погибнуть меня не привлекали — и не привлекают до сих пор. Я ненавидела, когда вагончик чудовищно медленно вползал на горку, чтобы потом рухнуть вниз, и все вокруг начинали орать, жалея, что сели в него. Но Ким горки любила. А я любила Ким. И как старшая сестра я хотела, чтобы она считала меня храброй. Так что я сделала вид «подумаешь, дел-то» — и встала в очередь.

Но честно говоря, мне еще хотелось произвести впечатление и на отца. Он знал, что я жуткая трусиха, и я думала, что он заметит и скажет что-то вроде: «Ух ты, Эми… ты влезла на горку, как круто». Ему нравились всякие штуки типа прыжков с парашютом — и кстати, став постарше, я таки прыгнула в надежде его впечатлить, хотя каждая секунда этого мероприятия вызывала у меня отвращение… И вот мы встали в длинную очередь, которая, казалось мне, двигалась слишком быстро. Я слегка сгорбилась, надеясь, что не пройду ограничение по росту, но — нет, невезуха. Я все еще надеялась, что горку закроют на весь день, как раз, когда подойдет наша очередь, или что парк закроют из-за пропавшего ребенка. Там тысячи детей. Что, ни один не мог потеряться? Но увы, нет, подошла наша очередь.

— Хотите сесть в первый вагончик? — спросил парнишка, ведавший аттракционом; на вид ему было лет шесть.

— ДА! — завопила Ким.

Я посмотрела на папу, который — скорее всего, не без сарказма — показывал мне большой палец.

— Ага, — отозвалась я, хотя Ким уже запрыгнула на переднее сиденье.

— Пригляжу за вами, девчонки! — с упоением сказал паренек.

Мы помахали папе, когда поднимались на Гору Самоубийц, или как там называлась эта горка.

Я немногое помню из дальнейших двух минут — но вагончик, наконец, остановился, и я открыла глаза. Единственный плюс был в том, что я не пострадала физически, а еще это был отличный повод поупражняться в отстранении от самой себя — мы с братом и сестрой к подростковому возрасту научились этому в совершенстве. Мы вылезли. Ким была в восторге. Она прекрасно провела время.

Я не могу говорить за других маньяков с того аттракциона, но для меня американские горки стали источником травмы. Когда я

шла вниз по пандусу, мне казалось, что у его подножия должен стоять президент, чтобы вручить мне медаль за доблесть. Но медали не было; только папа, который нам улыбался.

— Очереди нет! — закричала Ким. — Давай еще разок!

И мы покатились, а потом еще и еще. Каждый раз папа подбадривал нас, крича снизу. Мы, наверное, проехались на этой штуке раз пять, когда, остановившись, увидели, что его нет.

— Где папа? — спросила Ким.

— Наверное, пошел за конфетами, или еще что, — предположила я.

Пока мы его ждали, мы прокатились еще раз, и еще, и еще. После двенадцатого раза я почувствовала, что уже совсем готова пойти на пиратский корабль — он был главным приключением, которого я ждала. Ким рвалась прокатиться еще, но мне нужно было остановиться. Я подумала, что хорошо бы передохнуть и когда-нибудь, может быть, завести детей, и еще я была уверена, что папа будет нас ждать, когда закончит то, чем занят… кстати, а чем он занят?

В то время я еще не поняла, какой у меня смешной папа. Большая часть того, что он делал или говорил, просто пролетала мимо меня — да и мимо всех, если на то пошло. Его юмор был настолько странным, что проходили дни, прежде чем люди понимали, что он их оскорбил. Он выдавал идеальные короткие реплики вполголоса, когда говорил с официантами, или с банковскими служащими, или с мамой; никто, кроме меня, их не слышал. Как-то бабушка ему сказала: «Если я умру…» — и он ее с усмешкой поправил: «Когда». Он и с нами, детьми, позволял себе черный юмор. Помню, я как-то вошла в кухню, а он сделал вид, что я его застукала за попыткой сунуть нашего пса Пончика в микроволновку. Папа держался так, как будто ничто в жизни не сможет взъерошить ему перышки или удивить.

Так что в тот день, когда мы с Ким сидели на скамейке и ждали его, я увидела отца с новой стороны. Мы все ждали и ждали. Я заплела Ким дурацкие косички и заставила делать мне массаж руки, пока он, наконец, не объявился. Когда папа подошел к нам, первое, что бросилось мне в глаза — это его выражение лица: паника и подавленность одновременно. А второе — что на папе нет брюк.

Ким ничего этого не увидела, потому что сразу же спросила:

— Можно нам тянучку?

— Конечно, — ответил папа.

Мы с ним посмотрели друг на друга. У меня не было слов. Его футболка, мокрая снизу насквозь, была достаточно длинной, чтобы прикрыть трусы, но брюк и след простыл.

— Нам надо уезжать, Эм, — очень спокойно сказал он мне.

Я думала, не спросить ли что-нибудь разумное — типа: «Папа, где твои штаны?» Но он взглянул мне в глаза и дал понять, что вопросов задавать не надо. Я пошла в магазинчик в стиле кантри и купила Ким тянучку, а потом мы поспешили к машине. Я не смотрела по сторонам и не знаю, пялились ли на нас. Я смотрела только на десятилетнюю Ким, которая ни о чем не думала, кроме очередного кусочка своей вкусняшки. Она что, правда, не замечает, что папа без штанов? Я понимаю, парк называется «Страна приключений» — но сомневаюсь, что эти приключения касаются мужчин на пятом десятке, одетых как Винни-Пух после конкурса мокрых футболок.

Мы подошли уже к самой машине, когда поднялся ветерок, и до меня донесло запах. Дерьма. Человеческого дерьма.

Тут-то я и поняла: ох, папа наделал в штаны. Так. Я быстро извлекла из ситуации возможность показаться любящей и щедрой сестрой.

— Теперь ты можешь сесть вперед, Кими!

Я быстро соображала.

— Правда?! — спросила Кими.

Она пришла в такой восторг, что ей уступили эту привилегию, что у меня немножко разбилось сердце. Тянучка из парка да еще и переднее сиденье? Она поверить не могла, что ей так повезло. Не знала сестренка, что ей недолго осталось наслаждаться своей тянучкой — и, возможно, у нее это больше никогда не получится.

Мы забрались в машину, я — сзади, а Ким впереди с отцом. Когда он опустил верх, я взглянула в боковое зеркало и увидела, как у Ким задергались ноздри. Она учуяла. Началась самая тихая в моей жизни поездка на машине. Тянучка лежала у Ким на коленях всю дорогу, а голова ее медленно отодвигалась все дальше и дальше от отца. Верх у машины был полностью опущен, но ей все равно пришлось свесить головушку сбоку. Когда папа затормозил у дома, чтобы нас высадить, Ким была похожа на золотистого ретривера.

На меня произвело огромное впечатление то, что она ничего не сказала. Какая хорошая девочка, подумала я. Она поцеловала папу в щеку и поблагодарила его, а потом побежала в дом, и лицо у нее было такого же цвета, как у лягушонка Кермита. Я выпрыгнула и, задержав дыхание, поцеловала отца. Пошла по дорожке к дому, и тут он меня окликнул.

— Эм!

Я обернулась и спросила:

— Да?

Он глубоко вдохнул и сказал:

— Пожалуйста, маме не говори.

Я кивнула.

Самое грустное, что я поняла в жизни, это то, что мои родители — люди. Грустные человеческие люди. В тот момент я повзрослела на десять лет.

Второй раз, когда папа обделался в моем присутствии, рядом не было американских горок, чтобы помешать мне это увидеть. Все произошло прямо передо мной. Ну, немножко сбоку.

Случилось это через четыре года — летом, когда я уехала в колледж, перед тем как я села в самолет до Монтаны, чтобы пару недель погостить у своего старшего брата Джейсона. Я боготворила Джейсона и всегда старалась с ним пообщаться. Он почти на четыре года меня старше и, как по мне, должен каждый год становиться человеком-загадкой, по версии журнала «Пипл». Подростком он был звездой баскетбола, но потом, в старших классах, вдруг бросил, потому что не хотел больше соответствовать чужим ожиданиям. Его интересовали всякие штуки, вроде времени и пространства, и он всерьез подумывал о том, чтобы провести несколько месяцев в пещере и вести ночной образ жизни. Никому ни слова не сказав, Джейсон стал классным музыкантом. Школу он не закончил: предпочел набрать баллы для аттестата, путешествуя по стране и написав об этом — он как-то убедил директора нашей школы и маму, что это отличная мысль. Понимаю, что все это звучит как та реклама «Дос Эквис», прославляющая бородатого старика с загонами, — но дело в том, что я с ума схожу от Джейсона с самого рождения и всегда хотела быть частью любой необыкновенной Вселенной, в которой он в тот момент жил. Так что я ехала к нему при первой возможности.

Как раз тогда отец все время рвался побыть папочкой, так что предложил отвезти меня в аэропорт. Когда у человека рассеянный склероз, «побыть папочкой» превращается в игру в бинго или в билет на аттракцион. После полудня он меня забрал и повез в аэропорт Кеннеди.

Когда мы туда добрались, я вытащила свой огромный чемодан из багажника его машины и сама двинулась ко входу в аэропорт. Наверное, со стороны было странно наблюдать за здоровенным мужиком, чья восемнадцатилетняя дочь поднимает и волочет свой огромный чемодан, — но никто же не знал, что он болен. Я не очень понимала симптомы его болезни, но знала, что она его замедляет, даже если с виду все в порядке, ему может быть очень больно, и он не способен на простые физические действия, которые раньше давались ему без труда.

Папа был рядом, пока я таскала сумки и регистрировалась на рейс, — и казалось, что все хорошо. Это было еще до 11 сентября, так что он мог проводить меня до выхода на посадку, что и собирался сделать. Он все говорил: «Я тебя провожу до выхода». Думаю, для папы это было важно, потому что он для меня никогда ничего такого не делал. Это, скорее, была мамина работа. Но я была рада, что он со мной: хоть список моих страхов к тому времени существенно сократился, летать я все равно жутко боялась.

Мы оба прошли безопаску, не разуваясь, — старые добрые времена, — и направились по длинному залу к моему выходу. Терминал тогда ремонтировали, поэтому приходилось выбирать дорогу. Нам еще прилично оставалось пройти, когда папа резко принял вправо и рванул к краю зала. Я остановилась и обернулась посмотреть, что он делает. Он мученически на меня взглянул, затем стянул штаны — и секунд тридцать из него лилось дерьмо. Тридцать секунд — это вечность, кстати, когда смотришь, как твой папа извергается с тыла, как вулкан. Только подумайте. Произнести «Миссисипи» — это одна. Всего одна секунда.

Все быстро шли мимо в ужасе. Какая-то женщина закрыла своему ребенку глаза рукой. Люди пялились. На одну телку, проходившую мимо, я рявкнула: «ЧТО?! Иди, куда шла!»

Закончив, отец встал и спросил: «Эм, у тебя какие-нибудь шорты в сумке есть?»

Я открыла чемодан и вытащила пару шортов для лакросса. Отдала ему, думая: пап, это же мои любимые были. Он бросил брюки в мусорку и натянул шорты. Я подошла, чтобы обнять его на прощание сверху. Я не плакала, не смеялась — просто улыбнулась и сказала:

— Пап, я тебя люблю. Маме не скажу.

Я пошла прочь от всего этого, и тут вслед мне донеслось:

— Я сказал, что провожу тебя до выхода!

Я обернулась, посмотреть, не шутит ли он; нет, он не шутил. И мы пошли до самого выхода. Я дышала ртом и злобно смотрела на всех, кто посмел на него пялиться. Когда мы дошли до последнего выхода этого чертова терминала, в конце очень длинного зала, папа меня поцеловал на прощание и ушел.

Обычно, когда я сажусь в самолет, я тут же начинаю беспокоиться, насколько страшно будет взлетать, и стараюсь придумать, как себя отвлечь, чтобы не нервничать. Но в тот день я сидела в самолете и ни о чем не думала. Голова у меня была пустая. Слишком больно было. Я не думала о своем бесстрашном отце, который боролся с загадочной болезнью. Раньше он носился

по аэропортам в облаке дорогого одеколона и пускал зайчики роскошными часами, а теперь превратился в этого безымянного беспомощного мужика, потерявшего посреди аэропорта власть над внутренностями на глазах у своей дочери-подростка. Он даже не вздрогнул и не дал мне понять, что его это парит. То есть как раз он был мокрым от пота: рассеянный склероз его себе подчинил физически, — но внутри он остался таким же непробиваемым, как всегда. Но я ни о чем таком не думала. Я просто смотрела в окно пять часов, ничего не чувствуя, пока не вышла из самолета в Монтане и не обняла брата — на дольше, чем ему бы хотелось.

Я пыталась говорить о двух этих дерьмовых историях со сцены. В них столько выбивающего из колеи, что я начинаю смеяться — иначе это не вынесешь. Ким, свесившая голову из машины; я, стоящая рядом с отцом, на котором нет штанов, возле вагончика, развозящего народ по парку аттракционов. Я смотрю на самые печальные моменты своей жизни и смеюсь над тем, как они ужасны, потому что они уморительны; рассмеяться — это единственный способ пережить болезненное. Мой папа такой же. Он всегда смеялся над тем, что другим казалось слишком мрачным для смеха. Даже сейчас, когда его память и умственная деятельность очень подорваны рассеянным склерозом, я говорю ему, что у него мозги похожи на яичницу-болтунью, — и он истерически ржет и соглашается: «Чистая правда!»

По папе в жизни не скажешь, что он себя жалеет. Он и не жалел никогда. Он не боится прямо смотреть на самое страшное. Надеюсь, я от него это унаследовала. Лишь однажды я видела, как он плакал из-за своей болезни, и это было совсем недавно — когда он узнал, что его будут лечить стволовыми клетками и что это поможет ему почувствовать себя намного лучше, возможно, он даже снова будет ходить. В тот день он плакал, как маленький. А до того — ни разу.

У меня чудесные детские воспоминания о том, как мы с ним ходили на пляж. Мы не вылезали с пляжа, и вообще он был натуральным солнцепоклонником. Даже в январе, если светило солнце, папа обмазывался детским маслом и садился во дворе в шезлонг. У него круглый год был загар. А летом мы рано утром залезали в океан и выходили уже после заката. Мы вместе катались на волнах; это была наша фишка. Больше всего я хотела удержаться на волне дольше его, но у меня никогда не получалось. Я даже жульничала, опускала ноги и немножко пробегала по дну, чтобы сравняться, — но нет, он всегда побеждал.

Самая большая радость, какую я помню из детства, — это

когда надвигался шторм и поднимались большие волны. Все пугались и не шли в воду, но только не мы. Даже когда океан злился и тащил нас вбок. Нам приходилось выходить на берег и проходить половину футбольного поля, прежде чем нас снова смывало волной. Мы плыли против течения и ловили лучшие волны за день. Ничто не могло заставить нас выйти: ни дождь, ни мама, оравшая с берега, — ничто. Я по-прежнему представляю себе папу молодым, здоровым и сильным, с бронзовой кожей и мокрыми черными волосами. По какой-то причине мне не было страшно. Может быть, потому что я была с папой. Рядом с ним меня было не одолеть.

Отрывок из моего дневника 1994 года (мне тринадцать) с примечаниями от 2016 года

Я решила завести дневник, потому что есть вещи, которые вслух не скажешь[1]. Мне тринадцать, и у меня есть проблемы. Мой брат Джейсон учится в выпускном классе. Он мне брат только наполовину, то есть у нас мама общая, а папа его умер, когда Джейсону было 11. Когда ему было два, наша мама вышла за моего папу. Мой папа вообще-то моего брата не любил, он не хотел, чтобы Джейсон был частью нашей семьи[2]. Я не обращала внимания, но папа ни разу не ездил с нами в «семейных поездках»[3]. Мама только недавно мне об этом сказала. Сказала, что пыталась устроить так, чтобы все остались довольны, и отец ехал в одной машине, а мы с братом и сестрой в другой, вместе с ней[4].

Отец Джейсона очень много для него значил. Мама мне об этом сообщила, когда тот умер, а отец и не попробовал стать Джейсону отчимом[5]. Они казались просто знакомыми. Мама в результате оказалась по сути матерью-одиночкой, отец ей не помогал. Я так рада, что она мне об этом сказала, потому что я же не знала. Она позволила Джейсону отдалиться от нашей семьи[6], которая теперь уже и не семья никакая.

Моей сестре Ким девять, она в четвертом классе. Она для своих лет очень взрослая. Думаю, она такая взрослая, потому что я ей не позволяю вести себя по ее возрасту. В ее классе есть несколько девчонок, настоящие &*&[7]. Обращаются с ней как с грязью. Ким очень чувствительная, и от этого еще хуже. Эти девчонки вытворяют с ней разные гадости, вот как-то раз сидели в столовой, обедали, а когда Ким к ним села, все встали и ушли. Когда мама мне рассказала, у меня слезы полились, она еще даже не договорила. У меня от жалости к Ким сердце разорвалось. В общем, я вскочила на велик, поехала к этим #$#$[8] домой и наорала на них. И сказала, чтобы отстали от моей сестры, а то ХУЖЕ БУДЕТ![9]

Ким иногда ведет себя как полная дура[10]. Она такая невинная и хрупкая[11], и я на нее иногда так злюсь, что обращаюсь с ней как с дерьмом. Мама велит ей просто говорить, что она чувствует, если кто-нибудь в школе ее заденет. Я говорю: «Забудь. Надо быть крутой и не показывать, что тебя задели»[12].

Месяца два назад я узнала, что родители разводятся[13]. Отец

вечно в разъездах, так что я не особо впала в тоску. А сестра наоборот. Через пять лет брака мама поняла, что не любит отца и никогда не любила [14]. Но она прожила с ним еще пять лет, из-за меня, Джея и Ким, а еще из-за того, что у него нашли эту болезнь, кончается на — оз [15]. Все, кто знает маму, скажут, что она самый хороший человек в мире [16]. Но они разводятся.

В четверг я иду к психологу. Не хочу, но знаю, что надо [17].

У меня есть еще одна проблема: подруги. Лорин, Беки и Кейт. Мы в своей параллели типа спортсменки, красотки и умницы [18]. Беки немножко тормозная; у нее круглое лицо с легкими веснушками и прямые, как струя воды, грязные светлые волосы до плеч. Она с меня ростом, но чуть похудее. Она думает, что просто шикарная, и хочет быть Лорин. Еще она сноб [19]. Еще есть Джен; она здорово играет в футбол и очень этим увлечена, но она такая растяпа, вечно до нее все до последней доходит. Она где-то метр шестьдесят, у нее мышиные русые волосы, и выглядит она очень по-ирландски. Как и все, по-моему [20].

Поверить не могу, что не упомянула еще одного своего лучшего друга, Марка. У него волосы до подбородка, он всегда после душа, всегда чистый. Хорошо играет в футбол, а еще он классный барабанщик. Мы с ним познакомились в пятом классе. Он этим летом основал группу, и я хотела стать у них вокалисткой. Пока мы с Марком были в группе вдвоем, все было нормально, но когда все стало всерьез, я ушла. Я очень хочу быть похожей на Марка [21]. По-моему, я слишком парюсь из-за того, что обо мне думают. Марк совсем не такой. Если бы я с ним не дружила, я бы и наполовину так счастлива не была. Если подумать, он, наверное, мой единственный настоящий друг [22].

Теперь про мальчиков [23]. Мне нравятся несколько мальчиков, но двое, на которых я больше всего обращаю внимание, это Кевин Уильямс и Джошуа Уолш. Кевин застенчивый, смешной и клевый. У него растрепанные каштановые волосы, и он выше метра восьмидесяти. Глаза у него роскошные, голубые, кошачьи и рот как у Джокера. Я ему как-то сказала об этом на биологии, и он усмехнулся и ответил, что знает. Джошуа на год моложе меня, но такой милый и славный. У него черные волосы, он ниже ростом, но сильный, и кожа у него фарфоровая, в веснушках. Вид у него такой, как будто он только что сошел с корабля из Ирландии [24].

У обоих мальчиков, как я заметила, есть небольшие дефекты речи. У Джошуа дефект, из-за которого он говорит как Кеннеди. Настоящие! [25] А у Кевина щелка между передними зубами, и он чуть шепелявит. Ыыы, это так мило [26].

Я дошла до первой базы — в смысле, до французских

поцелуев, но думаю, готова и ко второй [27].

Женщина, официально

Одни говорят, что женщиной становишься, когда у тебя начинаются месячные, другие — когда теряешь девственность. Евреи же тебя признают женщиной, когда проходишь бат-мицву. Разумеется, в своей церемонии я видела шанс. Не особо-то мне было интересно петь фрагмент из Торы, нет, я мечтала блистательно дебютировать на сцене синагоги. В мюзиклах я играла с пяти лет и была готова сорвать овации. «Я покажу этим евреям, из чего сделана», — думала я, не в расистском смысле, конечно. И вот настал тот день. Все смотрели на меня — это как раз то, что мне нравится с детства, — а я с предвкушением глядела в толпу с бимы. Мама плакала от радости, сморкаясь в жилетку отца, который так и лопался от гордости. Я бы не удивилась, если бы родители зааплодировали стоя еще до того, как я закончу. Все шло, как надо.

Я пропела свои слова на иврите, как полагается полуеврейскому ангелочку — не имея ни малейшего понятия, о чем они. То есть это мог быть даже и призыв поддержать апартеид. В еврейской школе нас учили двум вещам: читать на иврите и читать на иврите. За год до бат-мицвы у нас был учитель, мистер Фишером, надо заметить, пугающий человек с застывшим выражением лица, ручаюсь, он и при землетрясении выглядел бы так же, как и во время сна. Ничто не могло вывести его из равновесия. Я сидела на первой парте, и мистер Фишер вызвал меня читать вслух Тору. Минуты через три я остановилась и спросила: «А что это значит?» Тут он впервые проявил чувства. Треснул рукой, похожей на бейсбольную перчатку, по столу прямо возле моей головы и заорал: «К директору!» Больше я вопросов не задавала.

Тот раз был не первым, когда я вляпалась в неприятности из-за вопросов, и не последним. В школе нас призывали задавать вопросы, но иногда, после этих самых вопросов, обвиняли в грубости или провокации. Теперь, когда я окончила школу и в конце коридора угрожающе не маячит кабинет директора, я могу задавать любые вопросы — любые, на фиг, какие пожелаю. Это приятно. И это еще и очень по-женски.

Но в тот важный для меня день смысл слов не имел для меня значения. Мне было плевать, что именно я пою; я просто хотела, чтобы у всех башню сорвало. Я выдала последние строчки своего фрагмента — ну что, исполнители «Скрипача на крыше», вам грозит увольнение — и на финальной ноте изо всех сил прибавила звука. И тут моя мечта превратилась в кошмар. У меня

сорвался голос. Последняя нота вышла, как у Уильяма Ханга. Сердце заколотилось, и я почувствовала, как лицо превращается в свеклу, как с ним часто бывает, особенно, когда я позорюсь. В зале повисла тишина, я поняла, что сейчас заплачу.

Раздался первый смешок. Другой. И зал взорвался. Они все хохотали — и смотрели на меня с обожанием. Я увидела, как нервно хихикает Ким, ожидая мою реакцию. Я поняла, что несмотря на то, что все пошло не так, я всех порадовала, и я хотела, чтобы Ким поняла, что смеяться можно, поэтому засмеялась сама. Засмеялась от души. Я смеялась над собой. Мы все хохотали вместе — по-настоящему, долго.

Я почти уверена, что именно поэтому в тот день я официально стала женщиной. Не из-за глупого древнего обряда, когда детям дарят чеки, которые нельзя обналичить до двадцати пяти (серьезно? они все равно теряются). Нет, я стала женщиной, потому что превратила торжественный тихий зал в зал, полный нежданного смеха. Я стала женщиной, потому что впервые сделала то, что мне предстояло делать всю жизнь. Может, в тот момент я и не думала о важности этого события, но, когда оглядываюсь сейчас, убеждаюсь в этом.

Таких «первых разов» в жизни полно, они вспыхивают, как маленькие огоньки, и ты, сама того не зная, становишься женщиной. И речь не о всякой банальщине, вроде первого поцелуя или первой поездки за рулем. Женщиной становишься, когда впервые отваживаешься за себя постоять, если на обеде перепутали твой заказ, или когда признаешься себе, что родители у тебя дерьмовые. Женщиной становишься, когда тебе в первый раз профессионально подбирают бюстгальтер и ты понимаешь, что всю, мать ее, жизнь носила не тот размер. Когда в первый раз пукаешь при своем парне. Когда тебе в первый раз разбивают сердце. Когда впервые разбиваешь кому-то сердце ты. Когда впервые сталкиваешься с тем, что умирает тот, кого ты любишь. Когда в первый раз врешь и выставляешь себя в дурном свете, чтобы лучший друг выглядел хорошо.

Для становления женщиной менее драматичные события тоже важны, например, когда парень в первый раз пытается сунуть тебе палец в задницу. Когда в первый раз сообщаешь, как оно на самом деле: ты не хочешь, чтобы тебе совали в задницу пальцы. И чтобы вообще что-то туда совали. И затейливого рискованного секса, если на то пошло, тоже не хочешь. Просто хочешь, чтобы тебя иногда трахали в миссионерской позе, без всякого такого. Потом вспоминаешь эти моменты и понимаешь, что именно они тебя сделали той женщиной, которой ты стала. Все говорят, что это случается, когда приходят месячные, но на

самом деле это случается, когда вставляешь первый тампон и учишь лучшую подружку, как это делается.

Кстати о менструальной крови, вернемся к тому, как становятся женщиной в синагоге. После того как я обрушила зал, облажавшись с фрагментом из Торы, пришло время раввину подойти и заговорить со мной при всех — та же проповедь, но пошитая на меня лично. Мне говорили, что большинству такое внимание противно, но я подумала: «Пффф. Давайте. Начинайте говорить комплименты».

Рабби Шломо был высоким, ему пришлось наклониться, чтобы положить мне руки на плечи. Я подняла на него глаза и приготовилась изображать кротость. Он начал: «Эми…» — и это было последнее, что я слышала. Изо рта у него так несло, что я правда не могла расслышать ни единого слова. У меня все силы ушли на то, чтобы не отрубиться от вони, которой он на меня дышал. Я быстренько поняла, что надо хватать воздух, когда он вдыхает. Он склонялся ко мне с прочувствованными словами мудрости, а я упражнялась в дыхательной гимнастике. «Что он ел на завтрак? — думала я. — Подгузник для взрослых? Труп?»

Его речь длилась вечность. Ну или, по крайней мере, никак не меньше пяти минут, но, когда сходишь с ума из-за чьей-то вонючей пасти, время останавливается. У меня как раз закружилась голова от нехватки кислорода, когда я поняла по языку его тела, что он закругляется. Все зааплодировали. Я отвернулась, втянула полные легкие свежего воздуха и улыбнулась в никуда. Так бывает, когда официально становишься женщиной.

Теперь можно было перекусить копченой рыбой и бейгелами, а потом отправиться с ближайшими подругами в «Эпоху средневековья» в Нью-Джерси. Все по замыслу Господа и Голды Меир.

Лагерь «Якорь»

Когда мне было четырнадцать, я записалась волонтером в лагерь для людей с особыми потребностями. Лагерь «Якорь» существует до сих пор; это потрясающая программа, они принимают больше семисот человек в год. Туда записываются волонтерами, чтобы помочь тем, кто нуждается, — это полезно для души и добавляет жизни смысл. Я это сделала, потому что волонтерами в «Якорь» записывались мальчики — а мне хотелось, чтобы у меня во рту побывал язык футболиста.

Хотела бы я сказать, что поехала в «Якорь» из желания помогать людям. Но давайте реально смотреть на вещи: я была подростком, которому на всех, кроме себя самого, было наплевать. Подростковый возраст для большинства — время неуклюжести и неуверенности. Но в моем случае в нем было еще и навалом самообмана. Мало того, что я хотела нравиться мальчикам — я еще хотела воплощать все возможные сочетания: быть сразу красивой и доброй, умной и бескорыстной. Моя мама была учителем у глухих — так что, сколько себя помню, я была среди детей с особыми потребностями. Я думала, будет легко — ведь я уже умела разговаривать с такими детьми, как взрослая. Думала, проявлю к ним любовь, уважение и самоотдачу. Представляла себе, как буду учить маленькую девочку плавать, и уже похлопывала себя по спине за то, какая я молодец — Святая Эми. Люди станут выстраиваться вдоль квартала, только чтобы я им улыбнулась и иногда приобняла, как будто я уличный буддийский монах и всех их ждет вечное благословение. Но в основном я приходила в восторг от мысли поехать на автобусе и попробовать втиснуться рядом с симпатичными парнями.

В лагерь «Якорь» записалось волонтерами много клевых пацанов из старших классов нашей школы. Но я положила глаз на Тайлера Чини. Задумчивые карие глаза, взлохмаченные кудрявые волосы… Тайлер круто играл в футбол, а еще любил Fish и Grateful Dead. (Ого, был ли предел разнообразию интересов этого парня?) Мне нравилось смешить Тайлера, и это было несложно, потому что он был абсолютный укурок, и привлекательным его делал вовсе не двузначный IQ. Большую часть жизни меня тянуло к горячим парням с интеллектом хэллоуинской тыквы и брюшком. Мне всегда нравились животики. Тайлер был ровно такой. Все, что нужно было сделать, чтобы его рассмешить, — это процитировать фильм «Увалень Томми». Я знала это кино наизусть, так что Тайлер считал меня практически Джорджем Карлином. Сейчас он, кажется, в финансах, занимается

хеджированием или что-то в этом роде, в чем я не разбираюсь. (Как получается, что глупые люди все-таки могут зарабатывать такие деньги, а? Я не знаю, что такое хеджирование. Я бы ежированием занялась. Ежики, по-моему, милые, я бы себе завела. Хотя, наверное, я его загублю ненароком. У меня и растения-то не выживают. Ладно, не о том.)

Тайлер сидел передо мной на уроках испанского, и я таращилась в его кудрявый затылок, пытаясь сделать так, чтобы он захотел обернуться и признаться мне в любви. Ничего такого даже близко не случилось. Но когда я услышала, что он записался волонтером в лагерь «Якорь»… знаешь что, Тайлер Чини? Я тоже запишусь. Я готова была подбирать дерьмо за детишками, чтобы быть к нему поближе.

В первый день мы ждали автобуса на стоянке около детсада. Помню, как накануне вечером я разложила на кровати одежду для работы в «Якоре». «Дайте только Тайлеру меня в этом увидеть», — подумала я. Голубая, как Twitter, футболка. Фланелевые шорты в сине-зеленую клетку с надписью «Штат Пенн» (и даже не на попе; до того, как гении маркетинга решили наложить лапы на место, куда сразу устремляются глаза всех парней и самых любопытных женщин, оставалось несколько лет). Я натянула шорты, посмотрела на себя в зеркало через плечо и с глубокой печалью понадеялась, что именно в этом я буду, когда Тайлер поймет, что я для него достаточно хороша. Я знала, что путь мне предстоит долгий. Путь простой девчонки с жирной кожей, которая считала, что для соблазна надо шептать парню на ухо шутки из любимого потного комика Америки, весящего больше центнера. Но, возможно, лагерь был тем местом, где он увидит меня в новом свете. Если бы я просто могла быть чуть больше в его вкусе, подумала я. Я завязала волосы в пучок, как у балерины, и уложила челку феном — но через десять секунд все это встало дыбом в летнем влажном воздухе, и я стала вылитым Сэмми Хагаром.

В автобусе я села через ряд от Тайлера и принялась потеть в своем тщательно подобранном наряде, прилипая к зеленым сиденьям из кожзама — сиденьям, которые порвало и разрисовало хулиганье, заброшенное даже предками. Я слушала Roxette на своем плеере и пыталась выглядеть отстраненной и интересной, как Бренда из «Беверли-Хиллз, 90210», под которую я косила большую часть жизни. Она была королевой невероятных сочетаний. Казалось, она родилась невинной (я), но так и сочилась сексуальной притягательностью (я, как есть), и у нее бы запросто получилось что-то невинное — вроде пения хором, — при условии, что в финале Брендон отымел бы ее сзади под

трибунами. Милая, с темными и грязноватыми сторонами — совсем как я в четырнадцать. Только ничего подобного: меня и пальцем никто не трогал, и страшная я тогда была немыслимо. Но я так хотела, чтобы туфелька мне подошла, так хотела быть невозможной девушкой, как Бренда. Как бы то ни было, когда автобус подъехал к лагерю, я отвлеклась от мечтаний о том, что я — центр всеобщего внимания в Пич-Пит, отклеила ноги от сиденья и вышла из автобуса. Мы все вместе пошли на регистрацию, и я излучала энергетический посыл примерно такого свойства: «Мы будем крутыми, нам будет весело все лето, да, ребят? Я одна из вас, но у вас ко мне чувства. И ты себя мне подаришь где-то к 4 Июля, ДА, ТАЙЛЕР?»

Когда я подошла к столу регистрации, где нам предстояло выяснить, к какой группе нас приписали, у меня было только два желания: 1) чтобы мы с Тайлером оказались в одной группе и 2) чтобы мне достались миленькие детишки — девочки от пяти до восьми, группа «Младшая, 3». Группы были поделены по полу и возрасту, и я увидела «Младшую, 3» в брошюре, когда обдумывала волонтерство. Я хотела стать им крутой старшей сестрой, которая навсегда оставит след в их жизни. Они были прелесть; я представляла, как мы пойдем на ежегодный конкурс талантов, как будем смеяться и обниматься. Я их всех прокачу на закорках, и Тайлер скажет: «Ух, наверное, спина болит… хочешь массаж?» А я скажу: «Да, может, позже. Сначала мне нужно всех покатать». Как герой. А потом я сделаю ему массаж, поскользнусь, упаду на его пенис, забеременею и попаду в первый сезон «Мамы-подростка».

— «Старшая-десять»! — объявила немолодая женщина, которую я принимала за мужчину, пока она на меня не гаркнула.

— Простите? — рявкнула я в ответ.

— Будешь работать со «Старшей, 10» — женщины от тридцати пяти и старше. Это твоя группа, — сказала она, указывая на стайку женщин, которые походили скорее на главных героинь «Золотых девочек», чем на маленьких.

Я опешила. Затем возразила:

— Не знала, что в лагерь берут тех, кто старше меня.

Женщина, похожая на моего дедушку, когда он слегка зарастал, молча посмотрела на меня с пустым лицом.

— Какая веселая неожиданность, — сказала я.

Я была ненадежной, и она это чуяла. Я приехала в «Якорь» ради флирта с парнями и для пункта к сопроводительному письму в колледж, и она это знала. Она взглянула прямо сквозь свою челку эко-человечка в мое мелкое сердце и нахмурилась. Протянула мне бумаги и отправила работать.

Я медленно подошла к другой волонтерке, красивой латинской девочке из соседнего городка. «Привет, я Карли!» — сказала она, лучась добром. «Вот она-то здесь ради правильных вещей», — подумала я. Она была красивой девушкой с чистой душой, а я — несчастьем с мордой мопса. Карли была Брендой, только лучше. Даже еще роскошнее — секси, но не шлюховатой, да еще и добродетельной ко всему. Такое совершенство меня тогда еще не бесило. Мне просто захотелось быть такой, как она. И был еще Дейв Мак — потрясающий парень, в которого я немедленно влюбилась бы глубочайшей любовью, как в школе Беверли-Хиллз, если бы не видела, что он уже положил глаз на Карли. Черт, может, если бы я первая сюда добралась, я бы и его получила, соврала я себе. Но он был умный, он видел, что Карли — ангел во плоти с идеальной оливковой кожей и хорошенькой попкой.

Глава нашей группы, Джоан, была славной женщиной с кудрявыми светлыми волосами, выразительным итальянским носом, поясной сумкой и отличными буферами. Ей, единственной из нас, платили — но, думаю, не так много. Она была доброй, сильной теткой, которая с этими женщинами уже повозилась. Дурака не валяла, но по-прежнему могла с нами посмеяться, когда случались всякие глупости. А случались они часто.

Я каждый день загружала мозг, желая понравиться Тайлеру — или стать такой же безупречной, как Карли. Но телочки из «Старшей, 10», с которыми я теперь проводила почти все время, добивались своего куда успешнее. Они в основном не тратили силы, пытаясь скрыть, кто они, или притворяясь кем-то еще. Мона вечно ходила в бейсбольной кепке и огромной футболке с Микки Маусом. Крепкая, мужеподобная; от ее улыбки вся комната озарялась. У Моны был синдром Дауна, как и у ее лучшей подруги — Люси, которая была пострижена коротко, по-мальчишески, и целыми днями рассказывала шутки, начинавшиеся с «тук-тук». Я почти никогда не понимала, в чем соль, но ей так нравилось их рассказывать, что невозможно было с ней вместе не смеяться.

Еще одна из наших, Дебби, в открытую флиртовала со всеми и сходила с ума по мальчикам. Она следила за тем, чтобы косы у нее были аккуратно заплетены; так она себе казалась красивой. Пухлая, моложавая, она искала своего Ромео, как Джульетта. У нее тоже был синдром Дауна. У Бланш лицо было длинное, худое и веснушчатое. Она не стеснялась делать гадости и сразу дала понять, что я ей совершенно не нравлюсь. Я отнеслась к этому с уважением и не попадалась ей на глаза. Мы не тратили энергию попусту на притворство.

Инид была шизофреничкой, ее голос и движения напоминали мне Вуди Аллена. Волосы у нее были короткие, круто вившиеся, рыжие; а невроз был очень сильным. Она часто ходила и говорила сама с собой. Как-то я ей намекнула, что пришло время обедать. Инид ответила: «Не перебивай меня, не видишь, я разговариваю?» Ну чего, она была права. Я больше так не делала. Инид не выносила пустых разговоров, но была достаточно добра, чтобы иногда со мной славно поспорить. Она была такая умная, что я забывала о ее болезни. Инид была мне кем-то вроде стоической старшей сестры — иногда она отказывалась со мной общаться, а в другие дни мы были не разлей вода. К концу лета она стала мне ближе всех.

Как-то в солнечный денек мне поручили сопровождать Беатрис — милую женщину шестидесяти лет, которая говорила, как Голлум из «Властелина колец», и сходила с ума по Дейву даже сильнее, чем я. Дейв и Беатрис очень нежно друг к другу относились. На вечеринках всем давали понять, что с Дейвом никто не будет танцевать, кроме Большой Б. Росту в ней было всего метр двадцать, но весила она килограммов девяносто — и, хотя речь ее чаще всего было не разобрать, слушать, как она говорит, было занятно. Она бормотала что-то, что поняли бы только в Шире, хохотала над своими словами и хлопала себя по коленке.

В тот день у нас в бассейне была запланирована большая игра в Марко Поло. Что лучше подходит для лета, чем игра, выстроенная вокруг венецианского купца-мореплавателя — который то ли путешествовал, то ли не путешествовал по Азии в XIII веке? Я собиралась выиграть — ведь я была моложе своей «Старшей, 10» и знала, что в бассейне возьму верх. Дополнительно меня мотивировало то, что я знала: облачившись в купальники, обитательницы лагеря начинали хватать друг друга за разные места. Особенно меня. Им казалось, что хватать меня за грудь очень весело — и если бы одна из них меня поймала, то сиськи мне изжамкали бы, как лимоны на прилавке с лимонадом. Не то чтобы я была против выражения нежных чувств — просто хватали они всерьез, а на мне синяки остаются, как на персике. Но до начала игры Джоан попросила меня отвести Беатрис в душевую и подождать, пока она переоденется в купальник.

Я привела ее в сырую душевую, и пока она переодевалась в кабинке, рассматривала себя в мутное зеркало. Себя я не узнавала. Мое тело проходило ту подростковую стадию, когда ноги часто ныли от болезни роста. С разницей в день-другой я могла выглядеть то длинной и тощей, то коренастой, похожей на картошку. Единственное, что в то время было постоянным — это

разница в размере моих грудей. Правая лидировала с большим отрывом. Левой предстояло догонять многие годы, но она так до конца и не сравнялась. Зеркало затуманивалось все больше, пока я стояла и стояла, ждала и ждала.

— Беатрис?!

Она отозвалась из кабинки ворчанием, как Нелл:

— Влопппр.

— Беа, что там у тебя, сестра? Идем, а то пропустим игру.

Через несколько минут дверь распахнулась, и появилась Беатрис, готовая к хлору, в купальнике и сандалиях Тева. Одна беда: купальник на ней был надет задом наперед. Цельный купальник с низко вырезанной спиной смотрел совершенно не в ту сторону. То, что когда-то было грудями Беатрис, было выставлено на мое обозрение — причем фулл-фронт. Длинные и старые; в то время я еще не видела ничего, что так цеплялось бы за жизнь — и так висело. Они были похожи на игрушечных змей, которые вылезают из поддельных жестянок с арахисом. Жестянки крепились к ребрам Беатрис, а змеи телесного цвета свисали свободно, почти до пола. Она осмотрела душевую, глядя на все, кроме меня. Я остолбенела: только боялась, что меня будут хватать за грудь — и вот пожалуйста, смотрю на нее.

Тут Беатрис по прямой устремилась к двери. Похоже, она совершенно не в курсе про непорядок с гардеробом.

— Эй, эй, эй! — заорала я, пытаясь преградить ей дорогу.

Она понимала, что чего-то не хватает, но ей не терпелось в бассейн.

— Ба-ба, — сказала она, имея в виду «бассейн». Думаю, его.

— Нам бы повернуть твой купальник. Он задом наперед, милая.

Она взглянула на меня с гневом в вечно красных глазах. Я видела, что Беатрис готова идти и не собирается позволять мне ее задерживать. Ее не интересовало переодевание купальника; пора было играть.

Я закрыла собой выход, осторожно, но решительно отвела ее обратно в кабинку и сделала, что требовалось. Взяла лямки купальника в руки, спустила их. Пришлось побороться. Купальник был такой тесный, что мне пришлось опуститься на колени и тянуть изо всех сил. И вот пожалуйста — Беатрис стоит голышом, моргает и таращится, а я пытаюсь ухватить и натянуть на нее купальник из спандекса. Лицо мое почти упирается в ее вагину и грудь, которые в тот момент были, в общем, недалеко друг от друга. Ее мягкие, вытянутые соски лежали на моих обгоревших от солнца плечах, пока я переворачивала купальник.

Наконец он перевернулся, и я велела Беатрис шагнуть

обратно. Она на меня плевать хотела. Наверное, мечтала о том, как они с Дейвом проведут ближайшее лето на курорте Мартас-Винъярд. Я оказалась настойчивее — подняла ее белую, мягкую, похожую на фарфор, ногу и продела в одну дырку, потом проделала то же с другой ногой, а потом изо всех сил натянула крошечный купальник на ее грушевидное тело.

Когда мы закончили, я обливалась потом, а в душевой можно было устраивать парилку. Держась за руки, мы вышли к бассейну. Наконец-то кто-то в лагере захотел подержать меня за руку. Думаю, Беатрис понимала, что мне это нужно. Она повела меня к бассейну, только что не насвистывая, но я слишком вымоталась и издергалась, чтобы принять участие в игре. Вместо этого я села на брезентовый стул и уставилась в никуда, не шевелясь, пока Беатрис плескалась с другими дамами. Одна из них, возможно, и хватала меня за грудь, но я ничего не чувствовала еще двое суток.

Столкновение лицом к лицу с интимными частями Б. оказалось даже не самым запомнившимся мне моментом в душевой лагеря «Якорь». Потому что этот момент — на совести Салли из той же «Старшей, 10». У Салли было какое-то расстройство возраста. Ей исполнилось всего-то сорок, но тело у нее было как у семилетней, а лицо — как у женщины намного старше. При этом — стрижка, как у Питера Пена, черные, чуть седоватые волосы, куча веснушек, лоб в морщинах и суровые черные глаза. Салли была очень худой, говорила как ребенок и всегда держалась сама по себе. Вовлечь ее в какие-то общие занятия было запредельно невозможно. Помню, как подошла к ней однажды и с притворным задором сказала: «Салли, мы идем в шатер искусств и ремесел, будем делать рамки для картинок!» Она уставилась мне в глаза и заглянула в душу. Ей было все равно. Я знала, что ей все равно. Она знала, что я знаю, что ей все равно. В эту секунду мы кивнули и заключили молчаливое соглашение: в общении друг с другом придерживаться более реального взгляда на вещи.

В последнюю нашу неделю в лагере решили устроить вечеринку для всех волонтеров. Для нее я выбрала короткие джинсовые шорты и форменную рубашку, у которой закатала рукава. Перед тем как сочинить этот особый наряд, я уточнила, что Тайлер точно там будет — спросила об этом его и всех его друзей раз по триста. Перед этим я обратила внимание, что единственная из всех не ношу конверсы (как дура), поэтому купила пару бело-голубых, почти таких же, как у Карли. Она заметила, но не разозлилась, а сказала: «Круто! У нас одинаковая обувь!» Эта девочка была хоть в чем-то не совершенна? Не могла хоть разок облажаться, Карли? Пукнуть… хоть что-нибудь… что-

то, что дало бы мне понять, что ты человек, а не кукла «Американская Девочка» с идеальными сиськами?

К тому времени я была уже почти уверена, что у них с Дейвом все сложилось; они вечно находили повод прикоснуться друг к другу и хихикали, отбиваясь от стаи. В тот вечер Дейв что-то шептал Карли на ухо, а я осталась одна в новых кедах и носках, которые для них были великоваты, стояла возле пианино в музыкальном шатре с девчонками, и у меня не получалось выучить слова «Не мы раздули пожар» Билли Джоэла. Я на все была готова, чтобы поменяться с Карли местами. Обувь делу не помогла. Карли была как Золушка, а я — одна из сводных сестер, пытающаяся силой натянуть хрустальный башмачок, чтобы принц на мне женился. Внезапно из ниоткуда появилась Салли, подергала меня за рукав и ткнула в сторону туалета. Она попусту не болтала, ей явно было надо. «Старших, 10» надо было каждый раз сопровождать в туалет, и в тот раз Салли назначила меня везунчиком. По правде говоря, я почла за честь, что она выбрала меня в сопровождающие. Мы вместе молча направились к туалету. К тому времени мы уже стали кем-то вроде коллег. Ей было лет на двадцать больше, чем мне, и она сразу открыто дала понять: никаких любезностей, сучка. И я за это была крайне благодарна.

Мы встали в очередь в занятый туалет на четыре кабинки, где стояли до этого сто раз. Когда Салли зашла, она снова потянула меня за рукав, и я опустила глаза (в ней росту было меньше метра). Она смотрела на меня очень напряженно, словно пыталась меня заколдовать. Но нельзя же заорать на одну из своих подопечных: «Ты что, заколдовать меня пытаешься?!» Поэтому я просто спросила: «Что такое, Сэл?» Она не ответила, да и не надо было. Я посмотрела на пол и увидела, что у нее не по одной даже, а по обеим ногам течет жидкое дерьмо, на пол и на мои новехонькие кеды. Я подавила желание заверещать и броситься из туалета к ближайшему озеру. О нет — я смотрела в черные глаза Салли, пока она не закончила. Кажется, ей в тот момент нужно было смотреть кому-то в глаза — и, слава богу, я ей это обеспечила.

Когда все закончилось, я постаралась сделать все для того, чтобы дышать только ртом, пока выбрасывала конверсы в мусорку. Все, *кончилися танцы*. Я никогда не буду Карли. Я завела Салли под душ и сказала: «Все хорошо, Салли, все в порядке». Но она не волновалась. Она смотрела на меня, словно говоря: ну, коза, что теперь? И на это я ответила…

— Джоан!!!

Вот так я провела самый запоминающийся вечер в лагере

«Якорь»: стоя босиком в человеческих экскрементах, зовя на помощь. Джоан пришла и вызволила меня, но когда лагерь через несколько дней закрылся, я ехала домой одна на заднем сиденье автобуса. Пошел слух, что я стояла по колено в этом самом — и, хотите — верьте, хотите — нет, но никто не лез из кожи вон, чтобы пообщаться со старой босой Шумс. Я так и не побывала тогда на вечеринке волонтеров и до сих пор не знаю ни единой строчки из «Не мы раздули пожар». Я и на шаг не приблизилась к тому, чтобы замутить с Тайлером или Дейвом. Уже осенью Тайлер стал встречаться с невероятно красивой блондинкой по имени Стейси. Они были нашими школьными Брэдом и Анжелиной. Если бы про них издавали глянцевый журнал, я бы подписалась. Они походили на брата и сестру, и меня это не парило — но сейчас, оглядываясь, понимаю, что было в этом что-то жуткое. А еще понимаю, что меня так привлекает в «Игре престолов».

Как бы то ни было, тем летом я получила куда больше, чем рассчитывала. Я не достигла цели: мальчик, на которого я запала, мне не достался. Шутки Криса Фарли для Тайлера у меня кончились, а Дейв вообще едва замечал, что я существую. Но я получила куда больше, чем знание, что у пары подростков-укурков, по которым я сохла, на меня привставал. Я провела лето рядом с женщинами из «Старшей, 10». Я повоевала с ними. Мы все делали вместе, и я почла бы за честь вновь оказаться в окопах с этими девушками. Кроме Марты, самой старшей в группе. Она одевалась как Мэрилин Монро, а пахла как мешок с херами, забытый на солнце на год. Нет, я бы все равно сражалась на ее стороне, — но мне пришлось бы стать снайпером на далекой точке или кем-то вроде того.

Двадцать лет спустя я по-прежнему храню их лица и имена в сердце. Они люди, у них есть чувства, — и тела, — как у всех. И иногда эти тела извергают тонны дерьма, и тебе приходится в нем стоять, а иногда надо запихивать их сиськи обратно в сидящий задом наперед купальник. И им на это было совершенно положить. И я начала чувствовать то же самое. Для подростка вроде меня выучиться класть на многое — это практически откровение.

Детей или взрослых с особыми потребностями часто романтизируют, как будто они такие невинные-но-мудрые создания, которые могут смирить нас и сделать лучше. Во-первых, нельзя быть одновременно невинным и мудрым. Это еще одно невозможное сочетание. Это недостижимо и неправдоподобно, как Бренда. Или Карли. Во-вторых, я не предполагаю, что дамы лагеря «Якорь» были тем или другим. Но они жили со своими

недостатками, и я благодарна, что мне посчастливилось их повстречать, когда мне было всего четырнадцать. Я уехала из лагеря, познакомившись с женщинами, которые не боялись заявить права на парня, с которым хотели танцевать — и ничего не меняли в себе ради любимого. Не стыдились жизни своего тела — и не врали ни себе, ни другим. Не терпели пустых разговоров или притворства. Смеялись, когда хотелось, как в последний день, и плакали в три ручья, когда им нужно было поплакать. В общем, я наконец нашла своих.

Как я лишилась девственности

Я всегда фантазировала на тему потери девственности — в духе того, как, по-моему, большинство девочек представляет себе свою свадьбу: кругом друзья и родные, и все это при священнике. ШЧ, ШЧ. Но правда, я никогда не была девочкой, которая мечтает о будущей свадьбе. Ничего такого, про белое платье и про то, как я иду по проходу к алтарю. Этого просто не было в моей картотеке фантазий. Не знаю почему. Но зато я много лет думала о том, как расстанусь с большой Д. Представляла, как смотрю мужчине, которого люблю, прямо в глаза, как целую его, как наши пальцы переплетаются, а потом двое становятся одним, и все это медленно и красиво. Тихий шепот любви, и такое ощущение, что прорывается дамба всего приятного; оргазмы и слезы счастья. Я думала, что мы оба будем девственниками до тех пор, пока глубоко не вдохнем, а потом… перестанем ими быть, заплачем и будем обниматься всю ночь. Думала, что посмеемся тому, насколько важное дело наконец сделали, и проведем следующий день, взявшись за руки, гуляя по нашему городку, переживая новый покой и радость, пока не сможем опять уединиться и повторить, снова идеально заняться любовью, и все в мире будет правильно.

Но получилось не так. Мне такого не досталось.

Где-то за год до того, как все произошло, я хотела лишиться девственности с парнем, которого звали Майк. Он не был моим *официальным* бойфрендом, но я по нему с ума сходила, и мы то встречались, то нет с тех пор, как мне стукнуло тринадцать. В шестнадцать я решила, что готова. Я пошла к маме и своей подруге Кристине и сказала: «По-моему, я готова заняться с Майком сексом». Оглядываясь назад, я понимаю, что старшекласснице идти к маме за наставлением перед грядущим сексом довольно стремно. Но меня воспитывали вне всяких границ, так что в то время мне казалось, это правильно.

Вообще, мы с мамой много говорили про секс. Если у меня возникали вопросы, мы шли в устричный бар Бигелоу, и я их задавала над миской новоанглийской похлебки из моллюсков. Смешила маму так, что она булькала супом, и спрашивала про всякое неприличное. Если подумать, в этом точно не было ничего ни правильного, ни уместного. Но это совершенно определенно сделало меня той, кто я есть. Однако во время того разговора о сексе и мама, и Кристина сказали: «Нет, не надо. Надо подождать, чтобы все было особенным». Мама заметила, что я ужасно буду себя чувствовать, если на следующие выходные замучу с кем-то

еще. Я подумала и поняла, что она права. Я не была закаленной в боях поклонницей, следующей за любимой группой на гастролях. Я была подростком. Так что я их послушала и сохранила девственную плеву еще на год.

Как раз примерно в то время я начала встречаться с парнем по имени Джефф. Он был классически красивым популярным парнем. Но кое-что его от всех отличало. Он был злее, чем большинство мальчишек-подростков, и такой — немножко не понятый окружающими. И, наверное, немножко неуравновешенный. Ну, вроде как когда ему дали в «Макдоналдсе» филе-о-фиш вместо бигмака, а он так вышел из себя, что расплакался. Совсем расклеился. Настоящие слезы ярости. Такие, какими парни, по общему мнению, должны разражаться, только когда смотрят фильм, затрагивающий их сложные отношения с отцом (то есть большинство фильмов). Разве не смешно, что говорят, будто почти у всех девушек сложные отношения с отцом, хотя на самом деле — почти у всех парней? Но у этого парня были сложные отношения с отцом, мамой, собакой и рыбным филе. Я тогда просто подумала: «Ну, он ничего не может с собой поделать. Но я его понимаю. Я его поддержу». Нас обоих, в общем, любили — но когда мы оставались вдвоем, то были вместе против целого мира.

Я только недавно поломала шаблон, по которому меня тянуло к парням формата «ты одна меня понимаешь». Не надо тянуться к таким парням, и то, что они никому, — включая всех ваших друзей, родных и собаку, — не нравятся, это не совпадение. Но Джефф был прелесть, и он меня любил, а я его. Он был для меня как Джастин Бибер для Селены Гомес — только денег у него не было, и ни один из нас в то время не блистал талантами.

Мы как-то пристрастились смотреть «Грубый вечер понедельника» — это такое телевизионное реслинг-шоу, в котором плохой парень в тесных шортах говорит всякие гадости хорошему парню в тесных шортах другого цвета, а потом они очень эмоционально вовлекаются и пару минут демонстрируют чудеса силы, пока руку одного из них не поднимает в воздух лысый судья с брюшком. Мне оно не нравилось, потому что хоть я сейчас и дружу с некоторыми рестлерами, — и даже встречалась с одним, — это просто не мое. Я ценю спортивность и зрелищность, но… просто не прет.

Мне нравилось, что у нас с Джеффом — своя традиция, что мы тайком протаскиваем большие бутылки пива в мою комнату, потом обнимашки, все дела. Я жила ради этих вечеров. Все это было мне в новинку. У меня как раз за месяц до того случился

первый оргазм — в одиночку, конечно. Я научилась мастурбировать под фильм «Манекен». Он меня не особенно заводит (не осуждаю, если вас да), но я как-то смотрела его одна на диване и просто сунула руку в штаны, потерла у самого верхнего края вагины — и наконец кончила. Меня так проперло. У меня как будто новая игрушка появилась. Я попыталась тут же повторить, потом еще. Вскоре выучила, что надо подождать полчасика. От души надеюсь, что у девушек бывают оргазмы. Если нет, надо облизать пальцы и потереть там, где вагина сверху сходится в точку, круговыми движениями, пока не наступит оргазм. Покажите своему парню, как это делается, чтобы не обижаться на него за то, что кончает только он. На здоровье, вы этого заслуживаете! А еще пусть поработает ртом. Не смущайтесь. Живите на полную.

Так о чем я? В общем, сейчас я думаю, что была близка к оргазму с Майком, но не разобралась в ощущениях и решила, что мне надо в туалет. (У кого-нибудь так было? Нет? Ладно.) Я извинялась, шла в туалет и вытирала всю жидкость, которая казалась мне унизительной. Потом мне объяснили, что мокнуть — это хорошо. Слава богу, подумала я, поскольку все эти походы в туалет начинали вызывать подозрения.

Но тогда я не все делала с Джеффом, в смысле секса. Мы добрались до третьей базы, как говорится, и я много раз пыталась довести его до оргазма рукой. Но никогда не удавалось, и мы оба из-за этого очень расстраивались. У меня руки стали уже, как у Мишель Обамы, но ничего так и не получалось. По-моему, у него было чувство религиозной вины из-за всего, связанного с сексом, и он просто внутренне зажимался. Или, может, я ничего не умела. В любом случае казалось, его это или выводит из себя, или смущает. Я понимаю, парню это трудно, а он был моим парнем, которого я на самом деле любила, — так что как-то раз я ему сказала, чтобы подрочил передо мной, чтобы побороть смущение. Я ему всячески помогала, пока он себя доводил до финала, хотя меня это немножко отталкивало. Но план сработал. Это помогло ему расслабиться, и я (наконец-то) смогла помочь ему достичь оргазма. Мне это было важно, потому что я хотела заняться с ним сексом, но не прежде чем мы должным образом разберемся с третьей базой. Не знаю, почему я это вбила себе в голову. Может, потому что в старших классах столько говорят про всякие базы, что кажется, будто все должно идти по порядку. Когда я росла, парни все время пытались выяснить, что они могут от нас «получить» в сексуальном смысле. Девочек приучали думать, что мы должны сопротивляться, иначе нас станут считать шлюхами. Я хотела подождать, не сразу «идти до конца», потому что просто не

была готова. Я хотела немножко подготовиться к сексу. Шаг за шагом.

После удачной мастурбации в грубый вечер понедельника, мы с Джеффом продолжали встречаться и каждую неделю смотреть реслинг. Человеческая Особь и Ледяная Глыба Стив Остин притворялись, что дерутся, а мы пили пиво. Как-то ночью, когда мы, выключив свет, лежали на моей кровати и смотрели реслинг, я задремала. Позднее время, содержание программы и пиво — из-за всего этого вместе я то и дело уплывала. В какой-то момент, когда я лежала на спине и не смотрела, я вдруг почувствовала, что Джефф сует в меня палец. Мы совсем ничем таким не занимались, так что странно было вот так сразу к этому приступить. Стало больно, чего раньше не бывало, я посмотрела вниз и поняла, что он вставил в меня пенис. Не палец. Он в меня вошел. Не спросив, не поцеловав, в глаза мне не глядя — и даже не удостоверившись, что я не сплю. Когда я вздрогнула и опустила глаза, он тут же отодвинулся и заорал: «Я думал, ты понимаешь!» Мне это показалось очень странным, вот такое решительное заявление, да еще такими заранее заготовленными словами, оборонительно — хотя я ни слова не сказала. Я посмотрела на постель, увидела кровь. Мне было больно, я растерялась. Он вскоре ушел, а я повернулась на бок и заплакала.

На следующий день он попросил прощения. Был очень расстроен, сказал, что ему плохо, что хочет с собой что-нибудь нехорошее сделать из-за произошедшего. Я постаралась его утешить, ведь я искренне за него переживала. Хотела, чтобы ему полегчало. Я так растерялась. Растерялась, не понимая, с чего он именно так решил со мной этим заняться, но главное, что я чувствовала — парень, которого я любила, был расстроен, и я хотела ему помочь. Я прижалась головой к его груди, сказала, что все хорошо. Я его утешала. Давайте еще раз: я его утешала.

У меня еще немножко шла кровь, все болело, и я совсем запуталась. То, что случилось, начинало до меня доходить, и меня прямо тошнило, когда я об этом думала. Дикость какая-то. Я была его девушкой; мы говорили о сексе и очень открыто всякое такое обсуждали. Я только что помогла ему понять, как достичь при мне оргазма. Я помню, что была из нас двоих более сексуальной. Если бы он в тот вечер попросил меня заняться сексом, думаю, я бы сказала «да». Я не понимала, почему он со мной обошелся вот так. Он что, думал, надо на самом деле «присунуть»? У него, как мне помнится, столько вины было связано с сексуальным поведением — столько вины и столько страха. Может, он думал, что так будет без вины и без стыда? Может, как и подрочить, ему было проще, если я не принимала

активного участия в процессе. Не знаю. Но он принял решение без меня. Все это было не про нас, а про него. Мне было грустно, я чувствовала, что меня предали. Я думала, что на самом деле дорога ему — но едва ли кто-то, кому ты дорога, стал бы так поступать. Но я все равно хотела, чтобы у нас все было хорошо.

Самое странное, что, хотя Джефф и попросил прощения, и сказал, как ему плохо, я не помню, чтобы он вообще спрашивал, каково все это было мне. Я повела себя, как большинство девушек — просто стала жить дальше. Я мало о таком знала. Я не знала, что секс так часто бывает не по согласию, что поверить трудно. Сексуальное насилие, по сути, так распространено, что сейчас мы проводим большие кампании, чтобы научить мальчиков и молодых мужчин, что это такое — получить согласие.

Но мне было семнадцать, и я хотела нравиться своему парню. Я по-прежнему хотела быть с ним — я с ним и осталась. Мы продолжали встречаться и через пару месяцев стали регулярно заниматься сексом. Во второй раз я попыталась притвориться, что это был первый. Я даже пошла потом к маме и сказала, что лишилась девственности. Но это было враньем, и я бы соврала сейчас, если бы сказала, что мне не казалось — для меня все испорчено. Мое доверие разбилось вдребезги — не только доверие Джеффу, но во многом и доверие кому угодно. У меня отняли мечту о прекрасном памятном мгновении близости между двоими — да так, что я и оглянуться не успела. Он ее отнял. Я тогда этого не понимала, но теперь знаю, что стала из-за этого жестче, и это необратимо. Потом еще много лет, когда дело доходило до секса, я была лишена роскоши просто быть собой. Чаще всего я слишком оборонялась и настораживалась, предполагая, что парень хочет причинить мне боль или слишком много взять. Бывала я и слишком бездумной, почти не в себе, словно сам секс для меня не очень-то много значил. Я говорила себе, что могу заняться сексом с любым, если захочу, даже если ничего к нему не чувствую. Ни та, ни другая версия у меня не была настоящей.

Хотела бы я сегодня сказать, что секс для меня больше не связан с неловкостью и самозащитой. Но это не так. Если речь не о постоянных отношениях, я настороже. Я хочу быть той, кто принимает все решения. Мне нужно побыть с человеком какое-то время и начать по-настоящему ему доверять, прежде чем секс станет веселым и свободным. И вот тогда мне все нравится. Я ведь очень сексуальная цыпа. Но первый опыт не подготовил меня к радостному путешествию туда, где я нахожусь сейчас. Женщины, как и мужчины, достойны того, чтобы наслаждаться сексом и приходить к этому по своей воле.

У стольких девушек бывали ночи вроде моего первого раза — а то и хуже. Некоторые девушки просыпаются от того, что друг или их парень занимается с ними сексом. На кого-то жестоко нападают в людных местах или прямо у них дома. Одну из шести женщин насилуют. Из них сорока четырем процентам еще нет восемнадцати.

И каждый раз, как женщина рассказывает о том, что подверглась сексуальному насилию, все начинают высказываться. Про эту главу тоже будут высказываться. Кто-то скажет, что и говорить-то не о чем. Или что это моя вина, раз я выпивала, он был моим парнем, и я лежала с ним рядом.

Разве не печально, что когда девушка говорит, что подверглась насилию, наша первая мысль: может, врет? Статистика и факты говорят совершенно об обратном. Мы требуем, чтобы жертва была идеальной, чтобы она не выпивала, не тусовалась на вечеринке в короткой юбке или открытом платье и чтобы о ней не ходили разговоры, что ей нравится секс.

То, что произошло со мной, для меня же кристально ясно: он был во мне, а я на это согласия не давала.

Многие девушки молчат о том, что с ними случилось. И это их право. Я открыто говорю о своем «первом разе», потому что не хочу, чтобы такое однажды произошло с вашей дочкой, сестрой или подругой. Я хочу вслух, внятно сказать, чтобы все заручались согласием, прежде чем заняться с кем-то сексом. Надеюсь, все родители говорят с детьми о согласии, и когда говорите, пожалуйста, пожалуйста, не повторяйте ошибку моей матери. Не делайте этого над миской похлебки из моллюсков. Потому что это дико и стремно.

Я жалею, что не могла тогда поговорить с родителями или с кем-то из взрослых, чтобы разобраться в своем смятении и ощущении, что меня предали. Жалею, что не постояла за себя и не сказала Джеффу, что так нельзя. Не должно было так получиться. Я не хочу, чтобы кто-то это прочел и подумал: «Мой сын не злой, он не плачет от ярости над сэндвичем с рыбой в кляре, так что он, наверное, понимает, что надо получить согласие девушки, прежде чем совать в нее пенис». Но такое происходит настолько часто, что нам явно надо об этом говорить. Каждый должен понять, что сексу без согласия нет оправдания. Те, кто совершает сексуальное насилие, должны расплачиваться за свои поступки. У меня было выступление на эту сложную тему. Я бы назвала это проблемой «сезона» — «серой зоны насилия». Меня изнасиловал не наркоша, выпрыгнувший из кустов в Центральном парке. Я не кричала «нет». Он не долбил силой, пока не кончил. Он был во мне совсем недолго. Но так нельзя.

Девственность не должна быть чем-то, что «теряют» или «отдают». Секс — это то, чем делятся. Мой первый раз мог и не быть идеальным, но я бы хотела знать, что он на подходе. И поучаствовать в принятии решения. Вместо этого Джефф просто угостился моей девственностью — и я навсегда изменилась.

То, чего вы обо мне не знаете

Составить список того, чего вы обо мне не знаете, довольно сложно, я ведь — открытая книга. Но я попыталась:

1. У меня на левой ноге серьезный шрам после несчастного случая с доской для серфинга, когда я была еще подростком. По-моему, это круто, хотя в глубине души я знаю, что это жуть.

2. Я понимаю язык жестов. Не то чтобы в совершенстве, но вполне могу объясниться. По неприятному опыту знаю, что не все глухие хотят с тобой говорить только потому, что ты владеешь их азбукой.

3. Я до смерти боюсь пауков, а от хорьков меня тошнит.

4. У меня нет пищевых аллергий, но от баклажанов больно во рту.

5. У меня малые под большими (я про вагину).

6. Из противозачаточных я пользуюсь Новарингом. (Мне не платили, чтобы я рекламировала Новаринг, но, по-моему, должны. И за шардоне Ромбауэр тоже.)

7. Я ни разу не была беременна, но выгляжу, как будто уже.

8. Я ни разу не занималась анальным сексом. (Я бы не против, но говорят, что за пару часов до этого нельзя есть, а на это уже я вряд ли готова пойти.)

9. Никто ни разу не кончал мне на лицо (но все остальное, по-моему, задействовано было).

10. Моя любимая еда — паста с пармезаном, и я люблю ее есть, когда засыпаю.

11. Однажды я прыгнула с парашютом, но мне не понравилось, потому что пришлось ВЫПРЫГИВАТЬ, ТВОЮ МАТЬ, ИЗ САМОЛЕТА.

12. Я больше не хожу в синагогу, но мне нравится быть еврейкой, и я люблю самую чудовищную еврейскую еду, вроде форшмака и гефилтефиш.

13. Мне нравятся мои ступни и уши. Знаю, рот у меня довольно маленький, но он мне тоже нравится, он меня иногда выручал, не пришлось у некоторых брать.

14. Мои любимые актеры, из ныне живущих, — это Саманта Мортон и Марк Райленс.

15. Мне нравится курить траву и нравится курить траву.

16. Я пару раз ела грибы (прикоооольно).

17. Я ни разу не пробовала экстази, кокаин или кислоту. Но чувствую себя так, словно на всем этом сижу.

18. Я люблю Ани Дифранко. Вас уже ломает это слушать, потому что я ее часто вспоминаю в книжке. Я хожу на ее концерты

с тринадцати. Встречаться с ней лично не хочу ни за что. Я разревусь и испорчу ей весь день.

19. Не выношу голос Рода Стюарта.

20. Седьмое, что вы обо мне не знаете, это что я отлично считаю.

21. Сестра проверяла мой IQ, когда училась на школьного психолога, и я вышла гением в половине заданий и почти умственно отсталой в остальных.

22. На сегодня я переспала с двадцатью восемью мужчинами. Всех имен не помню, но помню прозвища, которые им давала (Третье Яйцо, Бычок, Кузен Стив — ШЧШЧШЧ).

23. Я притворилась, что упала в грязь, чтобы не бежать милю на физре. Легла в лужу и лежала, пока меня не нашли.

24. Мой любимый поэт — Энн Секстон, а любимое стихотворение — «Советы близкому человеку».

25. Из личного имущества у меня больше всего вина, но, пожалуйста, присылайте еще.

26. По некоторой причине я десять раз прочла «Квартал Тортилья-Флэт». Сто раз посмотрела «Семейку Тененбаум».

27. Моя любимая сцена в кино — когда Билли Крудап встречается с героиней Саманты Мортон на вечеринке среди дня в «Сыне Иисуса», и она танцует под песню «Душистый горошек».

28. На вечеринке меня обычно можно найти… дома. Ненавижу вечеринки.

29. Чаще всего я думаю о своей семье.

30. У меня слабость к парням со щербинкой между зубами.

31. Моя прабабушка с отцовской стороны была нью-йоркским бутлегером.

32. Не знаю, когда я сильнее всего в жизни смеялась, но уверена, что я тогда была с сестрой.

33. Лучшей моей покупкой в жизни была удобная кровать.

34. Две вещи, от которых я всегда отказываюсь, когда мне предлагают, — это кокаин и ветчина.

35. Я по большей части терпеть не могу музеи, кроме Американского музея естественной истории. Люблю динозавров и картины с животными, а еще там в сувенирном магазине продают мороженое для астронавтов.

36. Из мест, где я была в Штатах, мне больше всего понравился Новый Орлеан. Музыка, еда, люди — там все лучшее. А за пределами страны мое любимое место — Альтеа, рыбацкая деревушка в Испании.

37. Ненавижу фильмы ужасов, потому что пугаюсь до смерти, но вечно об этом забываю и случайно смотрю. Потом придумываю причину, почему сестра должна лечь со мной в одной комнате.

Она лапочка, но понимает, что причина одна — я неудачница.

38. Не знаю, хочу ли я детей. Может, и нет.

39. Что я люблю, так это пойти танцевать с Эмбер Тэмблин и тверкануть, насколько сил хватит.

40. Я никогда не пробовала с девушкой, только на камеру для своего шоу — но, кажется, это прикольно. К пункту 39 это не имеет никакого отношения.

41. Я дважды в день медитирую по двадцать минут. Это помогает очистить разум, избавиться от стресса и дает силы.

42. Мы с сестрой как-то поехали на Октоберфест в Мюнхен, пробрались под навесы и устроили себе одну из лучших вечеринок в жизни.

43. Я — патологическая лгунья.

44. Шучу.

Оцените разводилу

Я всю жизнь была разводилой. Знаю, что вы подумали: Эми, уймись, ты же не рэпер Джей Зи. Но это правда. Нельзя быть комиком, смешить совершенно незнакомых людей и не быть талантливым разводилой. Я всегда была в этом сильна. С первого дня. Это подтверждают истории уже о первых месяцах моей жизни. Как большинство новорожденных, я не очень любила спать — и уж точно не хотела, чтобы меня оставляли в комнате спать в одиночестве. Так что я вычислила, как сделать, чтобы мама спала рядом со мной на полу. Я орала как резаная, не умолкая, пока она не оказывалась рядом со мной и ровно там, где она мне была нужна. Уверена, папа от этого был не в восторге, но я месяцами проворачивала эту впечатляющую аферу, диктуя, как спать людям, которые были на десятилетия меня старше. Слабаки!

Разводки мои часто связаны с едой, потому что еда для меня — сильная мотивация, как для домашних животных и младенцев; это полезная информация обо мне. Я с младенчества прорывалась к желанной еде. В два года научилась открывать кухонный шкафчик и добывать «Чириос». В шесть соврала в лицо доброму дедушке, что мама разрешила мне съесть еще один йогурт, хотя она не разрешала. Я свалила свою вину на дедушку, и наши отношения навеки изменились. Я и сейчас так делаю. Только на прошлой неделе я уходила от Ким в час ночи после вечера перед телевизором, и она застукала меня, когда я пыталась уволочь с собой пакет попкорна для микроволновки.

Пока ты маленький, разводки тебе ой как нужны. Ты почти не контролируешь то, что приходится делать: что есть, что носить, куда идти, с кем или во что играть. Кошмар. Поэтому я с младых ногтей начала оттачивать искусство торговаться со взрослыми. Дома у друзей получалось особенно лихо, потому что их родители не привыкли к моим методам и подходам. Я смотрела им в глаза — всерьез, как при сердечном приступе, — и обращаться предпочитала по имени, это такой прием. «Послушайте, Лора, мы с вашей красавицей-дочкой собираемся заесть пирог миской мороженого. Наковыряете нам шариков или я сама?» Большинство родителей, как Лору, я заставала врасплох, они смеялись нервным смехом и говорили: «Ха-ха-ха, меня зовут миссис Букер, Эми». На это я отвечала: «Я знаю вашу фамилию, Лора. А теперь не принесете мне табуретку, чтобы я порылась в вашей морозилке в поисках второго десерта?»

Иногда я понимала, что мои попытки заключить сделку смешили взрослых. А рассмешить взрослого — это самая большая

власть, которой я могла добиться. У меня возникало ощущение, что я — одна из них, что у меня в руках поводья, которые обычно держали они, особенно когда дело касалось мужских властных фигур, которые, казалось, вечно меня пытались загнобить. Застукал меня учитель за болтовней в классе или коп на пляже с бутылкой пива в рюкзаке — что ж, я всегда чувствовала, что домой смогу вырваться, только если всех рассмешу. Это всегда за пару секунд разбирало структуру власти по винтикам. Быть смешной — вот моя главная разводка! Как-то раз, когда мистер Симмонс — учитель, преподававший у нас в выпускном классе — не отпускал меня в туалет (ладно, на самом деле — встретиться в коридоре с моим парнем, мистер Симмонс меня насквозь видел), я очень громко произнесла при всех: «Круто, мистер Симмонс. Я просто тут посижу, хотя прям чувствую, как из меня от месячных вытекает кровь и как она скоро просочится сквозь штаны на стул». Мистер Симмонс покраснел, все засмеялись, и я гордо выплыла из класса.

Помимо умения рассмешить большую аудиторию, круче всего я всех разводила, когда подростком воровала в магазинах. Не то чтобы я этим горжусь — честно говоря, кончилось все оглушительным прососом. Но я бы, наверное, не хотела отменить этот опыт. Как бы дико это ни звучало, я многому научилась, устраивая себе старую добрую скидку на пять пальцев, словно мне за это платили. Это тоже было частью познания собственных инстинктов, выяснения, как взять от жизни то, что заслуживаешь. Не поймите меня неправильно, я не оправдываю воровство в магазинах. Что я вынесла из всей той истории, так это то, что ВОРОВАТЬ НЕ НАДО. И я понимаю, что когда человеку дают мудрый совет хватать жизнь за яйца и брать, что заслуживаешь, обычно имеют в виду заслуженное тяжким трудом повышение или выкраивание чуточки времени «для себя», а не ограбление известного универмага. Но, будучи подростком, я это поняла буквально.

Начала я подворовывать то тут, то там — конфетки, ничего серьезного. Когда другие рассказывают про свои воровские приключения в магазинах (среди девочек-подростков это, в общем, дело нередкое), говорят обычно о том, как украли какие-нибудь дешевенькие сережки или журнальчик — и вечно навешивают на это тонну вины. Но у меня таких чувств нет, потому что я била по большим сетевым магазинам. Я никогда ничего не брала в семейных лавках или у живых людей. (До сих пор не решаюсь говорить людям, что у меня привод за воровство в магазинах. Потому что знаю: если что-нибудь пропадет, подозревать будут меня. Но я никогда в жизни ничего не крала у

живых людей. Только еду. У Ким на кухне.)

К старшим классам мы с друзьями доросли до кражи купальников в магазинах в торговом центре — потому что на них не было сенсоров, и взять их было легко. Еще мы воровали косметику в аптеках. Все это бралось не потому, что нам было нужно; мы не красились и купаться ходили редко. Мы это брали, потому что воровство позволяет подростку почувствовать себя крутым и сильным. Даже белые девочки из пригорода хотят быть оторвами. И если для этого нужно было обнести «Джей Крю» на пестренький цельный купальник, — что ж теперь. Наверное, можно сказать, что я прокачивала свой подростковый ангст с каждым краденым блеском для губ с блестками со вкусом грейпфрута.

В первый раз я попалась, когда мне было четырнадцать — в Сакраменто, куда мы поехали с волейбольной командой на соревнования. Я занималась клубным волейболом — то есть когда кончался волейбольный сезон в нашей школе, играла с детьми из других школ. В смысле, я вообще не прекращала играть в волейбол, совсем. Все это, конечно, сформировало мою рабочую этику (и избавило от добрых пятнадцати кило). Но еще это значило, что я пропускала кучу веселья по выходным — и все для того, чтобы обливаться потом в плохо освещенном спортзале, есть салат с пастой и спать урывками между матчами. Меня даже сейчас клонит в сон и хочется салата с пастой, если я оказываюсь в большом школьном спортзале. Или в обычном. Или в библиотеке. Или дома. Или прямо сейчас.

Вот как проходила большая часть моих выходных в старшей школе:

— Садишься в автобус в пять утра в воскресенье и едешь от двух до пяти часов на соревнования.

— Приезжаешь, переодеваешься и играешь, пока не выбыла.

— Понимаешь, что если, боже упаси, дойдешь до финала, то будешь играть двенадцать часов подряд, а потом привезешь домой маленький пластмассовый кубок, который придется паковать и таскать за собой во всех переездах, пока не выбросишь его, скрепя сердце, в двадцать четыре.

Если подумать, это чем-то смахивает на телевизионные или киносъемки — только с тобой целый день рядом родители, и правил профсоюза нет; поэтому приходится играть и играть, пока наколенники не сломаются или кровь не пойдет. Ешь все, что принесут родители, пытаясь друг друга перещеголять. О здоровье тогда никто особо не думал, поэтому мы ели большие сэндвичи с

куриными котлетами и пасту, прежде чем рвануть обратно на площадку.

Но вернемся к краже из магазина в Сакраменто. Мы с подругами по команде осматривали город. Зависли в так называемом Старом Сакраменто, где было полно магазинчиков, торговавших всякой херотой для туристов: рюмками, кофейными кружками, футболками с названием города и всякими типа смешными фразочками, ну там: «Я не голубой, а мой парень — тот да». Я воровала уже пару месяцев и уже завела себе репутацию среди школьных друзей. Но девочки из лиги клубного волейбола меня не знали и не понимали, какая я оторва. Мне не терпелось им себя показать.

Я хотела понравиться трем самым крутым девчонкам в команде, так что подозвала их и рассказала, как научилась воровать. Они впечатлились, как легко все выходило, по моим словам, и мы пошли сгребать самые желанные товары в магазинах: майки узелкового батика с надписью «Смешанный футбол голышом», снежные шары и, разумеется, предмет всеобщего вожделения — рюмки для текилы «1 текила, 2 текилы, 3 текилы, ПОЛ». (Кто им это все пишет? Сам Марк Твен, что ли?)

Грабить Старый Сакраменто мы взялись где-то вшестером. Когда все закончилось, я зашла в свой номер в гостинице и вывалила сокровища на кровать. Осмотрела добычу. Оглядываясь назад, понимаю, что ни одна вещь там не стоила бы больше $1.99, если бы я ее купила. Но не в мою смену! В мою смену все даром!

Так получилось, что моя мама сопровождала нас именно на те соревнования и приехала она в гостиницу как раз в тот вечер. Войдя в номер, она меня обняла и сказала, что у нее неприятные новости. Ей, кажется, действительно было противно, что моих подруг по команде поймали на воровстве в магазине и доставили в полицейский участок. Я изобразила невинность — отчасти потому, что невыносимо было ее разочаровывать, отчасти из-за того, что пришла в ужас: если меня поймают, мои новообретенные призы (особенно шляпу с пришитыми искусственными дредами) придется вернуть.

Утром я увиделась с тремя телочками, которые из-за меня влипли, и выяснила, что их до конца соревнований отправят на скамейку запасных. Они всю ночь не спали, плакали. Они смотрели на меня, как бы говоря: как ты могла с нами так поступить, Эми? Я видела, что они на меня злятся. Они меня ненавидели. Мой план — понравиться им — дал такую жуткую обратку, какой я и представить не могла.

На самом деле обвинение даже не пошло бы в их личные дела, потому что все они были несовершеннолетними, но они все

равно страшно злились. Если честно, я на них тоже немножко злилась: нельзя так просасывать попытку что-то украсть в магазине. Гребаные салаги, думала я. Не надо было их брать под свое опытное преступное крыло. Потом я подумала еще. Вспомнила про Общество сестер странствующего волейбольного спандекса. И решила, что самое правильное, что можно сделать — и для этих девчонок, и для себя самой, — это признаться, что я тоже воровала. Бывают вообще разводилы, у которых есть совесть?

Меня предсказуемо отправили на скамейку до конца соревнований. Я стояла у бровки в наколенниках на лодыжках, отбиваясь от злобных взглядов девчонок, которым отчаянно хотела нравиться. Я прилетела в Сакраменто из самого Нью-Йорка, чтобы ни разу не сыграть в волейбол и заиметь несколько поганых рюмок, в которые все равно не смогу налить ничего, кроме воды, еще семь лет. Наверное, я все это заслужила. Нельзя купить или украсть популярность и любовь; их надо зарабатывать по старинке, а не в Старом Сакраменто. Думаю, в те выходные я получила ценный урок о работе в команде, о сестринстве и о дружбе.

Но, к несчастью, я пока еще не до конца научилась не воровать. Для этого мне понадобился привод с занесением в дело.

Все случилось в серьезном универмаге. Назовем его «Шлуминдейл». Воровство мое прошло вразнос. Как раз тогда мы превратились из семьи с Новыми Деньгами в семью Без Денег и не могли больше покупать всякие штуки не первой необходимости, без которых не может обойтись подросток. Так что я призвала на помощь все свои прокачанные навыки разводилы, чтобы получить то, что было «нужно» нам с Ким. Выиграли все: Ким выполнила свою норму по подростковому бунту, а я получила белый комбинезон! Мы стали проделывать это все чаще. У воровства было еще побочное преимущество: оно позволяло нам чувствовать себя непобедимыми и сильными. Я не считаю свои упражнения в воровстве дорогой одежды прикольными или заслуживающими сочувствия, но и удивляться им не стоит. Девочка-подросток, особенно из распавшейся семьи и без денег, со всей свежестью и полнотой осознает, насколько офигительно мало она значит в мире. А что еще хуже, я чувствовала, как понемногу сползаю к той жесткой грани, — куда большинство женщин добирается в колледже или, может, на первой работе, — где осознаешь, что ты не просто сейчас значишь очень мало, но, скорее всего, никогда не будешь значить больше. Оттуда путь один — под горку. Тебе восемнадцать, и это твой шанс ВЗЯТЬ ТО, ЧТО СМОЖЕШЬ. Я понимаю, что все это не

оправдывает воровства в магазинах. Я правда не думаю, что это прикольно, — но вместе с тем не вижу и ничего шокирующего в том, что нам это позволяло себя чувствовать такими непобедимыми и сильными.

Провернув несколько дел, мы ощутили, что вышли на серьезный уровень. Мы заносили в примерочную две одинаковые вещи, клали одну в сумку или совали под одежду, а вторую вешали на вешалку.

— Как оно? — спрашивала продавщица.

— Не очень, — отвечала я, пытаясь изобразить ненависть к себе, с которой большинство женщин выходит из примерочной.

Но на самом деле я торжествовала от того, какой я гений: придумала невероятный план, «возьми две, одну укради». Гений мой резко тормознули в тот день, когда нас с сестрой усадили на заднее сиденье полицейской машины.

Мы были в торговом центре Рузвельта на Лонг-Айленде — типичном торговом центре, может, чуть пафоснее, чем они обычно бывают. Там с годами открылись и Gucci, и Valentino. Но в тех мраморных коридорах было всегда как-то особенно пусто, так что мы с Ким выбрали более оживленную часть, поотстойней. Мне подавай шмотки Hot Topic и брецель из «Тетушки Энни». Вот это по-нашему.

В общем, мы с Ким шли мимо «Шлуминдейла», и тут она говорит: «Надо зайти. Оттуда тааааак легко вынести все, что хочешь. Особенно белье!» Я должна была подумать: «Неудачная мысль. Ты туда на разведку не ходила, не хочешь же ты в тюрьму». Но вместо этого я подумала: «Ооо, бельишко мне не помешает!»

И мы оторвались. Не по-детски. Пустились в абсолютно безбашенный отвязный загул. Бельем мы не ограничились. Нахватали жакетов, шарфиков… Это что там? У D&G новый парфюм? Бодик под леопарда? Как кстати. Кашемировая кофточка? Семь пар джинсов? По-моему, я их заслужила! Ким пожирала глазами маечку с выложенным стразами знаком доллара, и чего бы не захватить пижамные штаны с белой кружевной оборочкой? А если не взять вот этот бирюзовый лифчик без бретелек, то потом другого шанса не будет. Живи сегодня! А что у нас будет pièce de résistance? Кожаная шляпа-федора! Мы все оттащили в примерочную.

Помню, как втиснулась в джинсы Guess, которые мне были малы, с нежностью поглаживая комбинезончик от Juicy Couture. «Это я приберегу для особых случаев», — думала я. Нас штырило от адреналина, пока мы с маниакальной тщательностью срезали со всех вещей ярлычки. Я вынула духи из коробки и сунула

флакон в карман пальто. Ты все предусмотрела, умница моя, подумала я, похлопывая себя по спине. Мы затолкали все ярлычки от вещей, гордыми владельцами которых намеревались стать, в пустую коробку от духов и загрузились. Улыбнулись друг другу, обнялись, вдохнули поглубже и вышли за дверь.

Прошли мимо хорошенькой девушки с каштановыми волосами до плеч и темными глазами, которая шаталась по коридору. «Милашка, — подумала я. — Но чем-то нехорошим от нее веет». Мы с Ким, взявшись за руки, направлялись к выходу из Блумингд… упс, едва не проговорилась, к выходу, который вел прочь из торгового центра. В крови у нас в унисон бушевали одни и те же гормоны — знакомые игрокам, гонщикам Формулы 1 и Тому Крузу, — когда мы миновали сенсоры. Они не зазвенели. У нас получилось. Успех. Сердце у меня колотилось, но я не потела и вообще не делала ничего такого, по чему можно было бы догадаться (к тому времени мы были профи). Какой идеальный поход. К тому же у нас были билеты на концерт нашей любимой певицы Ани Дифранко, как раз на тот вечер. Что надеть из обновок? Я точно выведу в свет ту кожаную шляпу!

И тут…

Нас окружили пять человек в штатском. Девушка из примерочной и парень, которому я улыбалась, пока бродила по магазину. Куча подсадных. Как в той сцене в «Кокаине», где выясняется, что все официанты работают на наркоконтроль. Нас окружили с криком: «Стоять!» Но никто нас не тронул. (Потом я узнала, что им нельзя прикасаться к людям; до сих пор жалею, что не побежала. Была бы в курсе, что они не смогут нас схватить в случае побега, — вылетела бы из торгового центра Форрестом Гампом. И не оглянулась бы, пока не добежала до океана или до Робин Райт.)

Нас держали на месте вот таким странным образом, пока не появились детективы и не увели нас в маленькую комнатку где-то во внутренностях магазина. Когда я об этом вспоминаю, у меня и сейчас все обрывается в животе. Я включила режим старшей сестры-защитницы и переживала, как Ким со всем этим справится, но острее всего я ощущала неловкость. Мы попались. Мы не могли уйти из той комнатки. Я не могла спасти сестру. Не могла отшутиться. Надо было просто сдаться.

В комнатку набилось пять магазинных детективов. Они смеялись, праздновали победу и немножко посмеивались над нами. Ужасно унизительно. Ким неважно выглядела. Она всегда была моей милой маленькой подельницей, но я знала, что по ней происходящее ударит сильнее, чем по мне. Она недавно научилась проверенному, но несколько тревожащему способу

справляться со стрессом и волнением, принятому в нашей семье: отстраняться. У нее это получалось пугающе хорошо. Она совершенно отрешалась от того, что ее окружало, и погружалась в какое-то оцепенение. Я видела, что она уплывает, что я ее теряю. И должна была что-то предпринять.

Тут-то во мне и включилась настоящая разводила. Я сделала то, что почти всегда могу сделать, чтобы все исправить: я ее рассмешила. Пока детективы раскладывали одежду на полу, чтобы оценить ущерб, я ожила. Ткнула в клетчатые фланелевые штаны, которые украла Ким. «Ты что, собиралась это носить, Ким? Ты вступила в загородный клуб, о котором я не слышала?» Я устроила комедию оскорблений. В пух и прах раскритиковала то, что выбрала эта воровка. Утешала ее, высмеивая ее вкус. И Ким засмеялась. Она не покинула собственное тело.

— Крупное хищение! — воскликнула хорошенькая брюнетка, и детективы хлопнули друг друга по ладоням. Я так поняла, что чем больше ущерб, тем больше премия. Дверь распахнулась, и вошел мужик в возрасте, с таким накачанным торсом, что он казался слишком большим для его питбульего лица. Волосы у него были с проседью на висках, а сверху еще нет. Он прямо лучился самодовольством — как те парни со стойки гениев Apple в день выпуска новинки.

— Так вы что, решили, что придете и обворуете мой магазин?

Взгляд Ким поплыл, и я поняла, что она сейчас устремится в черную дыру. Прежде чем мужик успел продемонстрировать свою манию величия следующим вопросом, я его перебила:

— Знаете, мистер Блумингдейл (вот правда и вышла наружу из форменного пакета), во-первых, это такая честь — познакомиться с вами. А во-вторых, вы в магазине и живете?

Ким фыркнула, потом подобралась.

Чего уж, мои шутки нас не спасли. Я не держу зла на мистера Блумингдейла, что не оценил мое чувство юмора. Нам впаяли по полной. Отвели нас в полицейский участок торгового центра — то есть на заднее сиденье полицейской машины без опознавательных знаков. Копы, которые нас везли, вели себя очень мило; врубили Pink Floyd — «Comfortably Numb», уютное оцепенение, а я все радовалась, что Ким из него вышла, что я смогла ее рассмешить, хоть нас и везли в предвариловку. Мы сидели, смотрели друг на друга и держались за руки. Был конец ноября, так что между нами на сиденье лежала замороженная индейка, которую один из копов купил ко Дню благодарения. В участке у нас взяли отпечатки пальцев, сфотографировали, в потом мы сидели на скамье, пока копы пытались дозвониться нашей маме. Она не брала трубку. Слава богу.

— Вообще-то, сэр, за нами больше присматривает папа.

ПОЛНАЯ БРЕХНЯ.

Они позвонили папе, оставили сообщение. Я объяснила, что он, скорее всего, не перезвонит еще несколько часов и что мать не очень участвует в нашей жизни. ПОЛНАЯ БРЕХНЯ.

В ту минуту я чувствовала, что должна сама о себе позаботиться. Родители мне помочь не могли. Еще я безошибочно, со всей решимостью, чувствовала, что должна позаботиться о Ким, должна вытащить ее. Я выдала копам, что это я все украла. Я одна. Все это было мое. Полицейский из торгового центра сказал нам, что Ким несовершеннолетняя, и не будет никаких проблем, если ее обвинение подошьют в дело. Тогда я отказалась от всего, что раньше заявила, и попыталась все повесить на нее.

Когда все закончилось, нам назначили наказание в виде общественных работ, но это было еще ничего. Мы даже успели в тот вечер на концерт Ани Дифранко в театре «Бикон» и пели во всю глотку, отмечая свой выход на свободу. Разве не лучший способ запомнить наши последние бунтарские дни — весь вечер орать тексты певицы, которая была такой Жанной д'Арк для всех белых восемнадцатилетних девчонок? Я помню, как во время песни «Прыжок ласточкой» мы с Ким орали: «Мне все равно, пусть меня сожрут! У меня есть дела поважнее, чем выжить!» — и от этого меня перло сильнее, чем если бы на мне были все краденые топики в мире.

В итоге то, что мы попались в Блумингдейле, поставило мне мозги на место. В конце концов, мой талант разводилы — не в том, чтобы воровать в магазинах, врать или приобретать друзей во время жутких ограблений, когда все идет не так. И уж точно не в том, чтобы хватать то, что принадлежит другим, просто чтобы почувствовать себя сильнее. Он в том, чтобы быть себе самой лучшим адвокатом, знать, как взять от жизни то, что я заслуживаю, и никого при этом не подставить. В том, чтобы рассмешить сестру, когда мы обе в полной жопе. Сейчас, когда я выросла и больше не раздуваю цену на дешевые цацки в Старом Сакраменто, я стала разводилой более высокого уровня: я смешу людей. Я все еще совершенствую этот навык: осваиваю правила, пишу шутки про горы дерьма, которые встречаются в жизни, — все для того, чтобы люди смеялись и им становилось лучше. Никакой ловкости рук и надувательства. Это тяжелый труд, тут не срежешь путь. Рассмешить публику куда труднее, чем утащить из Блумингдейла под рубашкой шляпу-федору, которую простить можно только Вингу Реймсу в «Миссии невыполнимой». Но вот этой разводкой я просто не могу не заниматься.

Отрывок из моего дневника за 1999 год (мне восемнадцать) с примечаниями от 2016 года

Дорогой дневник,

Сегодня понедельник, и я все еще дома. Веселый получился перерыв. Этот опыт меня, скорее, многому научил. Пора обдумать прошедший месяц [28].

В прошлый вторник-среду мы компанией ходили в «Горманс» [29]. Было весело. Поговорили, потанцевали [30]. В четверг были в «Рулетке». Повеселились. Все прилично напились [31] и танцевали как в первый раз [32]. Мы танцевали, как лесбиянки. Было так весело [33]. Любой парень из тех, что там были, умер бы за кого-то из нас [34]. Я уже собиралась уходить — и тут столкнулась с Ником [35]. Так рада была его видеть. Он-то мне и был нужен. Парень, которому я на самом деле интересна и с которым я не против замутить. Он был такой милый. Я ему сказала, чтобы позвонил мне. Он позвонил на следующий день и пригласил меня в бар на Лонг-Бич. Я сказала, может быть, но посмотрим [36].

Посмотрели с друзьями «Прерванную жизнь» [37]. Отличный фильм. В субботу вечером у меня была компания девчонок, три из которых учатся в колледже с баскетболистом Джесси Саппом. Мы крепко напились и пошли к Нику. Он был счастлив меня видеть [38]. Весь вечер покупал нам выпивку [39]. Мы ни за что не платили [40]. Я выглядела офигенно [41]. Была в той кофточке из «Зары», у которой завязки на спине [42]. Ник со мной так мило разговаривал [43]. Когда бар закрылся, мы вернулись ко мне. Все ушли, а мы с Ником пошли ко мне в комнату. Часа три целовались и все такое [44].

Мне понравилось, как он целуется, но он был очень агрессивным и жестким. Все пытался меня «потрясти», то есть сунуть один палец мне в задницу, а другой — в вагину [45]. Надо быть начеку. Ощущения были новые, не то чтобы плохие. Я просто не хотела, чтобы он так делал [46]. Я никому из своих парней не позволяла так делать, так с чего позволять этому? [47] Он хотел, чтобы я себя трогала [48]. Я отпускала шутки типа: «Не думаю, что наши отношения зашли так далеко» [49]. Самое странное, что он сделал: после того как он мне полизал, я у него взяла на минутку, и он попытался меня трогать пальцами ног [50]. Я такая «спасибо, не надо», а он берет и спрашивает, почему [51]. Еще он очень сильно кусал меня за соски [52]. На следующий день

я от этого на стену лезла, такое было раздражение. И в вагине тоже, пальцами он орудовал очень грубо [53].

Он остался на ночь. Я спросила, нравится ли ему спать на просторе. Он сказал, да. Я вскочила голышом и легла в маминой комнате [54]. Через пару часов я проснулась и отвезла его домой. Взяла с собой Ким [55]. Он поцеловал меня в щеку на прощание и велел позвонить. Потом мы поговорили по телефону, и он сказал, у него было ощущение, что я просто хочу выставить его из своего дома. И он был очень прав [56].

На следующий вечер ничего не происходило. На этой неделе я работала в Forever 21 в торговом центре. Меня теперь поставили на кассу, это куда прикольнее [57].

Притворяйся, пока не добьешься

Нет ничего лучше, чем быть самому себе хозяином. Ну, вообще-то есть: если совсем не приходится работать. Это куда лучше. Но я за годы сменила столько работ и пережила все неповторимые особенные формы унижения, связанные с каждой. Даже когда я работала по найму, занималась чем-то, в чем нет места собственному достоинству, мне все равно нравилось чувство, что я делаю что-то полезное. Еще совсем малышкой я просто хотела всем показать, что могу поднять собственный вес (а он никогда не был меньше шестидесяти восьми кило, даже в средней школе). Сколько себя помню, я искала работу. В детстве я казалась себе такой задавленной и бесполезной. Я хотела внести свой вклад. Прилавков с лимонадом было недостаточно. Меня бесило, что я еще не доросла до работы или до того, чтобы пойти в спортзал. Удивительно, как оба эти достижения, к которым я так рвалась, превратились в два худших кошмара моей взрослой жизни. Но в те дни мне этого хотелось. Хотелось получать удовлетворение от того, что я сама зарабатываю, и быть активной.

Пока мне не начали платить за выступления, деньги я получала за совсем не шикарную, обыденную, поганую, низкооплачиваемую работу. Я трудилась по крайней мере в десятке ресторанов только на Манхэттене, а во время учебы в колледже какое-то время работала маляром. Каждые выходные в шесть утра я влезала на стремянку с валиком и кистями, красила стены в чьей-то квартире, в китайском ресторане или в школе. Но мне все это нравилось. Даже на работе, которую я терпеть не могла, мне всегда нравилось чувство, возникавшее, когда заканчиваешь. Пиво после смены или ощущение, когда смотришь на часы и видишь, как стрелка подходит к минуте, когда можешь уйти, — это такая свобода! Мгновение, когда обретаешь право выйти за дверь, — это неповторимый опыт. Мне честно жалко тех, кому никогда не приходилось работать, потому что они этого чувства никогда не испытают. Тех, кто родился богатым и проводит свои дни как Гэтсби, лежа под вентилятором и подумывая, не съездить ли в город. Им никогда не узнать чистого восторга, который переживаешь, когда менеджер стейк-хауса тебе говорит: «Закончишь с уборкой — и все на сегодня!» О это чувство, когда яростно заворачиваешь приборы в салфетки, а потом делаешь первый шаг на улицу, втягиваешь воздух, зная, что теперь принадлежишь себе самой. Рай.

Самая первая моя работа была моделью, потому что ребенком

я была исключительно хороша. ШЧШЧШЧ. Очень средненьким я была ребенком. Под «средненьким» я имею в виду, что больше походила на мопса, чем на младенца. Но родителям нужна была модель, чтобы продавать детскую мебель. Как родители, они считали, что я прелесть, — и знали, что работать я буду даром. Я позировала для кучи кроваток, я была на обложке их каталога (скорее всего, из-за этого компания и прогорела). Так началась и закончилась моя карьера фотомодели. Я все собираюсь к ней вернуться.

Родители продолжили беззастенчиво пользоваться моими услугами, когда заставили работать моделью для вещей из второго своего магазина «Приглашаем Всех Девчонок», в котором торговали подарками, одеждой и жутковатыми куклами. Мысль была удачная, если сравнить ее с изначальным их бизнес-планом — продавать обувь. («Эми из Обувного» — это погубило бы мою молодость.) Мама придумала для «Приглашаем Всех Девчонок» такой слоган: «Никаких мальчиков!» А надо было бы: «Никаких покупателей!» — потому что туда вообще никто не заходил. Не слишком разумная маркетинговая стратегия: сразу исключить половину покупателей. Но как бы то ни было, «Никаких мальчиков!» налепили на значки и футболки, которые мы с Ким постоянно носили, превратившись в маленькие ходячие рекламные щиты для родителей. Видимо, этот слоган должен был привлекать «прекрасный пол». Но получалось не столько «за девочек», сколько «против мальчиков». Или можно было его неправильно прочесть — типа «Никаких мальчиков, НО МУЖЧИН ЖДЕМ С РАДОСТЬЮ!» Столько неправильных вариантов с этим слоганом. И так мало правильных. Мне было одиннадцать, и я приглашала мужчин подходить поближе. Выглядела я как ходячая реклама проекта «Поймать хищника». Мне должен был платить Крис Хэнсен, а не родители. В любом случае, думаю, это «Никаких мальчиков» было не слишком тонким маминым намеком, что мужчины плохие. Я на это не велась, но мне это, можно сказать, написали большими буквами — на майке и на значке.

Для нового магазина меня не просили стать фотомоделью, меня попросили (вернее, велели) проводить выходные в Центре Джейвитц, огромном конференц-центре, где по выходным устраивали ярмарки. Родители выставляли товар, используя Ким и меня как витрины. Мы носили майки «Никаких мальчиков!» с замком и ключом. К майке прилагался ключ, который можно было носить на шее. Оглядываясь назад, я понимаю, что это было как-то стремно. Видимо, мама думала, что будет очень мило, если мы станем изображать чопорных мелких сучек, которые

«запирались» от мальчиков и размахивали у них перед носом ключами. Был во всем этом какой-то ненамеренный протест против сексуального насилия. Я к тому, что в некоторых странах маленьких девочек продают в сексуальное рабство, их девственность покупают, и вот я в одиннадцать, за ручку с семилетней сестренкой, в буквальном смысле ношу на шее ключ и как бы говорю: «ТЕБЕ НЕЛЬЗЯ». Мы с Ким часами торчали в палатке — и я уверена, что с нашей помощью родители не продали ни одной футболки. Не помню, сколько мне платили, но мне нравилось, что я модель.

Превращение меня в цирковую лошадку вышло маме боком: едва став подростком, я начала требовать, чтобы мне каждую неделю укладывали и выпрямляли мои пушистые кудрявые волосы. Большинству двенадцатилетних девочек регулярные укладки и не снились, но в моем городе ненавидели евреев, и я хотела скрыть кудри — мне в голову пришло, что я могу после школы подметать волосы в салоне, а они за это будут меня раз в неделю укладывать. Не помню, сколько продержалось это соглашение, но в то время казалось, что оно того стоит. Надо думать, салон, совсем как мои родители, не особенно парился по поводу закона о детском труде. Работа мне тоже нравилась. Я была частью команды, я чувствовала себя полезной, но клиентов было немного. Я сидела в нетерпении, глядя, как стилисты срезают волосы, дожидалась, пока хоть что-то упадет на пол. Когда это происходило, я бросалась к волосам, как надоедливый ледовый комбайн или игрок олимпийской сборной по керлингу. Я слишком усердствовала, люди стали жаловаться, и со мной расстались.

То было первое из длинной цепи совершенно оправданных увольнений, которые мне предстояло пережить. Я так хотела работать, что «притворялась, пока не добьюсь», даже если совершенно не годилась для какой-то работы. А заканчивалось все увольнением, когда выяснялось, что у меня нет опыта. Во второй раз меня уволили, когда я соврала на собеседовании в другом салоне и получила место девушки, моющей клиентам голову. Мне казалось, я вполне справляюсь, пока я не облажалась с первым лысым клиентом. Волосы у него росли только кустиком надо лбом и тонкой полоской сзади, как у клоуна. Не в обиду всем с этим рисунком мужского облысения будет сказано, но самое точное, что можно было сказать про того чувака — это что у него волосы классического клоуна Бозо. Я начала мыть ему волосы — только волосы, а не обширный лысый череп. Он заорал на меня, пришепетывая: «Позалуйста, помойте мне голову селиком!» Я сказала: «Нет! Когда я мою там, где нет волос, вода

отлетает и брызжет мне в лицо!» Он пошел прямо к хозяину, и через минуту я уже была без работы.

Я очень ценила начальников, которые намеренно смотрели сквозь пальцы на недостаток у меня навыков и брали на работу лишь на основании моей уверенности в себе и напускной лихости. Я работала в известном стейк-хаусе на станции Гранд-Сентрал — по-настоящему дорогое место с белыми скатертями, куда ходили быстро говорившие бизнесмены, пассажиры пригородных поездов и туристы. Для работы я совершенно не годилась, у меня не было опыта с изысканной сервировкой, но я соврала и сказала, что опыт есть. Первое собеседование я не прошла, но когда уходила, подслушала того, кто пришел на второе, — и решила просто прийти на следующий день и повторить, что слышала. «Притворяйся, пока не добьешься!» — подумала я. На следующий день я явилась туда и с уверенностью сказала: «Привет, я на второе собеседование к Фрэнку».

Меня озадаченно осмотрели с головы до ног, но я села и стала ждать этого Фрэнка, кем бы он ни был. Вышел старший менеджер, задал мне несколько вопросов. Один я помню: какой главный ингредиент в текиле? Я ответила: трипл-сек? Он сказал, что я совершенно не права, это агава, но все равно взял меня на работу. Я до сих пор не знаю почему. Может быть, моя безосновательная уверенность его заворожила.

Почти все девять месяцев, что я там проработала, я была единственной женщиной. Полностью мужской персонал, полно профессиональных официантов стейк-хауса. Мне нужно было ходить в пиджаке и галстуке. Пиджак был белый, на меня садилась пыль Гранд-Сентрала, и к концу смены пиджак серел, а я чесала лицо, пока не начинало казаться, что у меня проказа. Я была слишком молода и прыщава, чтобы там работать, но я притворялась, пока не добилась, и в итоге у меня начало неплохо получаться. Выручки я делала едва ли не больше всех. Предлагала то, чего не было в меню, типа серф-энд-терф — в итоге выставляя клиенту омара и филе. Хулиганка я была.

Я еще не раз приходила устраиваться куда-то без навыков и в результате отхватывала отличную работу. Как тогда в колледже, когда я вела аэробику — или, как это там называлось, «групповые упражнения» — девчонкам вроде меня, которые разожрались вдвое на первом курсе. У меня на самом деле был диплом, позволявший преподавать кикбоксинг, и я сумела проскочить с ним на работу, где мне пришлось вести то, чем я раньше даже не занималась, — групповое вроде йоги, пилатеса, степа и танцев. Прежде чем вы начнете размышлять о том, что по мне так сразу не скажешь, что я тренер по фитнесу, давайте я вам скажу, что

занятия мои посещали очень активно, и у меня было весело. Я велела девчонкам выкрикивать имена своих бывших или тех, на кого они злились, когда делали выпады. У меня появились поклонники, которые переходили за мной из группы в группу. Если мне чего и не хватало в смысле формы и опыта, я легко восполняла все это обаянием и мотивирующим ором.

Была одна работа, где притвориться физически было невозможно. Но я все равно попыталась. Мне был двадцать один год, я жила на Западном побережье с Дэном, который оказался не лучшим бойфрендом (подробности потом). Может, несчастливая жизнь с ним подтолкнула меня к странному выбору — наняться в велорикши. Тем из вас, кто не знает, что такое велорикша, объясню: это, в общем, похоже на коляску, запряженную лошадью, только вместо лошади человек на велосипеде. Не знаю, что мне втемяшилось в голову и почему я решила, что это удачная мысль. Технически все, что было нужно, чтобы получить работу — это велосипед, а компания велорикш выдавала коляску за двадцать долларов в день. Они помогали прикрепить велосипед к коляске, а потом тебе оставалось только колесить по городу и зазывать седоков. Там была главная улица на огромном холме, и я заезжала на вершину, надеясь, что кто-нибудь мне заплатит, чтобы я прокатила его вниз. Так, разумеется, никогда не получалось. Я сидела, ждала часок, потом спускалась к подножию, где, конечно, мне начинали махать, чтобы я их подвезла. Я была не в лучшей форме, так что я добиралась до середины холма и чувствовала, что сейчас покачусь назад — вместе с коляской и пассажирами. Я останавливалась и орала: «Все выходим!» Пассажирам приходилось помогать мне толкать коляску к вершине. По какому-то дурацкому городскому постановлению пассажирам нельзя было объявлять цену поездки. Предполагалось, что они заплатят, сколько сочтут нужным. Представляете, если бы проституткам пришлось следовать этому закону? «Было неплохо, вот тебе блестящий четвертак». Да нафиг! Я называла им цену, как годная маленькая проститутка.

Проработала я там несколько месяцев. Потеряла килограмма полтора, и на этом все. Больше, чем когда вела аэробику, но все-таки можно было бы сбросить и посерьезнее. Только к концу смены я всегда так хотела есть, что нажиралась, а потом напивалась до бессознательного состояния — чтобы забыть, что на следующий день тоже нужно выходить на работу. Что мне, однако, нравилось в той работе — это товарищеские отношения между велорикшами. В городе у нас было свое место, где мы парковали коляски, курили и говорили о том, как нелегка наша работа.

В моем резюме есть позиция, на которой мне пришлось притворяться на всю катушку: когда я работала в баре для лесбиянок. Все барменши, и я с ними, шли и крепко напивались перед сменой, потому что, несмотря на то, что я себе воображала, бар, где обслуживать приходится ТОЛЬКО женщин, это полный трындец. Хуже пьяных сцен и колебаний по поводу заказа было только то, что на меня никто так и не запал. Все барменши были натуралками, но после часа смены начинали изменять своим парням с клиентками. К концу вечера барменши были еще пьянее, чем вначале, так что подсчитать выручку и чаевые не представлялось возможным. К тому же нас заставляли танцевать на стойке. Это было унизительно. Я плохо танцую на стойке. Я надевала розовые трусы с надписью «Я себя люблю», задирала юбку, чтобы продемонстрировать это послание, и качалась со смехом. Кончилось все тем, что меня уволили — не за чудовищные танцы или буйную гетеросексуальность, а за то, что рано закрылась без разрешения. Однажды вечером я заперла бар в семь, просто потому что мне захотелось.

Я всегда делала на работе то, что мне хотелось. Иногда так трудно скрыть свои чувства только из-за того, что тебе кто-то платит. Вот в одном ресторане я как-то раз решила перестать разговаривать с клиентами, потому что они все были грубыми карьеристами. Я с ними покончила. Но если обслуживаешь столики, то как-то предполагается, что надо говорить с посетителями. Так что я пошла на понижение и стала работать барменом на зал: они стоят на одном месте и готовят только те напитки, что разносят официанты. Сейчас, когда я сама начальница и могу совершенно открыто и честно выражать свои чувства на работе, я пытаюсь подавать хороший пример своим сотрудникам, дать им понять, что жду от них того же. На съемках моего шоу все могут свободно чувствовать то, что чувствуется. Иногда я бываю слишком эмоциональна из-за определенных дней месяца. Тогда я просто беру мегафон и объявляю всем артистам и группе, что у меня месячные. Каждый должен иметь право быть собой и вести себя на работе по-человечески, несмотря на то, что чувствуешь лично ты.

Однажды, когда мне было пятнадцать, и я работала в маленькой закусочной возле станции, я ощутила, что мое тело велит мне съесть побольше хот-догов от заведения. Я так и сделала. Ничего особо странного в этом нет, разве что моя смена всегда была в пять утра, до школы. Для той работы я совершенно не годилась, потому что должна была пробивать хот-доги, кофе, снэки и газеты, а вот как давать сдачу — понятия не имела. Кофе стоил, допустим, доллар восемьдесят пять, а мне давали

пятидолларовую бумажку. В ответ я просто таращилась на нее, надеясь, что из моей руки в руки клиента сама собой, по волшебству, перетечет нужная сдача. Продавец я отличный, но цифры меня тормозят. Утешалась я тем, что ела еще больше хот-догов. Они там были вкусные. Платили мне куда меньше, чем я хотела, потому что удерживали за множество съеденных хот-догов.

Начальниками моими были два индийца под пятьдесят, которые думали знали, что я идиотка. Они повышали самооценку, растаптывая меня. Вставали рядом за прилавком и устраивали мне выволочку. Я их не виню, я была ужасной сотрудницей. Уволилась, когда пришло лето, и вскоре заведение навсегда закрылось. Работа у меня честная и простая, и думаю, что если бы я не выбрала для себя нынешнее занятие, то вернулась бы к поеданию хот-догов с утра до вечера. И я благодарна тем чувакам, потому что они меня, конечно, постоянно высмеивали, но так и не выгнали.

Чему я научилась, сама став боссом, так это тому, что ждать от людей нужно многого, но смотреть на вещи реально. Нельзя ожидать, что кто-то прыгнет выше головы. Если нанимаешь человека с математическими способностями сувенирного камушка и она сжирает все твои хот-доги и не понимает, как посчитать сдачу, — попытайся выяснить, в чем она блеснет, и дай ей проявить себя в этой области. Я стараюсь быть терпеливой и великодушной с теми, кого беру на работу — так же, как и они со мной. Взаимное уважение. Но когда я понимаю, что нужных качеств у человека нет, я поступаю по-доброму и отпускаю его. Всегда вспоминаю ту цитату про золотую рыбку, которую часто приписывают Эйнштейну: «Каждый гениален. Но если судить о рыбе по ее способности лазать по деревьям, она всю жизнь проживет, считая себя дурой». Отпустите рыбку туда, где она сможет прибиться к стае — а потом наймите того, кто рожден для лазанья.

Я по-прежнему люблю хот-доги и лесбиянок, но какое облегчение я испытала, когда смогла, наконец, перестать работать на дядю и сосредоточиться на работе на себя. Сейчас я сама заправляю в своей программе, и лучше ничего быть не может. Думаю, почти все, кто это читает, знают, сколько достоинства теряешь, когда работаешь на кого-то, кто тебе не нравится, или на компанию, до которой тебе нет дела. Но я все-таки должна отдать должное всем своим жутким начальникам из сферы обслуживания — ведь большую часть того, что я знаю сейчас, став боссом, я узнала, работая с ними. И научившись не быть такой, как они, ни за что и никогда. Все эти злобные шеф-

повара, унижавшие официанток, ресторанные менеджеры-социопаты, управляющие посредством страха и запугивания, использующие свою крохотную долю власти, чтобы до полусмерти запугать любого работника, которому вдруг понадобился отгул, пусть по самой уважительной причине… Все эти уроды на самом деле показали мне несколько разных вариантов того, кем я не хотела стать, если когда-нибудь стану руководить. Так что, думаю, девять миллионов работ официанткой и барменшей, которые я прошла, в итоге себя оправдали. Но иногда так хорошо учиться на хороших примерах. Один день на съемках у Тины Фей и два с Линой Данэм дали мне больше, чем любая моя долговременная работа.

Теперь, когда я большую часть времени провожу на съемках или на сцене, я наконец могу сказать, что люблю то, чем зарабатываю на жизнь. Но все-таки почти каждый день я дождаться не могу, когда закончу и мне можно будет уйти — чего почти никогда не бывает. И несмотря на мой убогий послужной список по ресторанам, барам, салонам и отделам почты (да, меня однажды уволили из отдела почты за то, что я выбросила всю почту), я с гордостью могу сказать, что меня никогда не выгоняли с работы в шоу-бизнесе. Как-то на съемках, где у меня была крохотная роль на одну серию, мне сказали, что меня выкинут, если я не прекращу отпускать неподобающие шутки, но это и все. А теперь, когда я начальница и в мои обязанности входит нанимать и увольнять, я понимаю, каково это, когда у тебя в руках судьбы людей. Не сказала бы, что это чувство мне по душе. Выясняется, что по эту сторону тоже может быть полно унижения и трудностей. Но это все равно лучше, чем работать на дядю. И назад пути нет, если уже привык командовать парадом.

Впервые я ненадолго ощутила, каково быть главной, в десять, когда судила матчи детской баскетбольной лиги. Каждую субботу я просыпалась утром, надевала полосатую рубашку и вешала на шею свисток, как девчонка-командир. В буквальном смысле. Физически я была еще маленькой девочкой, у меня даже месячные не пришли еще. Но я была создана для этой работы. Легкой она не была, родители жаждали крови и бесновались. Детишкам было по шесть, они даже шнурки себе сами завязывать еще не умели, но родители требовали технических фолов. Я повыкидывала многих из игры. Я показывала, что у кого-то из детей пробежка, и отец в прямом смысле нависал надо мной — надо мной, десятилетней, ростом метр в прыжке — и орал: «Судью на мыло!» Я свистела в свисток и указывала на дверь, и рассерженный взрослый в раздражении покидал зал. Самая

трудная работа за всю мою жизнь. Даже велорикшей завезти троих страдающих ожирением мужиков на вершину холма от Грин-Бэй было легче. Но мне отчего-то кажется, что именно детская баскетбольная лига подготовила меня к тому, чем я занимаюсь сейчас. К тому, чтобы стать женщиной-боссом в индустрии, которой до сих пор управляют по большей части мужчины. К тому, что меня станут называть в интернете жирной, страшной и бездарной (уверяю вас, любой тролль в сети еще ядовитее и гаже, чем те взрослые, нависавшие надо мной на баскетбольной площадке). А еще — именно с тех пор я приучилась рано вставать, работать на износ и отстаивать свои решения.

Сейчас я почти каждый день встаю, понимая, что у меня слишком много работы, и времени в сутках не хватит, чтобы все сделать. Я беспокоюсь о людях, которым плачу, потому что, если я не потружусь как следует, это на них скажется. Я стараюсь относиться ко всем одинаково (плохо). ШЧ, просто одинаково. Я изо всех сил стараюсь принимать решения, справедливые и верные для меня и для всех вокруг. Я очень устаю и часто совсем выматываюсь. Но как же, твою мать, здорово знать, что кто бы на меня ни наехал, что бы ни случилось — это моя площадка, и свисток у меня на шее.

Отрывок из моего дневника за 2001 год (мне двадцать) с примечаниями от 2016 года

Домой пришла около 2.50[58]. Сегодня мы с мамой и Ким ездили встречать Джея в ЛаГуардию. Повидались с его школьной подругой, Эйлин.

Все выходные он отпускал обычные свои шутки обо мне[59], а Ким так чудесно выглядела и была такой худой[60], а я себе казалась такой тяжелой, и из-за всего этого я решила завести себе расстройство пищевого поведения[61]. Надеюсь, все пройдет благополучно[62]. Мне так надоело чувствовать уверенность в себе, а потом вдруг ее терять[63]. Это так тяжело. Я превратилась во что-то такое, чего раньше себе даже не представляла. Раньше меня не тревожил мой вес, но через три недели я увижусь с Дэном, и меня напрягает, что на меня все смотрят, как будто я толстая. Я хочу ощутить, каково это, когда тебя считают прям секси. Как противно, что это для меня так важно. Но сейчас вот так[64].

Я так и вижу, как читаю эту запись, приходя в себя после расстройства и снова набирая вес, но надо же попытаться[65]. Все остальное я уже пробовала[66]. Если я не стану выглядеть намного лучше, чем сейчас, то откажусь встречаться с Дэном. Хочу увидеться с ним, чувствуя себя худой и красивой, или совсем не видеться[67].

Унизительно такое писать, но я типа в депрессии, а ведь я так старалась, и вот оно как вышло. Ну и ладно. Посмотрим, что будет.

С любовью,

Эми.

P. S. По-моему, у Дэна надо мной слишком большая власть. Мне нужно что-то еще. Я всерьез задумалась об Американском корпусе — да, детка[68]. Хотела бы я, чтобы это было прямо сейчас. Учебе в колледже надо радоваться, а не мечтать, чтобы она закончилась[69]. Какого черта. Я так хочу в Нью-Йорк[70]. Таусон отстой, Балтимор помойка[71]. Заберите меня нахер отсюда[72].

Несколько дней спустя:

Дорогой дневник,

Прошло две недели с моей прошлой исповеди. Хаха[73]. Только что перечитала предыдущую запись. Блевать тянет[74]. Сейчас я совсем по-другому отношусь к своему телу. Оно мне нравится[75]. До того как мы стали встречаться с Дэном, меня совершенно ничего не парило[76]. Если он и дальше будет подрывать мою уверенность в себе, я не хочу с ним общаться[77]. Меня в настоящий момент устраиваю и я сама, и мой вес. В общем, я в самолете, лечу к Дэну, ахаха. Стоило ему опять заговорить о том, чтобы я приехала, — и я сажусь в самолет, чтобы увидеться с этим мелким говнюком[78]. Надеюсь, нам будет весело. Я просто не хочу принимать все это слишком всерьез[79]. Он мой друг, которого я люблю глубже, чем других. Секс, конечно, подводит черту, но это просто часть нашей дружбы[80]. Мне так не терпится узнать, как пройдут выходные. Сегодня четверг, а я еду до воскресенья[81].

Красивая и сильная

До того как уехать в колледж, я была в своей школе королевой. Я знала, где припарковаться, где купить лучшие сэндвичи с куриной котлетой и кто из уборщиков торгует травкой. И меня все знали, все. Меня любили. Я была спортсменкой и хорошей подругой, я считала себя красоткой. Я чувствовала, что меня замечают. Всего, чего могла, я в школе добилась. Я была личностью. Все думали, что я сильная, смешная и правильная. Такой прекрасный кусок жизни, когда не особенно задаешься вопросом, стоишь ли ты чего-то на самом деле. Что твое, то твое. Принимаешь все как данность, а остальное не парит.

Потом я попала в колледж, где девочки с моего курса, студентки Университета Таусона в Мэриленде, только что были признаны в журнале «Плейбой» самыми горячими первокурсницами страны. И не я тому была причиной.

Внезапно оказалось, что остроумие и харизма не значат ни фига. День за днем я ощущала, как уверенность выветривается из меня. Я была не той, кого хотели парни. Им нужны были постройнее, поблондинистее, поглупее. А мои лихие реплики ценили только работники кафетерия, куда я наведывалась слишком часто, и в рекордные сроки набрала не пятнадцать фунтов жирка первокурсника, а все тридцать. Особи мужского пола меня не замечали, и, как ни неловко в этом признаваться, меня это убивало.

Что-то, хоть как-то похожее на внимание, проявил ко мне только один парень, Бретт. Он был на пять лет меня старше и походил на члена гитлерюгенда. Еще он был «суперстаршекурсником», это такое секси-название для тех, кто выпустился бы, но им понадобился еще год, прежде чем выйти в реальный мир, — или просто им так захотелось. Он почти все время молчал, и для моих проекций, связанных с ним, это было самое то.

То, что на меня обратил внимание крутой парень постарше, казалось успехом. Я нервничала, когда видела его в кампусе — у меня начинало колотиться сердце, я улыбалась, когда он проходил мимо, заглядывала ему в глаза и чувствовала, как к лицу приливает кровь. Я подолгу думала о том, как мы пообщались, и планировала, что на мне будет, когда я в следующий раз его увижу. «Простые сабо или сандалии Риф? Интересно, он сегодня вечером будет в баре? Тут потребуется мини под зебру и топ без бретелек!»

Я хотела, чтобы он позвонил, но он не звонил. А потом как-то взял и позвонил. Я ждала, и вот однажды мое терпение вознаградилось. В восемь утра у меня в общаге зазвонил телефон.

— Эми? Ты как? Это Бретт. Давай ко мне.

«Божечки-кошечки. Вот оно, — подумала я. — Он проснулся с мыслями обо мне. Понял, что нам суждено жить вместе — что пора перестать притворяться, будто мы созданы не для того, чтобы просто любить друг друга. Интересно, где мы станем растить детей? Он захочет, чтобы они выросли в Балтиморе? Я поселюсь там, где ему удобнее. И мне вовсе не надо, чтобы наши дети были иудеями, но крестить я их, конечно же, не позволю».

Я побрила над раковиной ноги, ополоснула подмышки. Соседка по комнате смотрела на меня из-под одеяла, пока я носилась по нашей общажной комнатушке, которая, если сейчас подумать, была довольно похожа на тюремную камеру: неоновые лампы, случайно назначенный сосед и неоткрывавшиеся окна, чтобы у нас не было возможности закончить колледж экстерном.

Я помчалась, готовясь провести день с Бреттом. Чем мы займемся? Для рыбалки было еще рановато. Или, может, его мама приехала, и он хочет, чтобы я пошла с ними завтракать. Тук-тук. Я сияла улыбкой перед закрытой дверью. Тук-тук. «Он перенесет меня через порог на руках? Он сейчас, скорее всего, приглаживает волосы и говорит маме: „Не подкачай, может, она — та самая“». Я решила быть с его матерью очень милой, но так себя поставить, чтобы она не думала, что будет главной на всех совместных праздничных обедах, которые нас ждут. Я буду звать ее по имени, чтобы она поняла, со мной шутки плохи. «Рита, в этом году я делаю рагу из зеленой фасоли». Тук-тук. Тук. Тук. ТУК! Наконец, дверь открылась. Открыл ее Бретт, но он явно был не здесь. Все лицо перекошено от алкоголя и бог знает чего еще. Глаза такие, словно с телом никакой связи. Взгляд на мне не фокусируется. Он стоял рядом и пытался посмотреть на меня, вывернув голову, как акула.

— Эй! — заорал он слишком громко и обнял меня так крепко, что аж больно.

Но я была слишком увлечена тем, как вскинуть подбородок, и выставить сиськи, и втянуть живот, чтобы заметить этот огромный красный флаг.

Он был насмерть угашен. Я скоро поняла, что была не первой, о ком он подумал с утра. Я была последней, о ком он подумал прошлой ночью, потому что для Бретта прошлая ночь еще не закончилась. Я гадала, сколько девушек ему не ответили, пока он добрался так далеко, до меня-первокурсницы. Я в его телефоне записана как «Шумер»? До буквы «Ш» не быстро дойдешь. Но вот

она я, стою у него в комнате, мне восемнадцать, я хочу, чтобы меня обнимали, чтобы ко мне прикасались, хочу почувствовать себя желанной. Я хотела быть с ним, я представляла, как мы гуляем по кампусу вдвоем, держась за руки, — и это доказывает, что меня можно любить, что я не превратилась в куклу-тролля, как мне казалось; ведь на меня запал крутой парень постарше. Я подумала: «Подожду, пока он протрезвеет, и мы посмеемся над всей этой историей и поймем, что мы на самом деле друг другу нравимся».

Он поставил какую-то музыку, и мы оказались в постели. Ну, он меня толкнул на кровать таким сексуальным движением — парни часто так делают, как бы говоря: «Готовься, я буду сам всем рулить, и тебе просто крышу сорвет». За этим, как правило, ничего особенного не следует. Пахло от него пивом «Хайнекен-скунс» — «Хайнекеном» и скунсом, соответственно. Его утренняя щетина ободрала мне лицо, когда он на меня навалился (я знала, что у меня после этого целый день губы будут, как будто я фруктового пунша перепила), а от пьяных поцелуев было ощущение, что мне в рот сует язык кто-то, кому только что укололи новокаин.

Музыка играла слишком громко. Мне казалось, что я лишилась и лица, и имени. Осталось только теплое тело, но мне было так холодно, когда его пальцы во мне рылись, словно он там ключи потерял. Потом был секс. Ну, в широком понимании слова. Пенис у него был тверд, как пустая банановая кожура. Я уже через пару минут после того, как зашла, поняла, что никакого соития не будет. И это было к лучшему, потому что я вообще-то не была готова с ним спать. У младенца было больше шансов влезть на Эверест, чем у этого парня войти в меня.

Пока продолжался этот праздник вялости, я оглядела комнату, пытаясь отвлечься или, с божьей помощью, дистанцироваться. Выглядела она так, словно ее обставлял не в меру усердный театральный художник, слишком близко к сердцу принявший пометку «временное жилье, ничего существенного». Я заметила плакат «Лица со шрамом» — ну, без этого никуда, конечно. А еще что? А ничего. Все. Обычный такой Белый Сын Бухгалтера, слишком часто для меня рубившийся в компьютерные игры и пинавший мячик, и самым близким себе человеком он считает беглого кубинского торговца наркотой.

Он решил спуститься пониже. «Какая вера в себя», — подумала я. Считается за оральный секс, если парень засыпает, три секунды подвигав языком, как старик, жующий последнюю свою овсянку? Если у меня между ног что и увлажнилось, то только из-за его слюней, потому что он уснул без задних ног и

храпел прямо в меня. Мне хотелось крикнуть себе: «Беги отсюда, Эми! Ты красивая, ты умная, ты достойна большего!» Я вздохнула и услышала, как разбилось мое сердце; я пыталась не заплакать. Я чувствовала, что теряю себя, что почти вчистую проиграла себя девушке в этой постели. А потом услышала, что музыка поменялась. Зазвучало соло на волынке.

— Бретт, это что? — я тряхнула его, чтобы проснулся.

— Саундтрек «Храброго сердца».

Естественно. Можно было догадаться. Зуб даю, плакат с Мэлом Гибсоном уже был заказан по почте, он уже ехал, чтобы гордо занять свое место рядом с Аль Пачино.

— Ты можешь поставить что-нибудь другое? Пожалуйста?

Он недовольно поднялся, упал на пол и пополз. Я смотрела на щель в его заголившейся заднице, на темную неопрятную бездну, в которую валилась. Я задыхалась. Меня как будто парализовало. Жопа этого чувака была ущельем. Пошли мои 127 часов. Надо было раздолбать скалу и выбраться.

Бретт встал и поставил новый диск. «Детка, ты меня отправила в путь…» Он забрался обратно в постель и попытался затолкать то, что в тот момент было его третьим яйцом, мне в вагину. На четвертой попытке он сдался и опять уснул у меня на груди. Голова у него была тяжелая, а изо рта так несло, что мне пришлось отвернуться, чтобы глаза не слезились. Но слезы уже полились, из-за этого альбома. Из-за этих песен.

— Это кто? — спросила я. Музыка была такая прекрасная. Эти песни меня наизнанку выворачивали. «Купидон, опусти свой лук…» Музыка, которой он сопроводил наше утро, была самой неподходящей из возможных. Его неуклюжие попытки «заняться любовью» больше напоминали Мэла Гибсона, чем Уильяма Уоллеса. А теперь играли самые прекрасные любовные песни, какие я слышала в жизни, а у меня в объятиях лежал этот мальчик-переросток, для которого я — всего лишь последняя попытка кого-то завалить. Я слушала и плакала.

Я смотрела на себя с вентилятора под потолком, как собственная крестная-фея. Дождалась последней безупречной ноты, потом выползла из-под Бретта и выскользнула. Я закрыла за собой дверь и спаслась.

С Бреттом я больше не разговаривала, поэтому так и не смогла его поблагодарить за то, что он познакомил меня с новой мной. И с новой моей любовью — Сэмом Куком.

Прошло тринадцать лет. Я по-прежнему люблю Сэма Кука, и мне по-прежнему время от времени нужна фея-крестная.

В моем телевизионном шоу есть рубрика «Эми погружается»,

в которой я беру интервью у людей со всякими интересными профессиями или у тех, кто просто нестандартно живет. И как-то раз я снимала выпуск с матчмейкером, который в итоге не вышел. Эта женщина не только позволила мне задать ей вопросы о работе, но еще и меня решила пристроить. Сразу после нашего разговора я должна была встретиться с мужчиной, которого она мне подобрала.

И это был самый неприятный опыт при записи «Эми погружается». На минуточку, у меня были выпуски, где я беседовала с чуваком, который отрицает изменение климата, с пикап-мастером, с социопатом, у которого был подтвержденный диагноз. Но от этой женщины меня накрыло сильнее всего. Я до сих пор бешусь и чувствую себя раздавленной одновременно. Перед интервью она меня оценила по фотографиям в сети и записям моих выступлений. Про парня, с которым она собиралась устроить мою судьбу, она рассказала очень мало, но всячески подчеркивала, что такими не разбрасываются. Описала она его так: шесть футов росту, симпатичный, спортивный. Уверяла, что он смешной, все хохочут над его меткими постами в Facebook. Взялась даже просвещать меня, насколько чувство юмора ценное качество, словно говорила с инопланетянкой, которая раньше никогда с человеческими эмоциями не сталкивалась. «Когда сцепишься с кем-то языками, становится весело и легко — так и чувствуешь: в воздухе нарастает напряжение».

От того, как она меня поучала (меня, женщину-комика тридцати одного года) касательно сексуальной привлекательности и юмора, от ее менторского тона у меня желчь к горлу подступила. Она спросила, как я собираюсь разбить лед в разговоре с мужчиной. Я поинтересовалась, не должна ли я, по ее мнению, «толкнуть его голову вниз, словно взрываю динамит — пуууфф».

— Нет, — сказала она совершенно серьезно. — Потому что так вообще-то делают мужчины. Вы же женщина, — напомнила она мне. — Вы должны быть леди. Вы должны сделать все, чтобы ему понравиться. Так что давайте я вам намекну, чего ждать. — Она выдержала паузу, — Думаю, вам нужно просто расслабиться и позволить ему всем рулить.

Потом она с видом знатока отметила, что у меня, наверное, до сих пор никого и нет как раз из-за моих бесконечных шуток про секс. (Разве можно такое говорить и быть леди? Да отсоси, сводница!)

Если вы смотрели мое шоу, то знаете, что я всю себя готова показать на экране. Я надеваю всякие уродские костюмы, со всех сторон демонстрирую тело. Я пишу о том, что меня по-

настоящему задевает, и часто шучу над собой. Но на том интервью, признаюсь, я себя чувствовала беззащитной, как никогда. Выслушать от «специалиста» по отношениям, почему я не привлекаю мужчин, а потом заставить себя пойти и встретиться с мужчиной, которого она выбрала и который, возможно, мной заинтересовался, было очень страшно.

Когда интервью закончилось, я пошла в бар на свидание с этим чуваком. Назовем его Рекс. Меня даже сейчас мутит, когда я об этом пишу. Я ждала у стойки, и вся моя уверенность, вера, что я чего-то стою, утекала сквозь потные ладони, которыми я вцепилась в бокал вина, словно только благодаря ему и могла удержаться. У меня было дурное предчувствие. Я не была готовой к такому. Но вряд ли что-нибудь могло подготовить меня к тому, что вошло в дверь.

Увидев Рекса, я ощутила себя «Титаником», перед которым появилось скопление айсбергов, и Рекс был одним из тех, которому и предстояло меня в конце концов потопить. Вот он входит. Года пятьдесят три, в джинсовой рубашке, сверху кожаная жилетка. Ростом где-то пять футов девять дюймов (на целых три дюйма ниже, чем описала сводница), пересаженная шевелюра и нехилое брюшко. Не смущаясь, он предъявил миру волосы с проседью на груди — верхние четыре пуговицы были расстегнуты, это позволило выставить напоказ (я не шучу) подвеску из акульего зуба. Свои же зубы Рекс, судя по всему, недавно отбелил, и ему не терпелось ими сверкать почаще. Это было нетрудно, его так заводил собственный загар, что улыбка с его лица не сходила вообще.

Я купила ему выпить, мы обнялись в честь знакомства. Сердце у меня упало и вывалилось из вагины, едва мы встретились глазами, таймер включился в ту же секунду. «Даю ему ровно полчаса», — подумала я. Сосредоточилась изо всех сил на том, чтобы быть любезной. Рекс меня ни о чем не спрашивал, и я это оценила, я была не в настроении откровенничать. Да и времени в любом случае не хватило бы, он ведь должен был мне рассказать о своей группе, играющей каверы на Брюса или Билли. Рекс много разорялся о том, какой он человек, пялился на мои сиськи, был так поверхностен, что я поняла, в какую минуту именно он решил, что захочет со мной секса. Я считала вдохи и выдохи. Улыбалась, пыталась излучать радость, но это было нелегко, потому что чувак на самом деле был наглый и мудаковатый. Прошло минуты двадцать две, и я решила закругляться. Сказала, что у меня много работы и что очень рада была познакомиться. И тут он выпалил буквально: «А ты милая. Сваха мне сказала, что ты (цитирую) не модель, но, по-моему, она

не права». От этого мое сердце, давно выпавшее из киски, пошло дальше, пробурив дыру в земной коре, мантии и ядре. Это что, и было то самое «сцепиться языками», о котором вещала матчмейкер? Сексуальное напряжение, надо понимать, можно уже ножом разрезать? Я решила убедиться, что не ослышалась.

— Что именно она сказала? — спросила я.

— Ну, — принялся объяснять Рекс, — я не был уверен, идти ли на это свидание, нервничал, и она сказала: «Не волнуйся, она не модель».

Я заметила, что сообщать об этом мне было довольно невежливо. Я бы обошлась и без ее комментариев по поводу моей внешности. Рекс в свою защиту сказал, что сам с ней не согласен. Я начала было излагать ему, почему говорить мне такое все равно мерзко, но потом подумала: «На фиг, с чего я распинаюсь перед чуваком, который родился, когда президентом был Эйзенхауэр, и которому нравится таскать возле сердца куски дохлой акулы?» Поблагодарила, что потратил на меня время, обняла на прощанье и ушла.

По мне будто катком прошлись. Не только по мне, по всем одиноким женщинам в мире, которые пытаются с кем-то познакомиться. Мне хотелось забежать на самый верх Эмпайр-Стейт Билдинг и объявить, что они достойны куда большего, чем вот это вот. Что не должны они заманивать какое-то теплое тело посидеть рядом, просто чтобы не проводить праздники в одиночестве. Не должны позволять журналам, сайтам знакомств или чудовищным матчмейкерам убеждать, что из-за возраста, веса, внешности или чувства юмора они болтаются в нижней части рейтинга привлекательности. Что они не заслуживают, чтобы их обманом убеждали, будто за такое они должны бороться — за индюка не первой свежести, которому внушили, как и многим другим мужчинам, что он — величайшая награда для кого-то вроде меня. С чего мне было трудиться, чтобы его заинтересовать? С ним не было весело, он был не больно-то милый, и мне случалось вести беседы поинтереснее с домашними животными.

А что до того «специалиста» по отношениям — она зарабатывает на жизнь тем, что перекраивает женские мечты, велит снизить ожидания. Создает и утверждает то, чего вы, на ее взгляд, заслуживаете. Если вы «не модель», то, видимо, она считает, что большее, на что вы можете надеяться, — это составить пару мужчине, у которого есть пульс и счет в банке, и еще благодарить мироздание, если у него в вашу честь получится эрекция. Я вылетела из бара, словно там начался пожар, словно сама его и устроила, и подумала: «НА ХЕР!»

Я больше никогда в жизни не лягу в ту кровать в общежитии первокурсников и не буду сидеть в баре с Рексом и его жилеткой. А всем, кто искал в этой жизни любовь, а нашел только чувака из Мужского Волосяного Клуба в коже и джинсе поверх джинсы, хочу сказать: любите себя! Вам не нужно, чтобы парень, или мужик, или самозваный эксперт по отношениям рассказывал вам, чего вы стоите. Ваша сила в том, кто вы и что делаете! А весь этот шум, постоянный гул на заднем плане, который сообщает, достаточно вы хороши или нет, вам ни к чему. Вам нужны только вы, ваши друзья и ваша семья. И вы найдете вашего человека, если именно этого хотите, — того, кто будет уважать вашу силу и красоту.

Сейчас я чаще всего чувствую себя красивой и сильной. Я с гордостью хожу по улицам Манхэттена, я — та же популярная девочка, какой была в выпускном классе. Те, кого я люблю, любят меня. Я — отличная сестра и подруга. Я смешу самых смешных людей в стране. У моей вагины внушительный список гостей — по-настоящему вдохновляющий перечень мужчин. Я преодолела суровую критику, угрозы меня убить и осталась жива. Я ничего не боюсь. Большую часть времени. Но я по-прежнему могу довольно быстро сжаться и снова стать той одинокой беззащитной первокурсницей. Это случилось в тот день, с матчмейкером и Рексом, и я не сомневаюсь, случится снова. Я не пуленепробиваемая, и я точно такая не одна. Мы, женщины, снова и снова переживаем свои страхи, несмотря на все старания поддержать друг друга и по-настоящему себя полюбить. И когда это происходит, Сэма Кука бывает недостаточно и я не могу себя выручить как фея-крестная. Иногда хочется все прекратить — не только выступать, а вообще перестать быть женщиной. Хочется, прочитав злобный комментарий в Twitter, поднять руки и сказать: «Ладно, вы меня достали. Вы все про меня поняли. Я не красотка. Не худышка. Я не заслуживаю любви. У меня нет права голоса. Стану носить паранджу, перееду в маленький городок на севере штата и наймусь официанткой в блинную».

Во мне столько всего переменилось со школы. За годы, что прошли с тех пор, я пережила столько отчаяния и сомнений в себе, но в каком-то смысле, круг замкнулся. Я знаю, чего стою. Я приняла свою силу. Я сама скажу, красивая ли я. Сама скажу, сильная ли. Вы в моей истории ничего не решаете. Сама решу. Я буду говорить, буду делиться, трахаться и любить, и я в жизни не стану просить за это прощения. Я потрясающая. Для вас, а не благодаря вам. Я — это не те, с кем я сплю. Не мой вес. Не моя мать. Я — это я. И я — это вы все.

Отрывок из моего дневника за 2003 год (мне двадцать два) с примечаниями от 2016 года

Дорогой дневник,

Как всегда, если я перестала писать, значит, все нехорошо. Значит, я на самом деле что-то скрываю или не живу в реальном мире и не хочу об этом думать[82]. Последние пару[83] месяцев не были исключением. Я сейчас в Нью-Йорке, еду на поезде, попытаюсь получить изумительную работу официанткой в центре[84].

Я последнее время живу в мире, отражающем реальность, но не вполне в нее входящем[85]. Я закончила колледж, ля-ля-ля. Что это может означать?[86] По-моему, я знаю, но я уже выучила, что сегодняшняя правда — это будущая чушь[87].

Последние два месяца в школе были напряженными, но классными. Пьеса прошла хорошо. Могла бы в тысячу раз лучше, но режиссер был хуже некуда, и актеры тоже отстойные[88].

Я пытаюсь начать жить[89]. Хочу всего и сразу[90]. Хочу жить в Нью-Йорке[91], зарабатывать[92], играть и работать в баре[93]. Я дома всего неделю, а уже вся чешусь, так охота купаться в бабле и ходить на прослушивания[94]. Я хочу начать новую страницу[95].

Как стать стендап-комиком

Стендап — это то, чем я больше всего люблю заниматься. Ну, это вранье. Я люблю, когда у меня оргазм, люблю смотреть хорошее кино или читать хорошие книги. Люблю есть пасту и пить вино. Наверное, это то, что я больше всего люблю. Но после них. Ой, стойте, спать, я люблю спать — и люблю яхты. Люблю играть в волейбол с сестрой, люблю ходить на концерты групп и музыкантов, которых как раз в это время сильнее всего люблю. Вот что я больше всего люблю. Но, если без шуток, хотя я не шучу, стендап для меня — это такая огромная радость. Особенно сейчас, потому что, хотя сам ты становишься все лучше и лучше, ощущение не меняется. По крайней мере, я так чувствую.

Ты стоишь на сцене, в свете софитов. Рассказываешь что-то, что тебе кажется смешным или важным (или и тем, и другим) — и тебе отвечают смехом, аплодисментами, признательностью и согласием; это чувство не описать. Я живой человек, я хочу, чтобы меня любили, и иногда вечерами я хочу просто сидеть и смотреть кино с семьей или со своим парнем. Но чаще всего за последние тринадцать лет вечерами я хочу на сцену.

Первый официальный ангажемент я получила в пять лет. Играла Гретль в «Звуках музыки». Но выступала я и раньше — с тех пор, как начала говорить. Кровать в моей комнате, когда я была совсем маленькой, стояла на подиуме в нише, в стене. Ниша закрывалась занавесками, чтобы получилось уютное местечко для сна, но я стаскивала матрас, чтобы вместо этого устроить на подиуме сцену. Я собирала всех родных, кого могла найти, появлялась из-за занавесок и выступала перед ними на своей маленькой сцене. Выступления состояли в основном из утомительных путаных рассказов о кроликах, кошечках или червячках. Родные притворялись, что им интересно — хотя, скорее всего, мечтали, чтобы на дом упал метеорит.

Я всегда хотела выступать. Папа все снимал на камеру, и меня это всегда раздражало — даже когда я была совсем малышкой. Я прерывала выступление и просила его убрать камеру. У нас есть запись того, как я устраиваю истерику из-за того, что он не подчиняется моим требованиям прекратить съемку. Вы, наверное, думали, что мне нравится, когда меня снимают, но для меня дело всегда было в публике, в живом выступлении. Даже когда мне было три.

В первый раз я вышла на сцену со стендапом, приняв решение в последнюю минуту. Мне было двадцать три, я два года как окончила колледж. Женщина-комик лет сорока пяти в группе

импровизации, где я занималась, долгое время выступала со стендапом. Она была кем-то вроде Вуди Аллена женского пола, разве что не женилась ни на ком, кто когда-то был ее дочкой. Как-то вечером я пошла на ее выступление и, как все фрики, которые приходят в клубы комедии, решила: я тоже так могу.

Вскоре после той судьбоносной ночи я открыла для себя камеди-клуб «Готэм». Он в то время находился на Двадцать Второй, мест в нем было где-то сто пятьдесят. Я туда зашла и выяснила, что если приведу четверых зрителей (тех, кто заплатит за вход и купит что-нибудь выпить), то смогу в тот вечер выступить. Не помню, кем были те четыре везунчика. Одна точно была мама, а еще моя подруга Эйлин, джазовая ударница, но остальных не помню. У меня была пара часов до выхода на сцену, за которые я ударными темпами сколотила шестиминутное выступление. Шоу начиналось в пять вечера во вторник. Снаружи еще не стемнело. Самое время для комедии. В зале было человек двадцать пять. У меня, к несчастью, есть запись всего этого мероприятия. Волосы у меня буйно вьются, а хуже моего наряда — только мои шутки. На мне была какая-то мормонского вида кофточка на пуговках — белая, с коротким рукавом — и джинсы, которые подошли бы изначальному Джареду из «Метро», а разглагольствовала я о надписях в небе:

— Это так раздражает. Они вечно рассеиваются, их не прочитаешь толком. Если бы парень вот так сделал мне предложение, я бы сказала: нееееееет.

А потом я добавила:

— Так что сделайте мне одолжение этим летом, все на уровне глаз!

Такое остроумное завершение. «Все на уровне глаз». Буэ.

Блевать тянет, когда думаю, как ужасно я выступила. Но я не нервничала. Я играла в театре с пяти, так что страха сцены у меня не было. Я держалась очень уверенно для новичка без единой оригинальной мысли и совсем без чувства момента. Кто-то даже смеялся. Смеялись, потому что я была молода и полна надежд, и людям передавалась моя энергия и энтузиазм. Смеялись из вежливости. Но важно было лишь одно: смеялись. Я прошла. Кто-то из настоящих тамошних комиков меня похвалил. Говорили, что надо поработать, что я могу лучше. Может, хотели со мной переспать. Хотя — стойте, я вспомнила, как была одета… Нет, не хотели.

С тех пор я выступала пару раз в месяц. Всегда «на приводах» — то есть нужно было привести человек восемь — двенадцать, чтобы сидели в зале и покупали напитки, в обмен на шесть минут на сцене. Рэкет, конечно, но все получают, что хотят. Все, кроме

зрителей. Я обычно полагалась на родных и друзей с Лонг-Айленда, и на тех, с кем вместе работала официанткой, чтобы заполнить свою часть зала. Ужасно, когда тебе все время что-то нужно от людей. Позже, перестав работать «на приводах», я тут же стерла из телефона около сотни номеров. Меня штырило от того, что мне больше никогда не придется писать эсэмэску: «ПРИВЕТ! ХОЧЕШЬ НА МОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ?» Как я уже говорила, я интроверт, и после выступления хотела бы просто пойти домой и обдумать, как все прошло, — но вместо этого приходилось идти в бар со всеми, кто пришел меня поддержать. Выступление и так отнимает много сил, но когда потом еще приходится типа «обслужить зал» — это слишком. Казалось, проще исполнить приват-танец злому дикобразу, чем стоять среди тех, с кем работаешь в ресторане, и выслушивать, что они думают про твои шутки.

В первый год, когда я стала выступать со стендапом, я перед шоу ходила по парковке у «Готэма». Ходила взад-вперед мимо парковщиков, повторяла текст в голове, как актеры проговаривают монологи: снова и снова, опять и опять. Потом, за несколько минут до выхода, у меня начинался понос. Каждый раз. Такой почти ритуал. Я впадала в панику, что меня объявят, пока я еще сижу и подтираюсь в холодном туалете, в одном шаге от своей жизни, но все всегда складывалось хорошо. Я как-то умудрялась каждый раз облегчиться, подтереться и смыть за собой, прежде чем меня вызовут на сцену. У меня даже было несколько секунд, чтобы сделать растяжку, как бегун на длинные дистанции, прежде чем выйти. И я всегда ее делала, пока не увидела, как кто-то боксирует с тенью перед выходом, и не подумала, что это такой отстой, и перестала растягиваться.

Сейчас я могу хоть спать без задних ног, хоть трепаться, а потом выйти на сцену. Но тогда это было — как ягненка в жертву принести; столько диких суеверий у меня образовалось. Самое странное — необходимость на себя посмотреть. В «Готэме» можно было за пятнадцать баксов купить кассету с записью своего выступления. У меня дома не было видеомагнитофона, поэтому я приносила кассету в магазин, название которого рифмуется со словом «покупай», и вставляла ее в их магнитофон, чтобы посмотреть номер и сделать заметки. Покупатели вокруг офигевали, не понимая, зачем девушка принесла в магазин кассету с записью себя и пишет об этом. А еще как-то раз кто-то решил, что я выступала в совсем малобюджетном шоу по телевизору и поймала трансляцию. Но я не могла позволить себе видеомагнитофон — много тратила на сценическое время и на оплату квартиры.

До шоу с открытым микрофоном я доросла не сразу. Открытый микрофон — это шаг вперед, потому что там работаешь не «на приводах», и в публике очень часто бывают только другие комики. Я решила, что для боевого крещения мне подойдет один клуб в Гарлеме, на Сто Шестой, называется «Подземка». Я так уверенно поднялась на сцену. Ведь я уже много месяцев выступала перед настоящей публикой, и в зале бывало человек по двести, — поэтому я решила, что с тридцатью комиками уж как-нибудь справлюсь. (И тут я как бы пою следующие три слова.) Нееееет, нееее спрааааавииилаааась! Я провалилась. С треском. Никто не смеялся.

Первый провал всегда особенный. Ты его ощущаешь даже костным мозгом. Сначала думаешь, что-то не то со звуком. Но нет, все в порядке. Это с тобой не то. Проблема в тебе. В тебе и твоих жутких шутках — они не смешные. Ты понимаешь, что тебе все врали. В зале нет друзей, которые засмеются, чтобы не уронить твою самооценку. Там море неприветливых лиц, там люди, которые занимаются тем же, что и ты — поэтому они не считают, что ты прелесть. Они думают, что ты скучная, что ты отнимаешь у них время. И они все сосредоточены на своих выступлениях и на том, как им дальше продвигаться в стендапе. Когда я ушла со сцены, у меня кружилась голова. Я села в заднем ряду с несколькими комиками, которые мне улыбались, как бы говоря: «Сочувствуем твоей утрате». До конца шоу я просидела, повесив голову, и поняла, что мне нужно серьезно поработать. Я не плакала, но моя уверенность в себе разбилась на крохотные кусочки и разлетелась по грязному гарлемскому полу. Ну ладно, я плакала. И выпила несколько бокалов теплого пива.

С тех пор я начала выступать пару раз в неделю — то у открытого микрофона, то «на приводах». Я заканчивала номер и шла домой ужинать со своим парнем, Риком, с которым я очень счастливо жила в Бруклине. Мы оба были актерами. Познакомились, работая официантами. То есть оба ходили на прослушивания на фиговые роли в фиговых пьесах, и нас обоих никуда не брали. Помню, я думала: как странно, что многие мои знакомые комики выступают больше одного раза за вечер. Я чувствовала, как неутолимо они жаждут побыть на сцене, и мне их было жалко. За чем они гнались? Как будто еще одно пятиминутное выступление в парикмахерской (да, шоу устраивают везде) перед десятью другими пьяными претендентами на открытый микрофон что-то изменит.

А потом накрыло и меня. Я придумала первую удачную шутку. Такую, что мне захотелось выйти на сцену и рассказать ее. Это случилось в метро по дороге домой, в Уильямсберг, около

часа ночи. Я сидела рядом с пожилой черной женщиной, и мы очень мило болтали. Так, ни о чем. Она была старая, как Хранитель Склепа у Хичкока. Или как калифорнийский изюм. Это не расизм. Будь она белой — была бы похожа на желтый калифорнийский изюм. Ладно, в общем, она вдруг спрашивает: «Вы слышали благую весть?» И тут я вижу, что у нее с собой такие религиозные брошюрки с картинками — и понимаю, что она пытается спасти мою душу. Я прям обманула ее ожидания, объяснила, что я еврейка и что мы с ней не встретимся в царствии небесном. Такие дела. Я думала, что она просто милая тетка, с которой я общаюсь, а она меня использовала, чтобы набрать очков за спасение. Откуда ей было знать, что я безбожная хитрая еврейка. Я шла домой от метро, размышляя об этой встрече, и придумала шутку. Хорошую.

Рано утром я позвонила сестре, разбудила ее. Ким ненавидит, когда ее будят. Но она не выключает на ночь телефон, и я это знаю, так что динь-динь-динь. «Ким, слушай, у меня новая шутка!» Она ответила мне ободряющим: «Пока». Но я уговорила ее не класть трубку и выслушать мою шутку. Шутка была такая:

Тут одна старушка в метро меня спросила: «Слышали благую весть?» Она меня пыталась спасти.

Я отвечаю: «Мэм, мне очень жаль. Я из евреев».

Она говорит: «Это ничего, ваш народ просто пока ищет Иисуса».

Я отвечаю: «Нет, мы его нашли. Может, это вы дурные вести не слышали».

Я прижала трубку к уху, дожидаясь, что ответит Ким. Столько раз уже так было. Где-то три Миссисипи спустя она сказала: «Смешно. Пока». И повесила трубку. Но мне этого было достаточно. Мне моя новая шутка прям нравилась. Я опробовала ее в тот вечер на открытом микрофоне, и ее хорошо приняли. Но я начала над ней работать. Может, если добавить пару неверных предположений, что за добрые вести, будет еще смешнее. Я пошла еще на один открытый микрофон, потом еще.

Через пару недель я написала новую шутку.

Мой парень всегда включает свет, когда мы занимаемся сексом, я гашу, а он опять включает.

На днях он говорит: «Чего ты стесняешься? У тебя красивое тело».

Я говорю: «Ты такой милый! Думаешь, я не хочу, чтобы это ты меня видел».

Мне шутка страшно нравилась. Я бы ее рассказала миллион раз. Я и рассказала. Выяснилось, что есть такие клубы, где можно

«зазывать» — в смысле, стоять на углу и раздавать флаеры, рассказывая всем про шоу. «Эй, любите комедию?» Слышали же этих приставучих, когда ездили в Нью-Йорк? Ну, так это была я. В минус двенадцать я стояла на углу, пытаясь зазвать внутрь достаточно народу, чтобы меня пустили на сцену. Мне нужны были в зале тушки, и неважно, говорили они по-английски или нет.

Я подцепила заразу. Я с концами подсела на стендап, на то, чтобы выступать все лучше, и это работало. Выясняется, что если миллион раз выйдешь на открытый микрофон и «на приводы», позазываешь, сделаешь собственное шоу, станешь приглашать на него других комиков, а они начнут приглашать тебя, и если повторять это все каждый вечер по нескольку раз, — а еще если тебе от этого полностью сносит крышу, — можно стать немножко лучше. «Немножко» тут ключевое слово.

По сути, любой, кто занимается стендапом, — неадекватный мазохист. Чтобы чего-то достичь, нужно дико вкалывать и тратить кучу времени. На то, чтобы добиться настоящего смеха, уходят годы. Я становилась лучше шажок за шажком. Один комик — Пит Доминик, с которым я познакомилась «на приводах» в «Готэме», очень мощно подтолкнул меня вперед. Он сказал: «Надо знать все клубы в Нью-Йорке и выходить на сцену каждый раз, как будет возможность. Это должно стать навязчивой идеей». Он был прав. Джессика Керсон — самая смешная, кого я видела. Я смотрела ее выступления в «Готэме», она заканчивала шоу. Джессика была убийственна — я никого не видела, кто бы так мог. Зал просто валялся без сил от смеха. Когда она уходила со сцены, у зрителей болели лица. Она была первой, кто взял меня на разогрев на выезде. С ней я бы поехала куда угодно даром. Она пообещала мне пятьдесят баксов, просто по доброте душевной, но я пришла в восторг от того, что она хочет меня взять с собой.

А потом — года через два с половиной — я пошла на бесплатный семинар для новых комиков в клубе «Готэм», туда, где я впервые выступала со стендапом. Владелец, Крис Мацилли, пригласил туда агента и известного всей стране комика, чтобы они отвечали на вопросы где-то сотни коллег, пришедших в клуб. Я записывала как бешеная, пока Крис говорил о важности усердного труда. И тут он заявляет: «Хороший пример комика-трудяги — это Эми Шумер. Она этого еще не знает, но я порекомендовал ее в качестве нового лица на фестиваль в Монреале». Я это все слышала в первый раз. Я подпрыгнула от того, что Крис вообще знает, как меня зовут. И чуть не расплакалась, потому что он был первым серьезным человеком, который дал мне понять, что считает меня особенной.

Сразу после этого у меня был открытый микрофон в баре. Я вышла под дождь, чтобы туда направиться, и все это было, как когда Анастейша знакомится с Кристианом в «Пятидесяти оттенках серого». Да, я его видела, и вы тоже. Только у меня были чувства не к горячему парню, который будет надо мной доминировать и трахать во все дыры. У меня чувства были — к комедии. Не помню, как тогда прошел открытый микрофон, как принимали в тот вечер мои шутки. Помню только, что мне казалось, будто я лечу, зная, что — а вот неважно, как прошло то выступление. Все двадцать человек в зале могли сидеть с каменными лицами; мне было бы наплевать. У меня в крови бурлил адреналин, и я думала, что у меня появился настоящий шанс. Я не знала, что это значит, но чувствовала: что-то будет.

Вскоре, в 2006-м, меня нашел агент из колледжа. Мне обещали сто долларов за выступление на разогреве у других комиков в университетах — иногда надо было ехать ради этого восемь часов. Первое выступление в колледже у меня было в колледже Брин-Мор в Пенсильвании: я там разогревала зал для комика, которого звали Кайл Данниган. Половина зрителей вышла во время моего выступления, другая — во время его. Сейчас, десять лет спустя, Кайл — один из моих ближайших друзей, он четыре года пишет для моей программы. Один из самых смешных людей, кого я знаю.

К концу 2006 года я стала основным комиком на выступлениях в колледжах. В тот день, когда я узнала, что получу восемьсот долларов за час, я гонялась кругами по своей квартире в Бруклине и думала: буду ли я так счастлива, если когда-нибудь рожу? Думаю, нет. Потом меня позвали с семиминутным номером на шоу «Комеди Сентрал» «Живьем в Готэме». Все прошло на ура, и я вырубилась от волнения. Я поверить не могла, что выступаю со стендапом по телевизору — ведь всего два с половиной года прошло.

А потом случилось совершенно невероятное, когда я прослушивалась для программы NBC «Последний выстоявший комик» — что-то вроде American Idol для комиков, пятый сезон которого как раз собирались снимать. Я не думала, что мне что-то светит. Думала, что, если повезет, запись моего прослушивания используют при монтаже первой серии. Или, может, я заложу основу для того, чтобы попасть в шоу еще через несколько лет. Я правда так думала. На прослушивании надо было выступить со стендапом перед тремя судьями. После первого раунда выбывало человек двести, а оставшиеся тридцать выходили в следующий, на вечернее выступление в тот же день. Я позвонила маме и своему парню, и они пришли на выступление. К концу вечера нас

всех выстроили в унизительные ряды на ступеньках, чтобы объявить, кто получит «красные конверты» с билетами в Лос-Анджелес на выступление в полуфиналах. Я стояла, зная, что конверт не получу, что придется мне остаться на месте, когда вниз по одному станут вызывать победителей. Лицо у меня понемногу делалось цвета того самого конверта. А потом прозвучало мое имя! У меня глаза вылезли на лоб, я побежала вниз, как участница конкурса «Хорошая цена». Мне вручили конверт, а я поверить не могла, что все так получилось. Не могла отвести от него глаз. Я себя чувствовала Чарли с золотым билетом. Посмотрела на маму и своего парня. Они орали от потрясения и восторга.

Два оставшихся до полуфиналов в Лос-Анджелесе месяца я упахивалась в спортзале и каждый божий вечер выступала со стендапом. В ЛА я поехала одна, остановилась в гостинице с комиками со всей страны и несколькими — из других стран. У меня глаза горели и хвост стоял пистолетом. «Прикиньте, в гостинице есть бассейн!» — объявила я за обеденным столом, вокруг которого сидели комики, ездившие с гастролями дольше, чем я живу. Все со мной были очень милы, несмотря на то, как я их, должно быть, бесила. Я была в компании самой неопытной.

Когда пришло время больших живых съемок — где и должно было решиться, какие десять комиков будут состязаться в шоу, — я была готова. Надела футболку от Express с V-образным вырезом и почти не стала краситься. Кто-то мне сказал, что в зале будет девятьсот человек. Самое большее, что я видела на своих выступлениях, это двести. Продюсер шоу сказал: «Эми, по телевизору это увидят восемь миллионов». Но по какой-то причине это было мне не так важно, как девятьсот человек, которые будут в зале живьем, передо мной.

Я предполагала, что вылечу, так что просто пообещала себе, что постараюсь изо всех сил получить удовольствие от каждой секунды — и получила. В конце, когда настало время объявить десять победителей, которые будут соревноваться дальше, мое имя прочли девятым. «Эми Шумер!» Я, блин, не поверила! Я выбежала на сцену и замахала, как будто выиграла конкурс красоты. Я плакала. А что случилось-то на деле? Меня всего лишь взяли в реалити-шоу — считай, кастинг прошла. Дело было не в том, что я оказалась смешнее других комиков. Просто я была хорошим «персонажем» для шоу. Но я тогда ничего этого не знала. И хорошо, что не знала.

Участие в шоу — опыт насыщенный, захватывающий. В каждом эпизоде нам давали новые непростые задания, и, как ни странно, я оказалась к ним лучше всех подготовлена. Другие

комики были закаленными в дорогах волками, полагавшимися на хорошо выстроенные шутки и долгие истории, которые рассказывали за час-полтора сольного выступления в поездке. Но у меня было всего-то минут на пятнадцать материала, весь смысл был в небольших разговорных фрагментах — и это идеально подходило для реалити-шоу. Я умела думать на ходу, а они нет.

В последнем задании определялись пятеро победителей, которые должны были вместе отправиться в тур по стране — отлично для любой карьеры, тем более для моей. Нам всем объяснили, что задание будет состоять в том, чтобы рассмешить моделей. Мы будем ходить из комнаты в комнату, по одному, и рассказывать по паре шуток. Помню, я спросила: «А вы не пытались добиться, чтобы вас любили только за ваш ум?» Они засмеялись. Прозвенел звонок, означавший, что мне нужно перейти в следующую комнату. В следующей комнате сидел клоун. Там не было никаких моделей, которых надо смешить. Продюсеры нас, конечно, накололи: в следующих комнатах сидели армейский сержант, трансвестит и монахиня. Я рассказала монахине шутку про Иисуса и дурные вести, и она засмеялась! Я выложилась, как могла, но считала, что меня отправят домой.

В каждой комнате проголосовали за лучшего комика, и когда нас всех построили, чтобы объявить результаты, я обалдела, узнав, что выиграла. Спасибо клоуну, монахине, моделям и трансвеститу: меня взяли в турне! Секунд десять меня штырило, пока один из комиков, который тоже вошел в пятерку, наклонился ко мне и сказал: «Ты этого не заслуживаешь». Я убежала в туалет и стала там плакать, потому что я этому мужику тогда поверила. И психанула. Подумала, что и в самом деле была не самой смешной — просто продюсеры подтасовали результаты, чтобы я осталась в шоу, потому что я была молодой женщиной-комиком, а это хорошо для рейтинга. Меня хотели поснимать, когда я плакала, но я не вышла из кабинки. Я отказалась быть девочкой из реалити-шоу, которая хнычет и выставляет себя жертвой. Я хотела быть сильной. Потом, уже смотря этот эпизод по телевизору, я поняла, что без вопросов была лучшей. Одна из продюсеров, Пейдж Гурвиц, сказала: «Эми, даже близко никого не было. Ты победила». Не хочу ничего плохого говорить про комика, который мне сказал, что я этого не заслуживаю, но — в жопу его, да?!

Закончилось все тем, что я выбыла в следующем эпизоде, заняв четвертое место по итогам поездки по стране в огромном — как у рок-звезд — гастрольном автобусе в компании четырех мужчин за сорок. Мы выступали в сорока двух театрах перед

толпами от двух до четырех тысяч человек — в таких местах я раньше в жизни не выступала. Почти каждый вечер я проваливалась. Сорок два города, причем ела я, по-моему, где-то в сорока. Я не была к такому готова; я еще не привыкла ездить с гастролями. Можно притворяться семь минут, — даже пятнадцать, если ты достаточно харизматичен, — но когда выходишь почти на полчаса, все увидят, из какого ты теста, а у меня в этом смысле было за плечами меньше трех лет. У меня не хватало ни материала, ни уверенности в собственных шутках — впрочем, откуда бы ей взяться, уверенности-то… Но дело было не только в этом. У меня не было опыта, чтобы выйти с этим к людям.

Я плакала на своей койке в автобусе. Один из комиков сказал, что считал меня талантливой, но я даже в стендапе ничего не добьюсь. Это было больно. Оглядываясь, я ясно понимаю, как опытные комики становятся такими злыми. Работа суровая, и часто все получается не так, как ты думаешь. Но злость и зависть, которую комик может испытывать к чужому успеху, — это пустая и очень токсичная трата времени. Я хотела бы вернуться в те дни, зная то, что я знаю сейчас, и сказать тому комику: «Займись своим делом, своими собственными целями. Никто не занял твое место. Места хватит на всех».

В общем, автобус и жизнь по гостиницам в том туре дались мне нелегко. Я была одинока, дела у меня шли неважно. Как-то вечером после шоу я вошла в лифт и маленькая старушка спросила меня: «Какой вам?» — а я не знала. Я заплакала, потому что не смогла вспомнить, где я. К этому грустному моменту с пониманием отнесется большинство комиков, ездящих по гастролям, — и, думаю, музыканты тоже. Я понятия не имела, как часто со мной такое будет случаться в дальнейшем. Постоянно.

Но хоть было и тяжело, это самое турне стало моей личной учебкой для новобранцев. Я набрала столько часов провалов и потения на сцене, что молекулы моего тела изменились навсегда. Стендап перенастраивает твои датчики страха. От него у тебя утолщается кожа, а это всегда пригодится. Когда отработаешь столько часов под прожекторами, пока толпа следит за каждым твоим выражением лица, ловит каждую интонацию, впитывает каждое слово, просто чтобы откликнуться (или освистать)… Если проходишь это снова и снова, становишься только сильнее. Думаю, чтобы добиться чего-нибудь в какой угодно области, нужно сначала много раз провалиться. И совершенно не бояться провала — а то никогда не выйдешь на следующий уровень. Я в том туре так долго позорилась перед толпами народа, что мне стало все равно. Я перестала что-то чувствовать, когда толпе не

нравятся мои шутки. Лишилась защитного панциря, который стольким из нас не дает продвинуться вперед — и просто рванула. И это, в свою очередь, позволило мне взять толпу. Если ты сроднился со своими шутками, отвечаешь за них — все, можешь расслабиться. А вот от твоей робости зритель и скисает. Видит твой страх и не может смеяться. Людям хочется веселиться, а не волноваться, что ты сделаешь дальше. Если им приходится за тебя бояться или переживать, то у них все разваливается, и они выпадают из происходящего. Это как пукнуть во время секса: нет, можно, конечно, продолжать, совершать телодвижения, но что-то ушло. Я однажды это выяснила и перестала искать одобрения публики — пусть развлекается, отдыхает и получает удовольствие.

После тура я начала давать сольные концерты — где-то год этим занималась. Опыт сольников — то, что нужно для успеха в реалити-шоу. А потом вернулась в специальные гости, это что-то среднее между ведущим концерта и артистом на сольнике. Я несколько лет гоняла по турам с Джимом Нортоном и Дейвом Аттеллом, эти двое — мои самые любимые комики навсегда. И нет, ни один из них ничего со мной даже не попытался замутить. Я должна была бы оскорбиться, но я себя оскорбленной не чувствую. Это высшая форма комплимента — когда кто-то берет тебя с собой в тур. Он тебе как бы говорит: «Ты смешная, а еще я смогу с тобой общаться и ездить». С Джимми и его телохранителем, Клаб-Содой Кенни, ездить было просто чума. Смысл жизни они видели в том, чтобы ставить меня в неловкое положение. Окликнут громко по имени через весь магазин или вестибюль отеля — и на нас все начинают пялиться. А эти двое всегда были в курсе, что я такое ненавижу, если я не на сцене. Им нравилось вгонять меня в краску, а на гастролях с ними я краснела куда чаще. На сцене я вся такая нахальная и крикливая, но в жизни не люблю привлекать внимание, а эти ребята пользовались любой возможностью, чтобы не дать мне слиться с толпой.

В 2012 году я вернулась к сольным выступлениям в маленьких — меньше двухсот зрителей — клубах. Мне платили около двух тысяч за семь концертов. Выходные проходили примерно так:

• Приезжаешь в четверг, чтобы дать концерт в восемь вечера.

• Тебя забирают из гостиницы в пять тридцать утра в пятницу, на утреннюю программу на радио. Кто-то из крутящихся при клубе (иногда нарик) возит тебя с одной радиостанции на другую. Иногда надо что-то сказать на камеру для местных

теленовостей. Если повезет, то их будет по паре — теликов, станций. Но есть клубы, которые тебя в задницу отымеют, чтобы ты побывал у всех, кто есть. Говорят, чтобы продать побольше билетов; на самом же деле это просто реклама для их поганых заведений.

• Возвращаешься в гостиницу к одиннадцати утра (в лучшем случае, если хватит сил отказаться от завтрака с водителем-наркошей или жадным до внимания владельцем клуба, который увяжется за тобой на радио).

• Перехватываешь яблочка и арахисового масла в унылом круглосуточном буфете в вестибюле отеля, потому что пропустил завтрак.

• Отчаянно пытаешься еще поспать, но это невозможно, потому что гостиница у тебя в жутком опасном районе, чтобы владелец клуба сэкономил 75 долларов.

• Идешь в убогий гостиничный спортзал. Хлорка из соседнего бассейна ест глаза.

• Идешь в забегаловку, где пытаешься съесть что-то здоровое, хотя в большей части страны об овощах никто не слышал. Так что получаешь курицу гриль, а иногда к ней подают чесночный хлеб и мороженое — и понимаешь, почему американцы мрут.

• Возвращаешься в номер и чувствуешь острейшее одиночество.

• Пишешь эсэмэску бывшему.

• Немножко смотришь какой-то телефильм про женщину, убившую мужа.

• Принимаешь душ и готовишься к двум вечерним выступлениям в пятницу. И да, я понимаю — вы заметили, что я не приняла душ сразу после спортзала, а дождалась вечера. Давайте так: вы отвечаете за себя, а я за себя.

• Выступаешь дважды, иногда трижды.

• Просыпаешься в субботу утром и по большей части повторяешь то, что делал в пятницу, включая тренировку в убогом зале. И надеешься, что вот это красное и зудящее у тебя на коленке — раздражение после зала, а не от клопов.

• Иногда в субботу днем, чтобы занять себя, идешь смотреть какую-нибудь местную достопримечательность. Какая уж есть: музей, место, где застрелили какую-нибудь знаменитость, или, может, форт.

• Ешь то, что здесь принято, потому что так надо. Если дело происходит в Филадельфии, то заказываешь сырный стейк; если в Бруклине — чизкейк. В Цинциннати — чили в «Скайлайн Чили». В Талсе, Оклахома, нет ничего общеизвестного, но кто-нибудь может сказать: «Попробуйте наш гамбургер с жареной

свининой», — или еще какую-нибудь внезапную фигню. И надо есть. Прояви уважение, твою мать, а потом пошли им в Twitter фотку себя на толчке в качестве благодарности.

• Готовишься к выступлениям в субботу вечером.

• Выступаешь дважды, иногда трижды.

• Ты девочка, поэтому никого не снимаешь после концерта. Может, выпьешь с персоналом, а может, сразу вернешься в гостиницу и закажешь в номер, если там еще принимают заказы. Но обычно в тех гостиницах, где ты останавливаешься, вообще нет обслуживания в номерах.

• Лежишь в постели без сна, жалея, что курила траву — потому что из-за этого начинаешь думать о том, чем зарабатываешь на жизнь. «Я что, клоун? Что я делаю? Я рассказываю шутки чужим людям, пока они жрут начос». От этого у тебя едет крыша, и ты клянешься больше не курить траву в одного на гастролях.

• Владелец клуба платит тебе после последнего выступления. Кажется, что он целую вечность считает, сколько тебе полагается от выручки (так и есть), и ведет он себя так, словно делает тебе одолжение. Тебе сообщают, что на премию в сто долларов ты не набрала — хотя ты видела, что все места были заняты, до последнего. Иногда тебе вручают счет, и ты понимаешь, что считала еду и выпивку бесплатной, а тебе скостили только четверть от обычной цены.

• Летишь домой рано утром в понедельник, и тебе хорошо — потому что за выходные ты придумала еще пятнадцать секунд выступления.

В поездках бывает тяжело, но только так можно стать стендап-комиком. Чтобы чего-то добиться, надо проводить на сцене столько времени, сколько может выдержать человек. Нет, конечно, можно научиться срывать аплодисменты и на коротких выступлениях. Может, даже получится пятнадцать отличных минут. Или, может, у вас хорошо пойдет с отсылками к местному материалу, и вас ждет успех в родном городе. Но надо ездить в турне и выступать во всех возможных вариантах: для тридцати пьяных мужиков на «харлеях» в клубе ветеранов; на завтраке дамского общества в Карлайле; на рождественской вечеринке у пожарных; на пароме, который ходит вокруг Манхэттена, и на фестивале комедии на Статен-Айленде. Надо все это попробовать, иначе вы выйдете на плато и никуда не двинетесь — что тоже прекрасно, если именно этого вам и хочется.

Все бы сделала, чтобы оставаться на сцене. Хотя — погодите,

сформулирую по-другому: я никогда ни с кем не спала, чтобы продвинуться в карьере. Если на то пошло, некоторые из тех, с кем я встречалась, мне только мешали. Как-то раз моя сестра подслушала, как один вышибала, которого я знала с тех пор, как начала заниматься стендапом, сказал: «У Эми столько работы теперь. Интересно, как она ее получила…» И изобразил, как будто ему в рот суют член. Наверное, я должна от такого звереть, но правда совсем иная. Я никогда ничего не получала от тех, с кем спала, даже подарочной карточки в Старбакс — а это было бы неплохо.

Как-то я неделю провела дома, в Нью-Йорке, между гастролями, и начала выступать в «Камеди Селлар». Это клуб, который вы видели в сериале «Луи» и в куче документалок про комиков. Меня туда «занесли» в 2007-м, это означало, что я была приглашена на прослушивание к организатору. Не знаю, откуда взялся этот термин, но только в мире комедии станут использовать такой мрачный глагол для обозначения лучшего, что может с тобой случиться в профессиональном плане. В общем, если ты нравишься организатору, он просит у тебя список дат, когда ты сможешь выступить. Если ты не нравишься, тебе говорят: нет, спасибо. Я прослушивалась в свой день рождения, и Эсти, которая там работает организатором целую вечность, дала мне номер телефона, чтобы я «заявилась с датами». Я чуть с ума не сошла от волнения. Помню, как в тот вечер отмечала и так напилась, что меня носил на закорках вышибала из бара, и я почти весь вечер провела, катаясь взад-вперед, со смехом и песнями.

Над «Камеди Селлар» есть ресторан, называется «Олив Три Кафе». Там в глубине есть диванчики, зарезервированные для комиков. Не один год я сомневалась, можно ли мне там сидеть. А уж если садилась — то помалкивала. В конце концов, со временем я понемногу освоилась, и теперь нигде в мире у меня нет такого чувства, что я дома, как за столом с лучшими друзьями. Полное счастье, когда рядом со мной Джимми Нортон, Кит Робинсон, Колин Куинн, Рэйчел Фейнстин и Бобби Келли. А иногда нам удается залучить на посиделки и Бриджет Эверетт. Мы шутим друг над другом, едим крылышки и ржем. Когда кто-нибудь умирает или попадает в беду, мы плачем, а потом снова смеемся. Выступая со стендапом, общаясь с комиками, я — дома. Да, очень здорово было, когда у меня появилась своя программа на телевидении. И писать здорово. И в кино сниматься. Но подниматься на сцену, чтобы выступить вживую, — вот к этому я всегда буду стремиться сильнее, чем к чему-то еще.

В итоге туры привели меня в качестве специального гостя на

телевидение. Я была с получасовым выступлением в «Камеди Сентрал» в 2010-м, а потом с часовым («В основном про секс») в 2012 году. Все это время я не прекращала ездить: я все время в дороге, все время пишу новые шутки. Только так можно стать лучше. На меня стали продавать больше билетов в клубы, потом в небольшие театры, а потом в большие, куда помещается около девятисот зрителей, как на полуфиналах в «Последнем выстоявшем комике».

Навыки, развитые стендапом, мне пригодились — и когда я писала сценарий, и когда играла главную героиню, списанную с себя. Из-за того, что я столько лет простояла на сцене, на глазах у всех, растаптывая себя каждый вечер, у меня не частит сердце, когда тролли в сети пытаются испортить мне день — через день. Чем я до сих пор горжусь, среди прочего, так это часовым выступлением для HBO (Эми Шумер: Живой концерт в «Аполлоне») и тем, что режиссером у меня был Крис Рок. Мне бы никогда не удалось с ним поработать, если бы я не набралась смелости попросить. Мы знакомы много лет, виделись в «Камеди Селлар», но я и не думала к нему лезть — он же Крис Рок. Как-то раз мы разговорились после того, как оба выступали на «Слишком звездном вечере» — благотворительном концерте в пользу людей с аутизмом. Я хорошо выступила, и Крис подошел ко мне в актерском фойе — сказал, что готов помочь, если мне вдруг понадобится. Звучит не слишком приятно, но все в порядке. Он сказал именно то, что хотел. Когда болеешь комедией и видишь кого-то не бездарного, который относится к ремеслу с уважением, хочешь помочь. Это у Криса в крови. И у меня. Через какое-то время я поймала его на слове, да он и не уворачивался. Он стал ездить со мной, ходить в клубы, смотреть выступления, делать замечания и помогать мне совершенствоваться.

Однажды я набралась наглости и написала ему: «Будешь режиссером моего выступления на HBO?» И опять же, такой уверенности можно достичь, только если годами выставляешься клоуном на сцене и тебя освистывают. Когда Крис сказал «да», я не поверила. Он поехал со мной в тур и улучшил выступление в тысячу раз. Работать с ним над шутками было все равно что попасть в программу фонда Make-A-Wish. Ну да, это не самое доброе сравнение. Но я не могу придумать ничего, что точнее отражало бы, насколько важно было для меня то время.

Одно из величайших событий в моей карьере — день, когда я вела «В субботу вечером». Уверена, куча стендап-комиков мечтает о том, чтобы прочитать открывающий шоу монолог. Я-то точно мечтала с самого детства. На то, чтобы все написать, отрепетировать и выступить, у тебя неделя. И все. Одна

нереальная, битком набитая неделя, чтобы осуществить мечту. Неделя, чтобы носиться по коридорам в историческом здании, где толпится народ. За всю карьеру со мной не случалось ничего более волнующего. Но не стану врать, эти семь дней меня вымотали — в, можно сказать, спортивном смысле. Почти не спишь, постоянно ешь (ну, вот я — ела), всю неделю только пишешь, переписываешь, репетируешь, примеряешь парики, меряешь костюмы, снимаешь промо, позируешь для фотографий, переписываешь, думаешь, не сходить ли в душ, решаешь вместо этого поспать, устраиваешь читку, репетируешь — и все заново. А вечером, когда выходит шоу, ты в буквальном смысле бегаешь или мечешься целых полтора часа. Стендап — это живое представление, но «ВСВ» — это живое представление на метамфетамине.

К ночи субботы я была живым трындецом, но я никогда не была счастливее. Моя любимая сцена — та, что написали Ванесса Байер и Мик Дэй, про двух слишком жизнерадостных стюардесс (их играли мы с Ванессой), которые поют все объявления в самолете, а потом их внезапно высасывает за борт — одну за другой. Прямой эфир не позволяет привлекать дублеров, так что нам с Ванессой пришлось бросаться из двери самолета, чтобы сцена получилась. Я в душе клоун, и опыт соревнований по волейболу не прошел даром, так что у меня проблем не было. А вот Ванесса забоялась. Мне страшно хотелось начать шоу этим скетчем, так что я сгребла ее за плечи и сказала: «Ванесс! Придется нам пострадать, поняла?»

После нескольких репетиций мы обе исполняли трюк довольно уверенно. Но потом, в пятницу, монтировщики поставили самолет на подиум, из-за чего проем двери, в которую мы прыгали, опустился на целых двадцать сантиметров. Да ну, ерунда, подумала я с идиотской уверенностью. Ванесса первой поднялась, чтобы попробовать прыгнуть из новой двери, и у нее все получилось идеально. А потом, когда настала моя очередь, я приложилась головой точно в дверь. Все ахнули, когда я рухнула на маты и лежала, не шевелясь. Первая моя мысль: «Придется работать с пластырем по всему лицу и шишкой на лбу». А вторая: «Так, а ну-ка, пройдем эту херню еще раз. Надо все отработать!» К этой стадии своей карьеры я уже вполне профессионально падала рожей вниз и вставала, становясь сильнее. Мне приложили к лицу лед, дали обезболивающее, и мы отрепетировали сцену еще раз десять. Каждый раз, вылетая из двери, я падала на маты все тяжелее. Но оно того стоило. Плечо у меня потом болело несколько месяцев, но эту сцену я люблю больше всех скетчей, отснятых на камеру.

Постояв на одной из самых прославленных сцен и проведя лучший вечер, какой только может представить себе комик — перед живой аудиторией в несколько миллионов, — я проснулась на следующее утро, в полной готовности снова выехать в тур. Мое выступление в «Субботнем вечере» и специальное выступление на HBO показали с разницей в неделю, так что снова вернуться к турне было важно, как никогда. За эти два концерта я сожгла все свои шутки — в том смысле, что они прошли на огромную аудиторию ТВ, так что больше их использовать было нельзя: люди их знали. Комики отличаются от музыкантов тем, что от них всегда ждут новенького. Никто не хочет слушать величайшие хиты, так что я вернулась на исходную позицию. Требования в комедии — изматывающие и сложные, но я ничего другого не хочу. Когда приходится начинать все заново, это и вдохновляет, и учит смирению — а отдача идет еще лучше. Чувствуешь себя таким молодцом, когда наберешь достаточно материала — по шутке за раз — на целое выступление. А когда снова оказываешься на нуле — неважно, кто ты; просто начинаешь, твою мать, заново. Это самое страшное ощущение в мире — когда ты пустой. Даже величайшие, даже самые закаленные комики боятся, что больше никогда не напишут удачную шутку. Но просто берешь и работаешь.

А это значит, что надо отправляться в дорогу и выходить на сцену. Я знаю, что повторяюсь, но это мой первый совет комикам, которые только начинают и спрашивают меня, как добиться успеха. Идите на сцену! Если у вас в городе нет клуба комедии, сделайте! Найдите место, где есть сцена и микрофон, и встаньте перед как можно большим числом людей. Забронируйте столько часов, сколько сможете. Я так и сейчас делаю. Не вру: платят мне прилично, но даже в выходной я иду на сцену в дрянных зальчиках, рок-клубах, джазовых залах, где угодно. Постоянно работайте, чтобы стать лучше. Я давно этим заболела, и с годами оно не притупилось.

Как бы тяжело вы ни трудились, в какой бы форме себя ни держали, ваша популярность и продажи билетов будут то расти, то сходить на нет. Но я с огромной гордостью могу сказать, что сейчас, в 2016-м, когда я это пишу, я выступаю со стендапом на стадионах, где помещается от десяти до пятнадцати тысяч человек. Я рассказываю шутки там, где играют матчи НБА и НХЛ. На меня полностью распродали Мэдисон-сквер-гарден! (Не верится, что я это только что напечатала.) Эти концерты на стадионах для меня всегда открывает один и тот же комик, Марк Норман, с которым я проработала уже семь лет. Мой брат Джейсон тоже открывает концерт со своим джазовым трио, в

дороге я общаюсь с его женой Кейси, одной из своих лучших подруг, которая помогла мне отредактировать эту книгу. Их дочь, моя племянница, тусуется с нами за сценой. Иногда приходят и моя сестра Ким, и ее муж, Винни. Я останавливаюсь в хороших гостиницах, у меня свой автобус для турне, или я летаю первым классом, а иногда на частном самолете. По-моему, мне невероятно повезло, но я понимаю, что нельзя слишком расслабляться или думать, что так будет всегда. Однако сейчас я наслаждаюсь каждой минутой. Так круто выходить на сцену, когда Марк меня объявляет, обнимать его, смотреть на людей и отдавать им все, что у меня есть. Каждый вечер перед выходом на сцену я клянусь, что сегодня отработаю самое лучшее шоу в жизни. Я по-прежнему проваливаюсь и по-прежнему срываю аплодисменты. В любом случае зритель даст тебе понять, что к чему. Есть в этом и мазохизм, и благородство. И я не хочу останавливаться, никогда.

Когда мужчине можно не добиваться, чтобы женщина кончила во время секса

1. Если она проститутка и следующий уже ждет, но даже в этом случае лучше спросить у нее.

2. Если она торопится и орет, что у нее нет на это времени.

3. Если вы в самолете или где-то на людях. Если вам не прилетит за секс на людях, вставьте и выньте. Но не забудьте позаботиться о ней, когда доберетесь домой.

4. Если вы поняли, что в комнату сейчас зайдут ваши дети или родители. Но опять же, позаботьтесь о ней потом.

5. Если у нее свело мышцу или если она захотела есть.

Примечание: Можно не добиваться, чтобы женщина кончила во время секса, если она у вас кончила до него. Я, например, вообще-то не могу кончить по-настоящему при пенетрации. Так что надеюсь, вам будет приятно навестить мой клитор до основного мероприятия!

Худшая ночь в моей жизни

Вот и настало время рассказать вам про Дэна, которого я уже упоминала в этой книжке. Я долго думала, что он — любовь моей жизни, но позволяла ему себя обижать так, что до сих пор не понимаю, как это вышло. Мы познакомились, когда мне было восемнадцать, и я на него сразу запала. Он мог просто так раздеться и бегать, и ему не было стыдно. У нас было много общего, особенно в том, что касается бесстыдства голышом. По-моему, нагота может быть и прекрасной, и смешной, поэтому при первой возможности я изображаю у себя в шоу поросёнка Порки — то есть, короче говоря, если сцена позволяет, я отжигаю в длинной рубашке без штанов и без белья. Как бы то ни было, Дэна отношения со мной не привлекали, и я делала вид, что меня они тоже не интересуют.

Дэн меня завораживал. Он вырос на Манхэттене, в потрясающем лофте. Когда ему стукнуло тринадцать, его отослали в школу-интернат. Он был плохим мальчиком — во многих смыслах, включая сексуальный. Дети в Нью-Йорке вообще-то не пьют до совершеннолетия, в отличие от лонг-айлендских. Вместо этого они принимают наркотики и трахаются друг с другом, чтобы почувствовать себя взрослыми. Он шпилил любую, лишь бы не сходила с места достаточно долго, чтобы он кончил. Или, по крайней мере, так он мне рассказывал. Плохим мальчиком он был или хорошим — неважно. Я чувствовала, что его не понимают и что я — единственная, кто его может по-настоящему полюбить. На это, как вы уже знаете, я и велась с двадцати до тридцати.

В первый раз я с ним переспала в нью-йоркской квартире его матери. Офигенная была квартира: огромная, с высокими потолками, безупречно обставленная. И в Дэне, и в его доме было столько того, что мне казалось крутым. Круто было, что вечером он спустился мне открыть босиком и в нижнем белье. Босиком на тротуаре на Манхэттене. Круто было, что в комнате у него висел плакат Декстера Гордона. И круто было, что он разбирался в искусстве. Его родители дружили со знаменитостями, с культурной элитой. Меня от этого штырило. То, как меня растили в пригороде, мне сразу стало не нужно. Меня сразил наповал он сам и та жизнь, которой от него веяло. Я знала, что нам суждено быть вместе, но он не был уверен, что я — та девушка, которая ему нужна. Может, дело было в том, что единственный плакат у меня в комнате был плакатом Ани Дифранко, а если бы меня спросили, кто в друзьях у моей семьи, то я бы сказала: «Маппеты».

Или дело было просто в том, что Дэн был из этих, не-пойду-туда-куда-зовут. Но я играла вдолгую и завоевывала его неспеша. Я даже отвезла его через всю страну, когда он перебрался на Западное побережье. Нам было по двадцать, мы ехали на взятой напрокат тачке, и когда добрались до Вегаса, он был моим. Я почувствовала, как в нем что-то поменялось — и как я его догнала. Мой взгляд ему четко говорил: чувак. ты. мой.

Мы были вместе, у нас кончались деньги, но он все равно решил купить в аутлете темные очки от Gucci. Красный флаг? Я предпочла не замечать такого рода выходки. Думала, раз у него богатые родители, он тоже богатый. Тут была загадка, которую я окончательно разгадала только год спустя, когда жила с ним, и мне приходилось крутить педали, работая велорикшей, чтобы заработать денег на продукты: он все спускал на алкоголь.

И да, когда мы были еще в Вегасе, он наорал на меня во всю глотку и так меня тряхнул, что мне пришлось убежать и спрятаться, пока он не остынет. Тогда я в первый раз увидела его другую сторону. До тех пор я его даже огорченным не помнила. И как я вознаградила его за такое поведение?

Через год я к нему переехала. Мы прожили вместе одно лето на Западном побережье, до моего двадцать первого дня рождения. У нас была квартира на холме, совсем близко к пляжу. Я каждый день рано вставала, проводила занятие по кикбоксингу в Молодежной ассоциации, потом шла играть в пляжный волейбол за второй состав женской лиги, потом встречалась с ним, пила, ругалась и трахалась. Чего еще можно желать, если тебе нужны отношения, как у Пенелопы Круз с Хавьером Бардемом в «Вики, Кристина, Барселона». А если вы не видели этот фильм, то я была за Уитни при Дэне — Бобби. (Быстренько выкрикну: я так любила Уитни, что до сих пор не могу поверить, что ее больше нет.)

Как бы то ни было, мы с Дэном ходили с друзьями в счастливые часы в бары, напивались, а потом он злился на меня и немножко меня пихал. Иногда, когда он меня пихал, я обо что-нибудь спотыкалась, падала и ушибалась. Но все это, разумеется, было случайно. Я в тот год очень часто случайно ушибалась. Он ревновал из-за чего-нибудь и так сжимал мне руку, что оставался жуткий синяк. Но это, конечно, было случайно, и он потом так из-за этого переживал. Я его утешала, и мы жили дальше, пока оно опять не случалось. Но ведь все это не выглядит так, словно у меня были отношения с абьюзером, да? Я ведь не была покорной. Я могла за себя постоять, никогда не лезла за словом в карман. Я же задирала задир в школе, защищала тех, над кем издевались. Я всегда гордилась тем, что я сильная, уверенная в себе и независимая. Со мной же не могло такое случиться, да?

Дэн постоянно говорил мне такое, чего я никому не позволяла в свою сторону — всякие обидные вещи, сообщал мне, что я не такая красивая, как другие женщины, с которыми он встречался. Показывал места на моих ногах, руках и животе, над которыми, по его мнению, надо было поработать. Отодвигал занавеску в душе и смеялся над моим голым телом. Как-то раз даже пописал мне на ноги, со смехом. Я плакала, уходила погулять, а потом мы начинали заново. Но слушайте, я же была умной, смешной, я всегда открыто говорила все, что думаю. Это ведь не были отношения с абьюзером, так? Такое случается только с девочками, которые в себя не верят. Правда?

Становилось все хуже и хуже, я начала убегать из квартиры при первой возможности. Шла в «Старбакс», запиралась в туалете, садилась на пол и плакала. Я знала, что нужно вернуться на Восточное побережье, но думала, что никто меня никогда не полюбит так, как любил Дэн. Я верила, что он так же сходит по мне с ума, как я по нему, и что, если я постараюсь его не бесить, у нас все будет хорошо. И я его правда любила. Думаю, в какой-то момент наших отношений я стала принимать его злость и агрессию за страсть и любовь. Я всерьез начала считать, что вот так и должна выглядеть настоящая любовь. Чем больше вы друг на друга орете, тем сильнее любите. Чем больше рукоприкладства и унижений, тем больше вы на самом деле *пробиваетесь* друг к другу. И чем больше я хочу быть с ним, тем лучше он поймет, что я его на самом деле люблю и что нам нужно быть вместе. И он всегда так переживал из-за того, что сделал, после того, как орал на меня или ставил мне синяки. Он ведь точно не изводился бы так, если бы настолько сильно меня не любил. Если потом человек переживает и клянется любить тебя до конца своих дней, — это же не абьюз, правда? Ведь правда?

Неправда. Теперь, когда я знаю все, что знаю, — это ясно как день. Абьюз, и никаких сомнений. И да: страх, побои и абьюз — это не только для закомплексованных женщин, которых легко запугать, или женщин из неблагополучной среды, или тех, у кого нет положительного образа мужчины. На TED, из лекции Лесли Морган Штайнер о домашнем насилии (дальше в основном цитаты из нее) я узнала, что страдают женщины с любым уровнем дохода и образования. А еще я узнала, что была типичной жертвой домашнего насилия из-за своего возраста. В Соединенных Штатах женщины от шестнадцати до двадцати четырех лет в три раза чаще подвергаются домашнему насилию, чем женщины любого другого возраста. И каждый год в Соединенных Штатах погибают от рук домашних насильников пятьсот женщин, попадающих в эти возрастные рамки. Домашний

насильник — это не обязательно тот, с кем вы живете. Это любой, с кем у вас близкие отношения. Я вписалась в статистику.

С Дэном все усложняло то, что нам обычно было очень здорово вместе. Нас так перло. Он по мне с ума сходил, так что меня просто уносило. Секс у нас был по несколько раз в день. Я думала, это потому, что я его так завожу, но теперь считаю, что так он просто безраздельно завладевал моим вниманием. Мы смеялись до слез, трахались, клялись друг другу в вечной любви, а через секунду поднимался крик, и он на меня орал и слишком крепко меня хватал.

Как-то влажным летним вечером мы пошли с друзьями в новый бар. Нарядились соответственно — нам так хотелось попасть в новое крутое место. Я люблю танцевать — всегда любила и всегда буду. Хорошо ли я танцую? Неа! Но меня это никогда не останавливало. Я вытаскивала подругу на танцпол, и мы зажигали. Дэн иногда танцевал, но в тот вечер, наверное, из-за того, что я весь день говорила, как мне не терпится, он решил немножко меня обломать. Я танцую, как все белые девушки — с сексуальным подтекстом, как бы говоря: «Вот что будет, если на меня влезть». Совершенно недобросовестная реклама. К тому же у меня получается не очень, и за мою жизнь мне об этом говорили некоторые черные — прямо в лицо.

В общем, мы с подружкой кружились и выгибались на танцполе, и тут откуда ни возьмись появился Дэн и сгреб меня за руку. Ему не понравилось, как на меня смотрели парни у бара, он подумал, что я с ними заигрываю. Я ушла с танцпола, мы пили, еще пили, целовались на диванах, а потом заиграла Mary J. Blige «*Real Love*» — и, знаете ли, я просто должна была под нее потанцевать. Закон такой: все женщины превращаются в Маньчжурских Кандидатов, когда включают эту песню.

На танцполе ко мне подошел парень — головой ручаюсь, он был геем. Мы подпевали и танцевали вместе. Хихикали, вроде как, терлись друг о друга, но на самом деле даже не прикасались. Все было совершенно невинно. По дороге в туалет Дэн, проходя мимо меня по танцполу, шепнул мне на ухо: «На тебя смотреть противно». Я обозлилась. Подумала: ну, я тебе покажу противное — и начала очень сексуально танцевать с другим парнем. Дэн вышел из туалета и опять потащил меня на диван. И вот тут я сделала то, чего никогда не делала раньше и никогда, ни за что не сделаю снова: я плюнула ему в лицо. Не знаю, то ли я решила, что я — героиня «Вестсайдской истории», то ли у меня от выпивки яйца отросли, но я это сделала. И этот жест одновременно разбудил в Дэне зверя и врубил во мне страх. Глаза у Дэна стали такие, что я испугалась до смерти и побежала. Я

выбежала из бара и помчалась прочь.

Я бежала к дому наших друзей на той же улице, но Дэн меня догнал. Я пыталась его успокоить, сказала, что, наверное, лучше нам провести ночь врозь, чтобы остыть. Это было по уму, он был парень умный, так что я была уверена, он согласится — ну, может, обзовет меня сукой, а потом, разозлившись, свалит. Так? Нет, по уму не получилось. Вместо этого, когда я достала телефон, чтобы позвонить подруге, Дэн у меня его выхватил и швырнул в ближайшее дерево, о которое тот разбился. Потом схватил меня за щеки и стиснул. В голове у меня стучало. Я видела, что этот вечер не похож на другие. Я была в опасности. И я это понимала.

Я сказала, что собираюсь к подруге, и попросила оставить меня в покое. Он не оставил. Он пошел за мной. Сердце у меня колотилось, когда я слышала у себя за спиной на тихой улочке его шаги. Я шла и шла, а потом в какую-то секунду не услышала его шагов. Но когда я поняла, что он прямо у меня за спиной, было уже поздно. Я попыталась ускорить шаг, и это его выбесило — он толкнул меня на капот припаркованной рядом машины. Я сильно ударилась головой и локтем. Раньше он такого себе не позволял. Он по-настоящему сорвался. На этот раз я ушиблась не «случайно». Дэн увидел, что рядом стоит машина, и нарочно меня на нее толкнул. Я расплакалась, сбросила туфли и побежала по улице со всех ног, слушая свое дыхание, пытаясь унять сердцебиение, как учил тренер по волейболу. Думаю, Дэн сам от себя такого не ожидал.

Я услышала голоса из ближайшего двора и вбежала в открытую дверь случайного дома — всхлипывая, босиком, с размазанной косметикой и со следом удара на голове, который уже превращался в синяк. Я ввалилась в гостиную — а там человек восемь здоровенных латинских бандитов, как из «Во все тяжкие». В банданах, в татухах — серьезные ребята, и я им там явно была не нужна. Я упросила их дать мне позвонить с их телефона подруге и пообещала, что сразу уйду. Они, ясное дело, взяли с меня слово, что я не позвоню в полицию.

Я слышала, как Дэн орет у входной двери, и в какой-то момент вдруг почувствовала, что с этой бандой мне намного безопаснее, чем с ним. Но я быстро поняла, что из-за меня они рисковали — их могли застукать за тем, чем они там были заняты. Кто-то из них вышел на улицу, чтобы попытаться прогнать Дэна, но он поднял шум всерьез и уперся. Я выбежала, чтобы его успокоить, а он ввязался в драку с одним из бандитов, и ему разбили губу и подбили глаз. Когда я увидела, как тот парень молотит Дэна кулаком, я тут же поменяла сторону и

принялась Дэна защищать. У жертв насилия часто так перекашивает логику и инстинкты. Так же получилось в ту ночь, когда я, старшеклассница, вдруг обнаружила, что Джефф угостился моей девственностью, и кончилось все тем, что я принялась его утешать из-за того, что он меня обидел, хотя должно бы было быть наоборот. Тут я защищала еще одного парня, который меня изо всех сил предавал. «Отстань от него!» — заорала я, бросившись к Дэну, которого крепко избивали. Бандиты вытолкали нас обоих со своего двора, опасаясь, что приедет полиция.

К машине мы шли молча. Дэн, казалось, успокоился. Он даже немножко посмеялся, рассуждая, какой безумный вышел вечер, и я тоже посмеялась. Я хотела его утешить. Хотела, чтобы он почувствовал, что я на его стороне. Мы сели в машину, я проехала пятнадцать минут до дома. От случившегося я начисто протрезвела. Я пыталась его не разозлить. Единственная моя цель. Когда мы добрались домой, он заговорил о том, чтобы заказать еды, — и я сообщила ему, очень сдержанно и мягко, что не собираюсь сегодня ночевать в нашей квартире.

И все началось заново. Зверь снова проснулся, прямо у меня на глазах, тот же зверь, которого я уже увидела в тот вечер, — но на этот раз он был гораздо злее. Дэн принялся биться головой об окно и орать. Он схватил меня за руку и ударил себя ею по лицу. Отломил боковое зеркало, а я плакала и кричала, упрашивая, умоляя его перестать. Я согласилась ночевать дома, если он прекратит причинять себе боль. Не надо было с ним так торговаться, потому что едва я согласилась остаться дома, начался настоящий кошмар.

Когда мы добрались до дома, я зашла и сразу легла в постель. Я вымоталась, мне просто хотелось, чтобы эта ночь кончилась. У меня ничего не осталось. Я умоляла Дэна оставить меня в покое, дать мне поспать. Но он мучил меня и мучил, сидел и таращился на меня. Тряс кровать, чтобы меня напугать, говорил: «Не хочу, чтобы ты засыпала». Я сказала, что мы поговорим утром, а сейчас мне правда надо отдохнуть. Сказала, что если он мне не даст поспать, то я уйду. Он пару минут вел себя тихо. Я закрыла глаза, а потом снова их открыла и увидела, что он склонился надо мной и смотрит. Я сказала, что с меня хватит, и встала, собираясь уйти. Он рванул в кухню, разбил о свою голову кружку, — кружку, не стакан, — потом принялся колотиться головой о светильник, прикрепленный к потолку. Тот не ломался. Я кричала, чтобы он перестал, и тут он выхватил из ящика здоровенный нож для мяса. Тут я поняла: он меня точно убьет. Может, это прозвучит как штамп, но у меня вся жизнь пронеслась перед глазами. Я

подумала: что, я вот так умру? — не верю. Подумала, как сестра и мама узнают, что я вот так вот выписалась. И от этой мысли зверь проснулся уже во мне. То был миг моего прозрения. Мне нужно было бежать. Быстро.

Я швырнула в стену стакан, чтобы отвлечь Дэна, и вылетела за дверь, побежала по нашему многоквартирному дому, колотя во все двери, умоляя, чтобы меня кто-нибудь пустил. Он гнался за мной, приближаясь с каждым поворотом, совсем как в «Американском психопате». Я постучала в пять дверей, и мне не открыли, а потом одна распахнулась, и я бросилась внутрь и заперла дверь за собой. Дэн тут же начал стучать в нее кулаком. Я подняла глаза на старика, который меня впустил, и сказала: «Спасибо вам огромное, мне нужно позвонить в полицию». Я пару месяцев встречала этого мужика во дворе — в основном когда он, шаркая, брел к мусорке либо обратно, и мы временами друг другу махали. У него были кустистые усы и брови — седеющие черные, соль с перцем, как и волосы. Он был похож на мультяшку. Второй раз за ночь я зашла в дом к чужим людям. Помню, я подумала про себя: «Ну, не будет же хуже, чем в штабе у латинских бандитов?»

Оказалось хуже. Я вдохнула — воздух в квартире был затхлым и отдавал канализацией. Я заметила, что жена старика, которую я раньше никогда не видела, лежит на больничной кровати у окна. Руки и ноги у нее были ампутированы, рот приоткрыт, голова заваливалась набок. Я так и не знаю, жива она была или нет, но думаю, жива. Жуткая и сбивающая с толку картина. Я ушла в ванную, полную мебели и грязи, заперлась изнутри с телефоном. Вызвала такси и стала ждать, когда оно приедет.

На улицу я вышла прямо к такси, ничего не чувствуя. Дэн так и стоял снаружи, но он тоже успокоился. Я могла бы вызвать полицию, и его бы забрали. Могла бы написать заявление. Но я не хотела. Мне было его жалко, он стоял такой одинокий. Я переживала, каково ему будет наутро. Даже после того, через что я из-за него прошла, я мысли не могла допустить, чтобы его арестовали. Но я наконец увидела, что со мной на самом деле происходило — домашнее насилие. Я наконец-то смогла понять, что чувствуют миллионы других женщин, с которыми случилось то же самое. Я была ими, а они были мной.

Я поехала на такси к знакомой паре. Они пустили меня переночевать на втором этаже, а парень лег спать возле входной двери с бейсбольной битой, за что я ему до сих пор благодарна. На следующий день я улетела обратно в Нью-Йорк, все еще переживая из-за того, как себя чувствует Дэн. Я знала, что ему наверняка погано, одиноко, что он весь изведется, — но я

выбрала жизнь. Я много думала о сестре и о том, как хочу, чтобы она мной гордилась. Я бы не смогла смотреть ей в глаза, если бы еще хоть день провела с мужчиной, который, как я была уверена, в итоге меня убьет.

В следующей главе этой истории, ужасной главе, — мне непросто об этом говорить, — мы опять сошлись во время отключения электричества в Нью-Йорке в 2003-м. (На той жаре я бы и с саламандрой могла трахаться.) Ненадолго, но одиночество в Нью-Йорке и мои чувства к Дэну отняли у меня силы. Думаю, я с ним воссоединилась, потому что все еще хотела быть рядом. И хотела наказать его за то, как он меня обижал. Я думала, что изнутри могу причинить ему больше боли. Я была его девушкой, что позволяло мне свободно его критиковать и объяснять, почему он хуже всех. Я этим не горжусь. Но часть меня хотела снова быть с ним, чтобы ему отомстить.

Мы окончательно расстались несколько месяцев спустя, попрощались как-то утром, когда я наконец смогла увидеть его таким, каким он был на самом деле. Я увидела, что он предъявляет миру своего рода фасад человека, за которым ничего нет. Плакат у него был, но ни одного альбома Декстера Гордона он бы не назвал. Он говорил, что любит меня, но на каждом шагу причинял мне боль и вредил. Потом я поняла, что он так меня унижал, потому что, наверное, страшно боялся, что я пойму, какое он ничтожество, и уйду от него. Это я и сделала.

Я рассказываю об этом, потому что я — баба с яйцами. Я не похожа на то, что себе представляет большинство, когда слышит «жертва насилия». Но это может случиться с кем угодно. Когда любишь человека, который причиняет тебе боль, ты оказываешься в особом аду, через который прошло так много женщин. Если с вами это происходит, помните, вы не одна такая, и вы ни от чего не защищены, если с вами это пока не произошло. Я нашла выход и больше не попаду в этот ад. Я спаслась. Спасайтесь и вы.

Что меня жутко бесит

1. Люди, которые бегают с горы. Вот вы когда-нибудь ходили в поход? И мимо вас ведь кто-нибудь проносился по склону вниз? Я потихоньку желаю им споткнуться и встретить свою — с моей точки зрения — своевременную смерть.

2. Девушки с распущенными волосами в спортзале. Если вы под ними не прячете жуткий ожог, как та девчонка из «Колдовства», — завяжите уже это все в хвост.

3. Парочки, которые ходят в зал вместе, — это отстой. Что, не можете час врозь провести? И еще когда парень показывает покорной девочке, как что делать, меня блевать тянет.

4. Те, кто себя в зале ведет, как будто их там мэром выбрали. Я там даже знакомым не улыбаюсь, потому что единственное, чего все время хочу, — это уйти. Если я с кем-то знакомым встречаюсь глазами и он тут же отводит взгляд, — я понимаю, что это отличный человек, и чувствую с ним глубокое родство.

5. Как можно понять, спортзал и все виды упражнений, связанных с первыми четырьмя пунктами этого списка.

6. Парни по имени Джим. Потому что похоже на «жим».

7. Те, кто ошибается в слове «жир», когда пишет мне, что я толстая («ты жырная»).

8. Те, кто встает слишком близко к тебе в очереди. Аааатвалинах. Мне все время хочется, чтобы все были на другом краю футбольного поля, но я понимаю, что это невозможно, — так что, пожалуйста, мне нужно всего пятнадцать сантиметров. А двадцать было бы вообще зашибись. (Шутки про член тут нет.)

9. Очевидные случаи невесты-по-почте, когда мужик мерзкий, а женщина красивая — и похоже, что она попала в ловушку. Молюсь, чтобы все эти женщины сумели украсть у мужиков деньги и с ними свалить.

10. Реклама по радио. Каждый ролик, всю мою жизнь.

11. Те, кто говорит: «Я ем, чтобы жить, а не живу, чтобы есть». Желаю им все десять казней египетских.

12. Парни, которые не добиваются, чтобы девушка кончала.

13. Крепко пьяные. Вы, может, думаете: Эми, засранка ты лицемерная. А вот нет. Я люблю выпивать, но почти никогда не напиваюсь в хлам. Не часто, с тех пор как закончила колледж. Даже когда я накидывалась по ватерлинию в колледже, никто не замечал. У меня просто немножко заплетался язык.

14. Ладно, вы правы; номер 13 с моей стороны был полной лажей. Я напиваюсь, бывает. Но все равно, вам не советую.

15. Водяной кресс.

16. Те, кто вот так вот смотрит в потолок, когда говорит. Если только на люстру над моей головой не сел голубь, — смотрите сюда.

17. А еще птицы в помещении. Птица в аэропорту или в торговом центре или еще где меня жутко бесит, я с ума схожу.

18. Избирательное возмущение.

19. Водители, которые втапливают, едва зажжется зеленый, и резко тормозят на красный. Я часто вру водителям убера — говорю, что беременная, чтобы вели аккуратнее. Они не знают, что я не беременна, да и я, в общем, сама этого не знаю. В принципе возможно же.

20. «Теория Большого взрыва». (Сериал, не теория.)

21. Те, кто осуждает меня за мои грехи. Идите в жопу.

22. Освежители воздуха в гостиницах. Там втыкают в розетки такие огромные устройства, и все комнаты пахнут одинаково: детской присыпкой и похоронами. От этого глаза слезятся и шкура зудит.

23. Те, кто громко разговаривает на людях. Тут я и на незнакомого наеду. Говорю: «Тссс», — всем без исключения. Однажды цыкнула на Вина Дизеля.

24. Те, кому эго не позволяет признать правду.

25. Черные мармеладки. Еще меня бесит лакрица, но не жутко.

26. Музыка хаус. Хуже некуда. Мне нравится куда-то выбираться и зажигать под хип-хоп, но теперь почти невозможно найти место, где его крутят, потому что все заменили на это жалкое подобие музыки.

27. Диджеи-знаменитости и шеф-повара, изображающие плохих парней. Амир Questlove Томпсон не считается. Он барабанщик, и он отличный диджей.

28. Взрослые тетки, которые носят джинсовые шорты размером с подгузник, — потому что я в таких в жизни не смогу зажечь. Мне нужен джинсовый хиджаб.

29. Разговоры с незнакомцами в лифте. (Наверное, это проходит как светская беседа, которые я ненавижу, о чем уже упоминала, но в лифте это совсем невыносимо, потому что бежать некуда!)

30. Те, кто приходит в Старбакс и пишет. Буэ.

31. Тех, кто берет с собой в бар книгу, надо забивать камнями. Не пытайтесь показаться загадочными и интересными. Вы читаете в баре.

32. Те, кто питается безупречно здорово. Идите в жопу!!!

33. Большинство детей, которые мне не племянница. Бывают милые дети, но большинству надо с порога уворачивать

громкость.

34. Парни, которые пытаются с тобой флиртовать, хотя ты ясно, твою мать, даешь понять, что тебя это не интересует. ПРОСТО ПЕРЕСТАНЬТЕ!!!

35. Девушки, изображающие из себя скромниц. Нам всем приходилось смывать с себя сперму, глядя себе в глаза в зеркале.

36. Парни, которым не нравится, когда много секса. Дважды в неделю как минимум, или проваливайте. (Знаю, я должна посочувствовать, но у меня терпения не хватает.)

Спортсмены и музыканты

Недавно мне тут попался совершенно запредельный хер. Когда я говорю «запредельный хер», то имею в виду большой пенис. Я не в том смысле, что «вот один тут хер…». Но я забегаю вперед. Давайте я сделаю шаг назад и должным образом объявлю эту главу, в которой расскажу вам в больших подробностях, как мутила с несколькими спортсменами и одним музыкантом. Я вам об этом рассказываю, потому что считаю, вам может быть интересно. А еще хотя все мы знаем, что не существует ни Святого Грааля, ни того, кто станет наконец-то ключом к нашей вечной уверенности в себе, все мы — просто детишки, которым сделали больно. И мы все еще надеемся, что у какого-то чувака, офигенно играющего на гитаре или кидающего шайбу, найдется на конце конца ключ от нашей вечной любви к себе. Нет? Я одна такая? Ну, тогда просто почитайте.

Я не стану называть имена. Может, вы прямо сейчас думаете: «Эми, да иди ты!!! Я купил твою дурацкую книжку и хочу знать, кто эти парни!» Я вас слышу. Мне так хочется рассказать. Все гораздо смешнее, когда к этим ужасно удручающим историям прилагаются лицо и имя. Но не могу. Дело не в законности. Просто я бы хотела, чтобы в моей жизни было больше секса, — а какой парень в здравом уме захочет со мной связываться, если будет знать, что он и его пенис могут появиться в моей следующей книжке?

И потом, если мы когда-нибудь увидимся лично, я, наверное, расскажу вам, как на самом деле звали тех спортсменов и музыкантов. А пока давайте перейдем к первому спортсмену, с которым я спала; он играл в лакросс, такой это был спортсмен. Я написала это и поняла, что все до единой попытки с кем-то замутить, о которых я говорю в этой главе, были прямой реакцией на разрыв. Я на своем опыте убедилась, что процесс переживания разрыва не ускоряется, если замутить с кем-то еще. Друзьям я обычно даю такой совет: «Понадобится время. Давай просто смотреть кино и подолгу гулять». Но сама я своим советам обычно не следую. Иногда, близким подругам, я говорю: «Тебе надо с кем-то заняться сексом». Заметили, как оно выстраивается, да? Я лицемерка и трепло.

Ладно, про игрока в лакросс… Мы оба только что снова стали свободными, и он выглядел лучше меня, у него была богатая семья, но потрахаться со мной его не ломало — во всяком случае, такое было ощущение, когда мы занимались сексом. Я была смешнее и умнее его, но в то время это было мне неважно. Важно

было то, что он был милашка, и пенис у него работал. Мы сходили на пару свиданий, все это было так волнующе — как наблюдать за сохнущим лаком на ногтях ног трупа.

За ужином я чувствовала примерно то же, что всегда по рассказам чувствуют мужчины, когда женщина болтает. Я терпела, притворялась, что меня смешат его шутки, позволяла задавать мне бесконечные тупые вопросы, как при собеседовании на работу — типа «Кем вы видите себя через пять лет?». Он спросил: если бы я могла пообедать с кем угодно из ныне живущих или уже умерших, — кого бы я выбрала? Я ответила, что Марка Твена. На это он сказал: «Нет, кого-то, кто существовал на самом деле». И все-таки я без лишних размышлений пошла с ним домой. Когда мы целовались, химии не было никакой, что подтверждало взаимное отсутствие интереса друг к другу. И все-таки, опираясь на одну мышечную память, наши тела сумели осуществить соитие. По-моему, мы переспали еще несколько раз, пока несовпадение степеней нашей привлекательности и чувства юмора нас не догнало, и он позвонил, чтобы сказать, что начал встречаться с другой. Я офигела от того, что он посчитал, будто несколько скучных перепихонов обязывают его известить меня, что он покидает рынок. Я сказала: «Все понимаю», — самым серьезным тоном, какой сумела из себя выдавить. Мы честно и всерьез отняли друг у друга время.

Следующий спортсмен был из НФЛ. То есть играл в футбол. На этот раз я приехала в город, где он жил, а он пришел ко мне в гостиницу. Мы ходили куда-то раза три-четыре, но еще не спали — то есть нам предстояла *та самая* ночь. Он поднялся ко мне в номер, мы выпили, и я уже поняла, что не хочу. Я сказала, что вымоталась, что мне нужно поспать, и когда он меня поцеловал, я ничего не почувствовала. Химия не совпала. Такое пару раз со мной случалось, когда у поцелуя не тот вкус. Ничего личного, чистая наука. Он схватил меня за задницу и поцеловал, а я его остановила и пожелала ему доброй ночи. Потом я придумывала еще какие-то предлоги, чтобы с ним не спать, а затем он перестал спрашивать.

Еще я встречалась со знаменитым профессиональным рестлером. С этим я познакомилась в Twitter. Понимаю: вам, наверное, кажется, что сейчас самое время оттоптаться по реслингу, — но мне это неинтересно. Этот парень был настоящим спортсменом. Он был здоровее, сильнее и куда дисциплинированнее, чем большинство тех, кто занимается спортом, где есть мяч и форма. Когда мы с ним познакомились, меня совсем не интересовал реслинг, хотя в прошлом я, бывало, притворялась, что он мне нравится — ради парней (см. главу «Как

я лишилась девственности»). Но стоило мне увидеть профессиональных рестлеров за кулисами, я поразилась тому, сколько там физической подготовки и театра. В общем, мы встретились, когда я выступала в Финиксе, Аризона. Я сидела одна в своей хорошенькой гостиничке и решила заказать запеканку из краба. Знаю, что вы думаете: окруженная сушей со всех сторон Аризона прославилась на весь мир потрясающими морепродуктами и серфингом. Но я себя убедила, что это низкоуглеводная еда, хотя всем известно, что за пределами Балтимора, Мэриленд, крабовая запеканка на девяносто девять процентов состоит из хлеба. Оказалось, однако, что в той запеканке было ровно столько настоящего краба, чтобы я заработала самое отчаянное пищевое отравление, какое можно себе представить. Я быстренько перешла от полнейшего здоровья и благополучия в состояние содрогающегося сосуда с отвратительными телесными жидкостями, рвавшимися наружу через все отверстия. Пару раз мне пришлось выбирать: сидеть на унитазе или нагибаться к нему, чтобы блевануть. Настоящий «Выбор Софи» из человеческих выделений (внимание, спойлер: и никакого хеппи-энда).

Несмотря на сложное положение, я все еще была уверена, что в тот вечер выступлю. Особенно я переживала из-за того, что в зале должен был быть тот симпатичный рестлер, а еще комик Дэвид Спейд. Я лежала, свернувшись, на полу ванной в собственной рвоте, а надо мной стояли владелец клуба и его добрая мать. От обезвоживания я бредила, мне вызвали скорую. К счастью, героический Дэвид Спейд выступил в тот вечер вместо меня. Это единственное выступление, которое мне пришлось отменить из-за болезни. Я как-то потеряла голос в середине номера в клубе «Гавернорс» на Лонг-Айленде, но все равно не ушла со сцены. Мы с мамой обе знаем язык жестов, так что я показала ей текст, а она передала его толпе.

А тогда в Финиксе все кончилось тем, что меня оставили в больнице. Моя добрая подруга Джеки, которая со мной в те выходные работала, провела ночь, сидя на стуле рядом с моей больничной койкой. Проснувшись, я выяснила, что меня затопило бесчисленными сообщениями в Twitter — про рестлера. Оказалось, он устроил среди подписчиков кампанию, чтобы привлечь меня и чтобы я на него подписалась. У него был где-то миллион подписчиков, и ощущение было такое, что каждый мне написал. Он был на шоу, которое я пропустила, так что знал, меня увезли в больницу. Сидя в ожидании выписки, я щелкнула «подписаться» на его странице и написала ему в директ: «Ладно, я на тебя подписана. Чего хочешь?» Он ответил: «Привет, как себя

чувствуешь?» Вел себя очень мило, предложил забрать меня.

Мало того, что он так по-доброму ко мне отнесся, рестлер еще и с виду оказался очень неплох, — и, прикинула я, на ощупь тоже должен быть ничего. Так что мы начали общаться и строить планы насчет встречи. Встретились мы в Денвере, хорошо провели вместе выходные и начали по-настоящему встречаться пару недель спустя. Мы изо всех сил старались встречаться, несмотря на то, что оба все время были в разъездах, а я все еще любила своего бывшего. Как-то я даже спросила, можно ли мне взять перерыв в наших свиданиях и съездить с бывшим в Мексику. А потом — все возобновить, когда вернусь, можно? Он сказал «нет» и был прав. Я понимаю, что просьба была безумная, но иногда я забываю, что у мужчины вообще-то могут быть ко мне настоящие чувства.

Он был так безупречно сложен, такой умный, смешной и добрый. Но — вот мы оба в каком-то гостиничном номере. Я вижу, как на батарее сохнут его наколенники — и понимаю, что это не моя история. Естественно, я вернулась к бывшему. (Это всегда отличная идея.) Мы с рестлером по-прежнему дружим, и я буду очень рада за женщину, которой в итоге с ним повезет — хотя он мой свежий бывший, а их подружкам я обычно желаю редкого амазонского кожного заболевания. Что плавно подводит меня к музыканту.

Музыкант, наверное, был самым грустным случаем из всех. Он знаменитость, я его поклонница. Я никогда, никогда-никогда-никогда в жизни не подумала бы, что я его заинтересую. Кого угодно из них, если на то пошло — у этих чуваков есть доступ к худеньким моделькам. Но я знаю одно: парни — это парни, и пусть они знаменитости, и пусть они горячи, хоть прикуривай, — они все, в принципе, хотят переспать с кем угодно, если человек их хоть как привлекает и не двинется с места, пока они об него трутся. Это оскорбительно звучит? Потому что мне-то на самом деле это в мужиках жутко нравится. Нравится, что их без затей тянет трахаться. Их биологическое устройство прекрасно, как по мне. Мы, женщины, из шкуры вон лезем, чтобы быть для них привлекательными, а ведь не надо. Ими движет желание сунуть пенис нам в попу. А я-то переживаю, что он увидит мои отросшие темные корни. Думаю всякое, типа: может, сделать французский маникюр? А ЕМУ ПЛЕВАТЬ. ОН ХОЧЕТ ЗАТОЛКАТЬ СВОЮ СОСИСКУ ТЕБЕ В ЗАДНИЦУ!

В общем, мы с этим музыкантом встретились пообедать. Я думала, мы просто друзья, но он меня так умело обнял, никогда не забуду. Скользнул рукой по моей пояснице, вверх от бедра под кожаным жакетом. Когда мы обнялись, я поняла: о, да у нас

свидание. Мы оба переживали разрыв, так что жаловались на своих бывших и ели рамен. Нам было так здорово, что мы сговорились встретиться позже, тем же вечером. Я еще плутала в дебрях чувств к бывшему, но отомстить, пойдя на свидание с рок-звездой, показалось неплохим планом.

Мы встретились в отеле «Бауэри» и выпили. То, что я пришла в еще одно заведение на еще одно свидание за день с этим парнем, меня совершенно вышибло. Теперь он меня должен был оценить как женщину, с которой можно переспать, а то и встречаться, — и я, разумеется, потеряла всякое достоинство, пока одевалась, чтобы с ним встретиться. Я разнервничалась и слишком вложилась. До этого был просто обед с другом, а теперь, твою мать, свидание с, твою мать, рок-звездой! Он заметил: «Ты прямо другой человек по сравнению с тем, что было днем», — мгновенно уловив, что моя самооценка вошла в пике. Мы прошлись, посмотрели стендап в ближайшем клубе. Я сказала, что отлично провела время и попыталась попрощаться, но он уговорил меня выпить еще по одной в гостинице. Бар уже закрылся, и он предложил заказать в номер, так что мы поднялись к нему.

К тому моменту я уже приняла как свершившийся факт, что его ко мне ни в коем случае не влечет, и решила, что ему, наверное, просто нравится со мной общаться. Вот так со мной всю жизнь. Я вечно предполагаю, что мужики во мне видят просто своего парня, поэтому, когда кто-нибудь заинтересуется мной как девушкой, впадаю в ступор. С годами стало полегче, но до конца не ушло. В общем, мы выпили у него в номере, и когда я встала обнять его на прощание, он меня поцеловал. Химии особой не было, но мне это польстило, потому что я впервые за четыре года поцеловалась с человеком, который не был моим парнем, так что мы продолжили. Легли в постель, разделись, а я была как будто не здесь. Наверное, так себя чувствует Пэт Сейджак, когда в «Колесе Фортуны» доходит до дела. Если заглянуть ему в глаза, он полный зомбак.

Я видела нас обоих, словно вышла из собственного тела, — и мне было так грустно: рок-звезда и какая-то я. Но неважно, кто ты, — чувствуешь-то все равно то же самое, что и все. Мы оба тосковали по бывшим. Мы ничего особо и не сделали. Дотронулись друг до друга, и у меня по щекам покатились слезы. Я не плакала, они просто лились. Он заметил, обнял меня. Мы лежали в темноте с открытыми глазами, слушая дыхание друг друга. Мне было тогда так больно, и я чувствовала, что ему тоже больно. Мы друг друга не судили, мы ничего друг от друга не хотели. Когда он уснул, я выскользнула из номера. Я благодарна,

что он был таким милым и что ему было так же грустно, как мне. На минутку мне стало не так одиноко, и я уверена, что это было самым большим разочарованием его жизни в смысле попытки с кем-то переспать. О чем я вообще-то говорю с некоторой гордостью. Хорошо, когда ты не такой, как все, неважно, какие обстоятельства. Он никогда меня не забудет!

Теперь я вижу во всех этих историях повторяющийся сюжет: я была жутким разочарованием в смысле съема. Я всегда считала, что это меня разводит какой-то козел, но, если подумать, козлом-то, похоже, была я. Интересно. Ладно. Пора перейти к делу. К огромному члену.

Хочу предварить эту историю, сказав, что хоккеем не интересуюсь. Я была на паре игр, мне понравилось — но больше потому, что я ходила с сестрой и мы друг другу нарисовали фальшивые синяки. Мы ходили только на игры «Рейнджеров» в Мэдисон-сквер-гарден, и я надевала шейный ортез, рисовала синяки под обоими глазами, а Ким обклеивала пластырем. Не знаю, зачем мы это делали, но нам нравилось, что мы выглядим так, словно нас избили. Большинство на нас старалось не обращать внимания и сразу отворачивалось, но некоторые спрашивали, что случилось, и мы отвечали, что кое-что не поделили.

Ким и ее муж любят хоккей и вечно говорят об одном своем любимом игроке. Им нравится, как он играет, и они всегда замечают, что не на льду он тоже смешной и крутой. Они вечно заговаривают со мной об этом чуваке. Он подписался на меня в Twitter, ну и я в ответ подписалась на него, а когда сказала сестре, что он меня зафололловил, она так и взвилась. Начала такая: «Ты должна ему написать! Вы друг другу понравитесь!». Ну, я написала. Сказала, что он — мой любимый хоккеист. И еще, по-моему, сказала, что, если он когда-нибудь захочет прийти меня послушать на стендап-шоу, пусть скажет. Он отнесся ко мне с достаточным уважением, чтобы не изображать, что ему интересно послушать выступление, — и вместо этого спросил, не хочу ли я с ним выпить. Я сказала «да», и меня очень заштырило, вдруг Ким сочтет, что дело во мне. Обычно она никогда так не считает.

В день нашего свидания я пошла туда, где мы договорились встретиться, и прождала почти сорок минут. Он слал мне сообщения: «Извини, скоро выхожу!» Я разозлилась и ушла, но вскоре получила сообщение, что он так извиняется, что готов со мной встретиться, где я скажу. Я заставила его пойти в «Жирного Кота» — бар в подвале в Вилледж, где играют джаз и в пинг-понг тоже играют. Когда я приехала и увидела его на другом конце

зала, то поняла, что с ним — все его друзья.

Так я оказалась на групповом свидании с компанией громил. Я пыталась перекричать музыку и пообщаться с ним, но Поуп и Рик Росс гремели на всю катушку. Мы не знали, о чем говорить, не слышали друг друга и не улавливали друг у друга сарказм. В конце концов я сдалась и стала разговаривать с его друзьями. Они ко мне относились как к шлюхе, которую собирается отыметь их друг, знаменитый спортсмен, — кем, скажем в их защиту, я и была. Только выдержать все это у меня не хватило терпения. И когда он мне сказал, что они идут в другой бар, я ответила, что я не иду, и начала прощаться с любимым спортсменом своей сестры. Он сказал: «Ну нет, тогда я пойду с тобой». Я остолбенела. Он даже не попрощался с друзьями. Мы зашли еще в один бар по дороге домой, и я смотрела, как он играет в какой-то тупой гольф в игровом автомате и слушала, как он рассуждает о своих мечтах и своей семье. Мне не верилось, что я собираюсь переспать с этим красивым, высоким, талантливым парнем, с которым у меня не вышло ни понимания, ни контакта. Он вставлял в разговор хоккейные термины, думая, что я фанатка; но я была-то всего на паре игр за всю жизнь — и ничего не понимала. Обо мне он не спрашивал ничего — то есть ровно столько, сколько нужно. Меня не интересовало совместное будущее с этим парнем, я просто торчала рядом, чтобы поглядеть, не захочет ли он со мной переспать. Несмотря даже на то, что физически мы не подходили друг другу примерно в той же степени, что мисс Пигги и Чарльз Гродин в «Большом кукольном путешествии». Или Кейт Хадсон и кто угодно из ее партнеров по фильму. Я часто так себя чувствую с мужиками, которые хотят со мной физической близости. По счастью, большинство мужчин тянет, скорее, к мокрой дырке, чем к идеальному личику — особенно поздно вечером.

Мы пошли к нему в квартиру, он включил сериал и, не откладывая, взялся за меня снизу языком. Я подумала: надо же, какой зайчик. Кончила, решив, что он просто принц. Но потом увидела причину этой рыцарственности. Он вынул член, и я превратилась в мультяшку. Моя челюсть грохнулась об пол — и, вот такое совпадение, только так его член там бы и поместился. У меня маленький ротик, а такого здоровенного кабана я в жизни не видела. К вагине своей я это близко не подпущу, подумала я. Почувствовала себя музыкантом, играющим на палубе «Титаника» и знающим, что делать нечего, придется захлебнуться. Ощущение было такое, что я пытаюсь запихать индейку с Дня благодарения в рулон туалетной бумаги, целиком: не лезет. Он пытался держаться так, словно член у него не такой и большой, словно он

нормальный, — просто я веду себя, как недотрога и выделываюсь. Но после нескольких попыток я установила, что отсосать этому парню не смогу. Чувствовала я себя ужасно и, решив быть командным игроком, сказала, что мы можем попробовать заняться сексом. Я легла и попыталась представить какую-то более расслабляющую обстановку — типа Гуантанамо или обуви, выставленной в музее Холокоста; но ничего не получалось. Он уговаривал меня попытаться, но я сказала: «Я не буду пихать его силой и рвать себе киску, просто чтобы разок позаниматься с тобой сексом. Прости, братишка. Я как-то не хочу поднимать НоваРинг с платформы в метро, потому что оно будет вываливаться из новой зияющей дыры, спасибо твоему Большому Доброму Великану». Я его рассмешила — он явно не впервые вышел на родео с девушкой, которая завыла: «Ну уж нееееет, бычара!»

Так что мы занялись единственным стоящим делом, каким могли. Обнимались, и я ему дрочила примерно в направлении себя. Когда он кончил, почти все оказалось у меня на животе. Я встала, чтобы вытереться, и он сказал: «Ты куда? Не в таком виде!» — пошел и принес мне теплую влажную тряпочку и сухое полотенце. Потом я смотрела, как этот член НХЛ меня бережно вытирает. Может, он боялся, что я попытаюсь украсть его ДНК, как жена хип-хоппера, но это было так мило. Он выглядел маленьким мальчиком, который трудится над научным проектом для школы. Я оделась, и он, казалось, растерялся и загрустил, что я ухожу. Что ж, у него были основания грустить. Он спросил, не хочу ли я остаться и посмотреть кино, и когда мы снова увидимся. Мне показалось, что я играю роль сразу в двух разных фильмах. Я объяснила, что мне с ним было хорошо и что мы больше не увидимся никогда. Я прошла тропой позора в половине пятого утра. Вы, может, вспоминаете одну из предшествующих глав, где я сказала, что у меня за всю жизнь был только один секс на одну ночь, и думаете, что это можно считать номером два. Но я согласна считать сексом на одну ночь только то, когда был секс. Секс, когда пенис входит в вагину или анус. (И чего я не пишу любовные романы? У меня такой возбуждающий слог!)

Утром я позвонила из Старбакса сестре и рассказала ей, что случилось. И мы обе ржали до слез. Я пошла с ним встречаться, только чтобы она посчитала меня крутой, а этого явно не произошло. Она сказала, что грустнее ничего в жизни не слышала. Мы до сих пор хохочем до слез, когда он выходит на лед. Как, по-вашему, мы злые? Вы его пожалели, когда читали эту историю? Не надо. Не проливайте слез об этом богатом, знаменитом, идеально выглядящем спортсмене с огромным

членом. У него все хорошо. У него без сомнения было множество волшебных сексуальных приключений, помимо меня. Сейчас он женат на роскошной хрупкой женщине — и каждый раз, видя их фотографии, я думаю: «Зайка, удачи тебе с этим!»

Что для меня счастье

1. То, как смеется моя малышка-племяшка — и как она делает вообще почти все. Обожаю, как она выговаривает мое имя, как вопит: «Мими!» — когда видит меня. А еще ее волосы, с которыми она одно время была похожа на Бенджамина Франклина.

2. Сконы. Не те, которые покупают в магазине, по шесть в пластиковом контейнере. Не, я про сконы из «Алисиной Чашки» в Нью-Йорке, или про веганские (не потому что я веганка, а потому что текстура у них обалденная), или те, что с каким-то шоколадом (не с белым, а с настоящим шоколадом). Ладно, хорошо: и магазинные тоже.

3. Видеть, что те, кого я люблю, счастливы.

4. Верховая езда. У нас был деревенский домик на севере штата, когда я была маленькая, и я научилась ездить верхом в местной конюшне — кругами каталась на самой маленькой лошадке. С тех пор я лезу на лошадь, как только представляется возможность. Вопросов не задавать. Несколько лет назад я валялась на диване у сестры и смотрела «Игру престолов», и тут Ким входит и спрашивает: «Зайка, хочешь покататься верхом?» Она живет в обычном районе в Чикаго, где рядом никаких лошадей и в помине не должно быть, но я молча встала и пошла за ней на улицу, и на другой стороне стоял конь. Его звали Норман. Мы с ним теперь друзья.

5. Рассказать со сцены новую шутку, которая мне нравится, даже если ее примут не очень. Рассказывать новые шутки — это никогда не приедается.

6. Слушать, как мой брат Джейсон играет на трубе. Мы оба любим Майлза Дэвиса, Джона Колтрейна и Телониуса Монка, но Джейсон играет такую плывущую, безумную музыку — называется фри-джаз. Такой джаз звучит фоном, когда Клэр Дэйнс в «Родине» совсем придавит. Но мне просто нравится слушать, как он играет. Не обязательно на сцене. Иногда у него дома я вдруг слышу трубу в соседней комнате, и мне от этого прекрасного звука становится так спокойно.

7. Смотреть британские или ирландские сериалы про сексуальные преступления в доме у сестры с мужем. Чем сильнее акцент, тем сильнее мне надо к концу сменить белье. (Фуууу!) Я серьезно. Мне приходится их смотреть с субтитрами.

8. Сидеть с друзьями в «Камеди Селлар» и вышучивать друг друга. Особенно Кита Робинсона, который вечно, каждый раз во всем ошибается, но так настаивает на своем, словно от этого

зависит его жизнь.

9. Кончать.

10. Сидеть на катере или водном скутере, который несется слишком быстро, и орать во все горло.

11. Угнездиться на диване с трехногим псом моей сестры, Эбботом. У нас очень крутые отношения — я его не подкармливаю, поэтому знаю, что его любовь ко мне никак не подкреплена едой.

12. Смешить людей до слез.

13. Просыпаться рядом с человеком, в которого я влюблена, — и тут же отползать, чтобы спрятать свое утреннее лицо, похожее на побитую жопу, и запах изо рта как от памперса. А он подтаскивает меня обратно, прижимая к себе попой, и ему все равно.

14. Моя сестра. Играть с ней в волейбол, смотреть «Темное дитя» и есть пасту. Пить с ней. Курить с ней траву. Ездить с ней по миру, делать программу на телевидении, снимать кино, которым мы обе гордимся. Смешить ее на камеру. Иногда я ее заставляю участвовать в скетчах в своей программе. Ужасно люблю рассмешить Ким во время сцены и отснять столько дублей, сколько можно. Я знаю, она впадает в панику и переживает, что отнимает у всех время этим смехом, — но ничего не могу с собой поделать.

15. Люблю, когда маленькое животное едет на спине у большого (ну, как сэр Дидимус и Амброзиус в «Лабиринте»). Или видео о том, как дружат лев и тюлень, или что-то в этом духе.

16. Когда кто-то проезжает мимо в инвалидной коляске с мотором, я поднимаю руку и закрываю его тело — как будто мимо просто мчится голова.

17. Если грустно. Если хмуро. Если дождик льет. Извините.

18. Ржать и орать на своих школьных подружек, когда они пытаются курить траву в туалете любого заведения, где я выступаю, будь оно самым пафосным. Они пытались курить траву и на «В субботу вечером», и в Карнеги-холле.

19. Слушать, как сестра разговаривает со службой доставки, когда привезут не ту еду или нальют недостаточно соуса. Начинает она очень спокойно и разумно, но через полминуты взрывается к херам.

20. Сидеть с подружкой на диване, лицом друг к другу, и вести долгие беседы о том, что у нас с мужиками или бабами. Да, с вином. Не думаю, что надо было это уточнять, но если вы прям настаиваете, то — да, конечно, с вином. Если только не окажется, что без вискаря не обойтись.

21. Заводить новых друзей. Когда тебе уже за тридцать, это

непросто, но периодически появляется кто-то, на кого тебе по-настоящему не жалко времени, и это так классно.

22. Копченый лосось.

23. Смотреть на Дейва Аттелла на сцене. Ни от кого я так не смеюсь.

24. Секс. Знаю, я уже говорила про кончать, но секс — отличная штука, его надо упомянуть.

25. Влюбляться.

Мама

У меня не складывается с людьми, которые считают, что их мать — совершенство. Вы встречаетесь с парнем, который не может принять решение, если не обсудит его сперва с мамой? Порвите с ним. (Если только его мать не Кэролайн Манцо из «Настоящих домохозяек Нью-Джерси», но она — единственное исключение.) Определенно завязывайте с чуваком, если у него с матерью так все происходит, что понятно, мама всю жизнь типа думала, что сама в итоге окажется со своим сыночком. Поверьте мне — уходите. Вы считаете, что ваша мама всегда знает ответ на все вопросы, в том числе у нее наготове отличные предложения по поводу вашей прически, одежды и отношений? Советую пересмотреть свои взгляды. Хочу проявить терпение и позволить вам понять все самостоятельно, со временем. Вру. Вообще-то, я хочу выдернуть из-под вас коврик и вытолкать вас на свет.

Родители так или иначе подводили всех. Это часть естественного хода вещей. Круг жизни. Матери тоже люди — а не ангелы небесные и не сервисные боты Ex Machina, не допускающие ошибок. Одно то, что они протолкнули вас через свои половые пути, не означает, что они знают все (или хоть какие-то) ответы. До того как у них появились вы, они болтались по жизни как идиотки — вот совсем как вы сейчас. Я к тому, что они просто люди. Чаще всего — люди, полные недостатков.

Что плавно подводит нас к разговору о моей матери. Да, да, как и ваша мама, она старалась изо всех сил. И я сама — из тех детей, что росли, думая, будто их мама святая. Настоящая богиня, спустившаяся на землю. Я ее боготворила. Но однажды узнала, что моя мама — не совершенство. В тот день, когда я это узнала — так получилось, — мы с моей лучшей подружкой Мией рассорились навсегда. И это не было дурацким совпадением. У моей матери был роман с отцом Мии.

Мы с Мией познакомились в первый день в четвертом классе, когда мне было девять. Я была в той школе новенькой, со мной никто не хотел разговаривать, кроме нее. Она оказалась единственной, кого не парило мое высокомерие и постоянное вранье. Я как раз только что рассказала всем одноклассникам, что я модель из Калифорнии и снимаюсь для рекламы купальников — и еще несколько небылиц, которые, в общем, их ко мне не расположили. Помню, когда Миа подошла ко мне в столовой, чтобы поздороваться, я подумала, что она похожа на Тинкербелл — такая хорошенькая и оборванная. Грязная нечесаная блондинка — красивая, маленькая и хрупкая. Мы сразу стали не разлей вода.

У нас были и другие друзья, которые то появлялись в нашем мире, то исчезали, но я видела в них только помеху. Я считала Мию удивительной, смелой и уверенной.

Я стала членом ее семьи, а она — моей. У нее был старший брат, ровесник моего, и младшая сестра, ровесница моей; так что наши семьи идеально подходили друг другу. Мы ночевали друг у друга, когда позволяли родители. Вместе ставили увлекательные танцы, которые показывали любому, кто готов был просидеть на месте хоть пять минут. Секрет нашей хореографии был в том, чтобы движения танца подходили к словам песни. Например, под песню Полы Абдул «Холодное сердце» мы дрожали и изображали, что мерзнем, когда Пола пела слово «холодное». На слове «сердце» мы тыкали себя в грудь, а когда будущая судья American Idol пела слово «змея», мы обе — никогда не догадаетесь! — делали рукой такое змеящееся движение, пальцами, запястьем и локтем. Внимание, «Лучшие хореографы Америки»: если вам нужна помощь — мы к вашим услугам!

Я не сомневалась в том, что мы однажды выйдем замуж за братьев-близнецов и будем жить все вместе в одном доме. Казалось, нас ничто не сможет разлучить.

Наши родители встретились в синагоге и стали близкими друзьями. Тем из вас, кто не принадлежит к Избранным, скажу: синагога — очень существенная часть еврейской жизни. Мы ходили на шаббат в пятницу вечером, а дети по воскресеньям с утра отправлялись на занятия ивритом. Каждое лето моя семья гостила у Мии в их доме на озере, на севере штата. Туда было пять часов машиной, ее родители ездили в фургоне, где пахло кошками и «Фритос», — но я была не против, если мне разрешали сесть сзади и смотреть на машины, которые едут следом. Мы махали водителям, показывали им средний палец и исчезали — крутейший прикол в мире. Меня всю жизнь укачивает в машине, но я готова была потерпеть — просто чтобы увидеть, как меняются лица тех, кто просто хотел добраться из пункта А в пункт Б и вовсе не был настроен иметь дело с какими-то тупыми детишками, которые показывали пальчики, посылая всех на. Но мы ржали всю дорогу, как подорванные.

Мама Мии, Рут, чем-то походила на мою — такая же невысокая блондинка с убийственным телом. Учитывая слепое пятно, которое мешало мне видеть в маме что-то, кроме совершенства, я помню, как думала, что Рут не такая смешная и умная, как моя мама. Но она была доброй и не позволяла нам с Мией валять дурака. Когда нам было по тринадцать, она поймала нас с сигаретами и баночными коктейлями у себя на крыше (все такие на понтах) и устроила взбучку. Она была хорошей матерью,

всегда заботилась обо мне, как будто я ей родная — например, наорала на меня, когда я притащила в ее дом журнал Redbook, чтобы почитать другим детям статьи про секс. Помню, прочла вслух, что мужчину возбуждает, если надеваешь его галстук — и все. Нам тогда было, наверное, лет по девять, и Рут меня отчитала, как настоящая мама. Помню, как мне было ее жалко, просто потому что она не моя мама. Вообще, мне всегда было жалко любую женщину, которая оказывалась с мамой рядом, потому что все они были не она. А мама в моих глазах была королевой.

Нехило, да? Знаю.

Отец Мии — Лу, был умным бизнесменом с лишним весом и носил огромные очки в толстой оправе. В нем не было ничего пафосного. Он обожал свою семью, и они его тоже обожали. Работал он допоздна, чтобы обеспечить им все самое лучшее. Обычная милая, ездящая в Кэтскиллз еврейская семья с Лонг-Айленда.

То самое лето, когда нам исполнилось по тринадцать, мы с Мией провели просто отлично. Мы стали подростками — и все время зависали в доме на озере. Когда наши родители ложились спать, мы оживали, тайком выбирались наружу и встречались на пляже с местными парнями, чтобы напиться и целоваться. Осенью, вернувшись в школу, мы ни на минуту не расставались. Миа была такой уверенной в себе. И сильной. Не физически, — так, стручок зеленой фасоли, — но Миа всегда знала, на какой она стороне, и мне хотелось быть на той же стороне рядом с ней. Соображала она быстро, но могла быть полной дурочкой и рохлей, и с ней мне всегда казалось, что я нужна. Я думала, что встретила родную душу. Да я и встретила.

А потом я как-то пришла из школы и увидела, что мама сгорбилась на диване. Она явно плакала, даже ревела. Глаза у нее почти не открывались, нос был красный. Мама всегда была такой собранной, предусмотрительной и счастливой, я в жизни не видела, чтобы она так плакала. Мне показалось, что у меня земля закачалась под ногами, когда она протянула ко мне руки.

— Что такое? Что случилось? — спросила я.

Она открыла рот, чтобы объяснить, в чем трагедия, но тут у нее снова полились слезы, и ей не хватило дыхания, чтобы заговорить. Общаться словами она не могла, пришлось перейти на язык жестов. Мама учит глухих, так что у нас в семье все неплохо владеют языком жестов. Медленно, трясущимися руками она показала: «Я ухожу от отца. Мы с Лу полюбили друг друга». Я показала слово «опять», потому что мне надо было, чтобы она это повторила. И она опять показала: «Я ухожу от отца. Мы с Лу

полюбили друг друга».

Меня ошарашило не то, что она уходит от отца. У меня никогда и не было ощущения, что мама к нему особо привязана. Я никогда не видела, чтобы они держались за руки или целовались, к тому же она всегда относилась к нему со смутным раздражением. Папа мой был смешным и красивым, но мне все равно было трудно осознать, что моя идеальная мать так долго прожила с моим неидеальным отцом. Я считала ее Матерью Терезой — она ведь жила с мужчиной, который никогда не был ее достоин. Оглядываясь, я, конечно, понимаю, насколько нездорово для подростка так вставать на сторону одного из родителей против другого. Мой отец не был ангелом. Он тайком попивал, и я знаю, что он всякое творил у мамы за спиной (почти уверена, что в самом начале она однажды застала его со шлюхой, которая делала ему минет), но он и не притворялся совершенством.

Когда она мне сказала, что они с Лу любят друг друга, у меня не отложилось в мозгу, о ком она, потому что это казалось невероятным. Первое, что я подумала: «Смешно, папу Мии тоже зовут Лу». Но потом я сложила два и два. Передо мной пронеслись картинки обедов, поездок, наших семейных встреч в синагоге. Я всегда считала, что Лу — скучный, но, видимо, в чем-то особенный, потому что моя мама в него влюбилась. А я никогда не подвергала сомнению то, что говорила или делала мама.

Она сидела на диване, такая беспомощная и печальная. Казалось, что мама — одна в целом мире, и ей не на что надеяться. В ту секунду я решила, что я ее спасу. Я обняла ее и сказала: «Ну, давно пора. Я всегда знала, что ты для папы слишком хороша. Я счастлива, что ты кого-то полюбила». Когда мама это услышала, на меня обрушилась волна объятий, поцелуев и похвал. По-моему, никто никогда не был мне так благодарен, как мама в ту минуту. Вспоминая все это сейчас, я прихожу в ужас от того, что она дала мне выступить в этой роли. Позволить своему тринадцатилетнему ребенку стать твоей опорой, когда ты в это время в клочья разрываешь его мир, — это не очень-то по-доброму. Я только подростком стала, а она со мной обращалась как с опытным психотерапевтом. И, поскольку я всегда ее слушалась, — да что там, просто боготворила, — я подумала, что так все и должно быть. Я вообще почувствовала, что мне оказана честь.

Она перестала плакать, и я смело села рядом с ней, молча. И тогда, как меня всегда приучали, мне стало хорошо. Я поверила, что все будет НОРМАЛЬНО. Когда мы, маленькие, падали или расстраивались, она никогда не спрашивала, все ли у нас хорошо.

Вместо этого она говорила: «Все у тебя нормально», — так жизнерадостно, что мы велись и верили. Так нас растили: у нас все было НОРМАЛЬНО, это не обсуждалось.

В тот вечер я легла спать с ощущением, что все НОРМАЛЬНО, хотя мне было не по себе. Среди ночи я проснулась и не смогла уснуть. У меня болела голова. Я лежала, глядя в потолок, и надеялась, что мне все это приснилось в страшном сне. Я думала о Мие и ее семье и тут услышала, как щелкнул замок двери во двор. Я отодвинула занавеску, выглянула на дорожку и увидела, что приехал папа. Шагнула к двери своей комнаты, потом задумалась. Что я ему скажу? Он знает? В виске у меня внезапно кольнуло, и я остановилась. Поморщилась, снова легла. У меня раньше никогда так не болела голова. В мою дверь тихонько, едва слышно постучали, потом послышался шепот: «Эм?»

Дверь открылась, на пороге стоял папа.

— Пап, привет.

Он сел ко мне на кровать.

— Привет, детка, я слышал, ты тут возишься. Чего не спишь?

Я сказала, что у меня болит голова, посмотрела ему в глаза и поняла — его уже известили о том, что жизнь разбилась вдребезги. Он выглядел довольно спокойным и внешне собранным, но взгляд все равно был погасший. Он помассировал мне висок большим пальцем. Я глубоко вдыхала его запах, а он тихонько пел Синатру, «Был очень славный год». Папа часто пел эту песню. Ежевечерний его набор включал также «Надо скрыть свою любовь» и «Ветер зовут Марией». Если обобщить, это песни о потерянной молодости, о подавлении чувств и об урагане. Не сказать, чтобы они светили ребенку, как солнышко. Меня вдруг накрыло тем, что он, наверное, поет для меня в последний раз. Я ощутила болезненную тяжесть в груди, и эта тяжесть утянула меня обратно в сон.

К моему пробуждению на столе были оладьи, яйца и апельсиновый сок. Мама выглядела радостной, глаза у нее блестели, и от нее прямо исходило: «Будет прекрасный день!» Говорила она со мной так, будто все в порядке. О вчерашних событиях не заикнулась, и я тоже не стала. Потом она спросила, не хочу ли я после школы привести к нам Мию.

Я подумала: это что, шутка?

Но сказала: «Ладно». И мама пояснила: «Я не хочу, чтобы все это мешало вашей дружбе». Когда она это сказала, я поверила, что так может быть. Подумала: *все, что я знаю, я узнала от этой взрослой женщины, и я ей полностью доверяю. Если она себя ведет, как будто все НОРМАЛЬНО, — значит, на самом деле не так и сложно нам с Мией остаться лучшими подругами, когда у наших*

родителей роман. Неа. Совсем не сложно.

Глядя назад, я бы хотела, чтобы все происходившее как-то сказалось на маме. Как она могла так рано встать и так радостно улыбаться? Но она всегда себя так вела: определялась с новой жизнью, которая казалась ей на тот момент осмысленной, и вынуждала нас в ней жить вместе с собой. Знаю, что многое она от меня скрывала, и я не в курсе, что там на самом деле творилось у них с Лу. Но — хотела бы я, чтобы она задумалась о том, как далеко разойдутся круги по воде в результате ее поступков, и поборола в себе желание завязать этот роман. По крайней мере, чтобы мама честно призналась, что она оказалась слабой, растерялась — да и гонялась-то она за Лу из-за того, как скверно ей жилось. Не могу говорить за нее, но не думаю, что она всерьез задумывалась о том, как этот роман скажется на всех нас. Хуже того: она и меня вовлекла. Приготовила мой любимый завтрак и записала меня в чирлидеры своей ошибки. Никаких тебе «Как ты, Эм? Тебе, наверное, непросто сейчас, столько на тебя обрушилось». Вот я и вела себя так, как будто не обрушилось ничего. Пока что стрессу и переживаниям, которые внезапно запузырились у поверхности, некуда было выйти, и их быстренько загнали внутрь.

Слепящая боль, превращавшая голову в скороварку, осталась со мной на долгие годы.

Пока мама мыла посуду, я спросила, где папа.

— Перевозит вещи к себе на работу, — ответила она как-то пугающе по-степфордски.

Бум — и боль возникла прямо во лбу. Я все равно пошла в школу, думая, что должна быть такой же улыбчивой и сильной, как мама. Ни в чем нет большой беды, пока не начнешь себя вести так, будто она есть. Едва сев за стол на уроке математики, я увидела, что место Мии пустует. Я так и уставилась на ее стул. Голова болела. Стреляющая, жгучая боль. Потом, когда зазвенел второй звонок, дверь класса распахнулась, и Миа пробежала на свое место, не глядя на меня. Я не сводила с нее взгляда все сорок две минуты урока. Она на меня даже не взглянула. Вела себя круто и не напрягалась, как всегда. Наверное, она не знает, подумала я. Что ей сказать? «Привет, Миа, твоя семья рухнула, потому что наши родители — двое печальных одиноких людей, которые предпочли несколько недолговечных мгновений радости сохранению счастья и благополучия своих семей. Хочешь, зайдем за мармеладками после школы?»

Прозвенел звонок, урок кончился. Я сложила книги, продышалась через боль и подошла к Мие.

— Привет, — сказала я.

— Салют, — ответила она и протянула мне сложенное письмо, улыбаясь, как ни в чем не бывало. — Пожалуйста, передай это своей маме и пообещай, что не станешь читать.

Я кивнула, искренне. Она убежала, а я тут же рванула в туалет и растерзала конверт. Мне так хотелось знать. Вам бы тоже захотелось, поверьте.

Это было исполненное ненависти письмо моей матери — от Мии. Каждое слово ранило сильнее, чем предыдущее. Сплошные злые вопросы и обвинения — типа, «я думала, вы ангел, а вы — самая злая тварь, какую я видела. Надеюсь, вы сгорите в аду… Вы разрушили мою семью. Как вы могли?»

Три полных презрения страницы. Я поверить не могла, что кто-то — тем более Миа — мог написать такое моей маме. Мне представлялось, что мама ни в чем не виновата. Она обрисовала себя как благородную жертву и успешно промыла мне мозги, заставив поверить в романтическую историю запретной любви, которую переживала с отцом моей лучшей подруги. Спроси меня кто, я бы сказала, что моя мать — Эстер Прин, и я не позволю этим людям сжечь невинную женщину лишь за то, что она послушалась собственного сердца.

Я прошла по пустому коридору и остановилась перед дверью кабинета биологии — где, как я знала, в тот момент сидела Миа. Не задумываясь, вошла. «Мне нужно поговорить с Мией», — сказала я учителю. Он, наверное, услышал в моем голосе «не связывайся», потому что просто позволил ей уйти. Она вышла в коридор и закрыла за собой дверь.

И понеслось.

— Я тебе сказала, чтобы ты его не читала!

— Сука!

— Как ты могла?

— Ненавижу тебя!

Взад и вперед, обе в слезах и орут — так, что пришлось вмешаться двоим учителям. Пока нас разводили, мы, не отрываясь, глазели друг на друга. Вид у нас обеих был еще тот. Меня отвели в кабинет медсестры, чтобы я успокоилась. Я легла на кушетку и попыталась отдышаться. Когда мама приехала забрать меня, голова разрывалась, а виски стучали как сердце.

За несколько следующих недель я привыкла к головной боли. При мне мать Мии сидела у нас на крыльце, умоляя мою маму не делать этого с ее семьей. А мама все равно сделала. Мне приходилось встречаться с Мией в школьных коридорах. До смерти хотелось с ней поговорить. Обнять ее. Быть с ней — как и каждый день за прошедшие пять лет. Переживать такое непонятное и тяжелое время без лучшей подруги было

невыносимо. Мы перестали ходить в синагогу, где только что прошла моя бат-мицва. Слишком неловко было там появляться после того, как мама разрушила одну из семей общины. Так окончилась важная глава моих отношений с иудаизмом — религией, в которой я выросла, всю жизнь каждые выходные посвящая учебе и празднованию. У меня не осталось ни друзей, ни религии. Весь город знал о том, что произошло — и вместо того чтобы рассердиться на мать, я встала на ее сторону. Я смотрела всем прямо в глаза, с вызовом; пусть только попробуют с нами связаться.

Мне пришлось наблюдать, как отец переехал из офиса в грустную стерильную холостяцкую квартиру на Лонг-Айленде, снятую пополам с соседом. Мать вознаградила меня за преданность, — или, может, искупила свою вину, — отдав мне самую большую комнату. Ту, где у них с отцом была спальня. Мы с Мией избегали друг друга до конца школы. Я чувствовала знакомую стреляющую боль в голове каждый раз, как проходила мимо нее в коридоре или на улице. Я все время по ней тосковала. И сейчас тоскую. Она пару лет назад связалась со мной на Facebook, поздравила с успехом, и я тут же вывалила, как я по ней скучала, как мне жаль, как не права была моя мать. Она так и не ответила.

Что до мамы и Лу… Их отношения продлились пару месяцев. Очень странное то было время для меня, для брата и для сестры. За год до того мы все были в отпуске с семьей Лу, а теперь он ехал с нами в отпуск в Сан-Диего — как мамин бойфренд. Он съехал из семейного дома и снял отдельную квартиру. Меня тошнило, когда я видела, как они держатся за руки. Помню, я заказала моллюски и стала высасывать их из ракушки, как делала при отце. Но Лу настаивал, чтобы мы пользовались вилками. Глядя на них с матерью в бассейне отеля, я видела, что у мамы с ним уже все. Брат, сестра и я одинаково чувствовали тяжесть в соленом воздухе Сан-Диего, — но мама, как всегда, делала вид, что все в порядке. Она ждала от нас того же, но на этот раз мы не подчинились. Что-то в той поездке наконец-то сорвало передо мной покров. Я начинала видеть в ней неидеальное, запутавшееся, одинокое человеческое существо, каким она и была. Не хуже других. Но ее образ, который я себе придумала, разбился вдребезги и больше не собрался.

Она порвала с Лу в самолете на обратном пути.

Потом она несколько лет встречалась с разными мужчинами и клялась, что каждый — «тот самый». И все это время я, как всегда, была ей очень близка — при том, что мне было уже сильно за двадцать. Я приводила ее в клубы стендапа, мы играли

в жизни друг друга очень большую роль. Я и мама — мы запутались друг в друге, но между нами не было ни единой здоровой ниточки. И я всегда защищала ее сомнительный выбор в вопросах отношений. Наш путь отличается от того, каким проходит большинство дочерей и матерей. Может быть, справиться с жизнью маме помогало именно то, что она управляла нашими отношениями и так пристально за ними следила. Она не могла ни контролировать реальность, ни договориться с ней — но зато могла контролировать меня.

Теперь-то, когда нам всем уже за тридцать, мы с братом и сестрой начали больше говорить друг с другом о том, как трудно было расти с нашей мамой. У каждого из нас были свои сложности, но коренились они все в нашем общем опыте — в том, как она подавляла наши чувства и манипулировала. Как выясняется, когда у ребенка ВСЕГДА ВСЕ НОРМАЛЬНО, ему трудно становиться взрослым.

Когда мне должно было исполниться тридцать, я начала подумывать о том, чтобы написать о своей жизни книгу (в итоге она перед вами). Перечитала дневники, которые вела с тринадцати, и дошла до тех страниц, что написала о Мие и Лу. Читая рассказ ребенка о той кошмарной истории, я, взрослая, впервые смогла отделить поступки моей мамы от своего обожания. Стало понятно, что она мною манипулировала, что это было нездорово — и что следы тех манипуляций укоренились в наших нынешних отношениях.

Вся эта боль ожила в моей памяти от перечитывания старых дневников. И тут как раз позвонила мама, обсудить мой день рождения. Помню, как жизнерадостно она говорила — так же, как в то утро, давным-давно, когда напекла мне оладий после того, как перевернула мой мир с ног на голову:

— Мы полетаем на вертолете вокруг Манхэттена, а потом будет хибати и массаж!

Меня внезапно затопила злость. Я сказала:

— Я не хочу — идти — с тобой — в свой день рождения — на свидание из «Холостяка»!

Это НЕНОРМАЛЬНО. Это то, чем ОНА хотела бы заняться в СВОЙ день рождения, подумала я. Подумала — и вышла из себя. Я не просто была зла на нее за то, что она завела короткий, разрушительный роман с отцом моей лучшей подруги, когда мне было тринадцать. Я не просто была на нее зла за череду мужчин, которые вошли в нашу жизнь после Лу. Нет, я была на нее зла за то, что она втянула меня во все это — и заставила ее поддерживать. И еще за то, что заставила меня поверить в ложь, которую пыталась продать — о своей безупречности и

невинности.

Так в двадцать девять я начала строить с ней новые отношения — с уровнями защиты, как в Форт-Ноксе. Перестроить отношения людей, которые были патологически близки тридцать лет, не так легко. Сначала я говорила ей о том, что думаю по поводу прошлого; потом пришло время, когда мы не разговаривали. Я снова и снова пыталась ей все изложить, объяснить свои печали и боль. И иногда она пыталась выслушать, с чего же для меня все началось. Перестала просто защищаться и начала меня слышать. Но в конечном счете, думаю, ей было слишком трудно принять, насколько серьезно было то, что она натворила — и какое воздействие все это оказало на меня и на брата с сестрой. Мы, наконец, пришли туда, где пребываем уже несколько лет. Мы добры друг к другу, но я сохраняю границы. Мы регулярно разговариваем, сообщаем о важном, но теперь — куда реже, чем раньше.

Сейчас, после нескольких лет размышлений, я лучше ее понимаю. Как и все мы, она — результат своего перекошенного детства. Маму травмировала ее собственная мать, типичный эмоционально холодный нарцисс. Понятия не имею, каково ей было, когда мама завела роман с Лу — имея троих детей, при муже, с которым она не чувствовала себя любимой. Но я все равно хотела бы, чтобы она просто была с нами честна. И с собой тоже. Мы все старались изо всех сил, ошибались, висели на волоске. И — хотела бы я, чтобы она хоть пару раз была с нами настоящей — то есть позволила бы нам принять слабость и уязвимость как часть жизни. Ведь жизнь полна боли и разочарований. Я сделала карьеру, говоря об этом и переживая это самым нелепым образом, чтобы все могли посмеяться и поплакать вместе со мной. Так вот, хотела бы я, чтобы моя мама тоже это понимала.

Иногда от этого отпускает — от того, что ты просто человек.

Мне по-прежнему приходится потрудиться, чтобы не загонять чувства внутрь, чтобы они не проявлялись головными болями и другими физическими проблемами. И в глубине души я — по-прежнему девочка, которая хочет к маме. Все мы такие. Когда я думаю о тех мгновениях в жизни, когда ощущала сильнейшее утешение и защиту, — я думаю о ней. О том, как мне подтыкали одеяло ночью. Или о том, как я входила в дом, умирая от голода после волейбольной тренировки — и видела, что на столе меня уже ждет обед. Об ощущении ее рук, когда она несла меня в бассейне. О том, как надежно было обнимать ее, когда она медленно двигалась в воде, направляя меня и любя. Она по-прежнему та, с кем я хочу поговорить, когда проснусь, увидев

кошмар. Когда я звоню ей среди ночи после дурного сна — а такое случается пару раз в год, — она всегда берет трубку. Всегда. Когда она мне говорит: «Все будет хорошо», — я ей верю и снова засыпаю. Я ее люблю.

Но — не заблуждайтесь. Если бы я знала, что в конце концов превращусь в нее… Если бы, как в «Войне миров Z», у меня было пять секунд до того, как я полностью перерожусь в свою мать, — да я бы сделала харакири, не задумываясь. Если у вас есть дети и вы это читаете, есть вероятность, что вы не так хитры, как моя мама. Я знаю, она цветочек редкий. Но не торопитесь одобрительно хлопать себя по плечу. Неважно как, но вы тоже все равно испортите своим детям жизнь. И они будут вас ненавидеть в ту минуту (или две, или три), когда станут собирать обломки своего детства. Любой, кто утверждает, что обманул эту систему, попросту врет. А в моем мире это — огромное преступление.

Через что бы ни заставила меня пройти мать, я все равно благодарна ей за то, что она вырастила меня, дала поверить, что я талантливая, умная и красивая. Она сделала меня той, кто я есть — человеком, который, по иронии, выше всего ценит уязвимость, честность и неподдельность. Я бы хотела, чтобы у нас были нормальные отношения матери и дочери. Если такие вообще бывают. Не знаю, возможно ли для нас такое, но я считаю, что семья — это постоянные переговоры. Я не махнула на нее рукой. Не могу и никогда не смогу.

Нью-йоркские квартиры

В прошлом году я купила первую свою квартиру в Нью-Йорке — сбывшаяся мечта в чистом виде. Я прожила здесь почти всю взрослую жизнь, но всегда снимала. И желела, чтобы у меня был свой собственный дом. Родилась я на Манхэттене, но, проведя здесь первые несколько лет жизни, вынуждена была остаток детства — и все отрочество — восхищаться им из дальнего пригорода на Лонг-Айленде. Но сразу после колледжа я вернулась и с тех пор живу здесь. Даже после того, как моя карьера пошла в гору, я осталась в Нью-Йорке, а не переехала в Лос-Анджелес — как, в конце концов, делает большинство в нашем деле. Я никогда не уеду. Здесь мой дом. Место, где я могу полностью быть собой. Даже если «быть собой» означает, что жить придется с трупиками тараканов, крысиным пометом и — что еще хуже — с парнями.

Я, мать его, люблю Нью-Йорк. И понимаю его лучше, чем любое другое место. Расти в пригороде — это было не мое: большие дома на широких улицах, разделенные огромными дворами и заборами. Большие парковки возле гигантских магазинов. Когда ты в городе, все без вопросов так близки друг к другу — буквально, физически, — что и выбора у тебя нет, как только постоянно натыкаться на других людей. Мне это всегда казалось таким уютным по сравнению с Лонг-Айлендом. Как в фильме «Побережья», где они живут вместе в поганой квартирке в Нью-Йорке и поют рождественские песни. Вот о чем я мечтала, когда была маленькой и представляла, что я — взрослая и у меня есть своя квартира.

В том, чтобы все время сидеть друг у дружки на башке, масса плюсов. Всем приходится ходить по одним улицам, дышать той же адской вонью от горячего мусора, и никому не лучше, чем остальным. Здесь все человеческое, до боли. Сама, нах, королева Англии может налететь на вас в метро, а вы ей так: «Смотри, куда прешь, сука». Хахахахаха. Я никого никогда не обзывала сукой в метро. Но сценка смешная. Кто-нибудь, нарисуйте такую карикатуру, а?

Я жила почти во всех районах всех округов Нью-Йорка, кроме Бронкса и — разумеется — Статен-Айленда. Не в обиду будет сказано клану Ву-Чанг, я придерживаюсь позиции «никакого Шаолиня (Статен-Айленда)». Так что многие важные жизненные уроки, которые я выучила, просто написаны в этом городе повсюду: на улицах, в метро, барах, ресторанах, театрах, парках и в клубах комедии. К счастью, все эти уроки полностью потерялись

в тумане из мочи и баллончиковой краски, среди конфетти клопов и легкого налета борьбы за существование. Это волшебство Нью-Йорка — всегда начинаешь с нуля и двигаешься очень быстро. Так можно, на самом деле, описать очень многое в жизни: мои отношения с мамой, мою карьеру, мой пищеварительный тракт. По сути, я ничего и не выучила, кроме одного — *продолжай движение*.

Я привыкла к движению. Больше десяти лет проездила по гастролям как комик. А до того, как я уехала в колледж, наша семья раз десять меняла место жительства. Но теперь — ох, как же хорошо притормозить! Обожаю свою квартиру. Там полно всякого, что делает дом домом. В спальне — большая кровать с мягкими, как футболка, простынями и, разумеется, мои отвратительные игрушечные звери. В кухне хорошая сковородка, чтобы по утрам жарить яичницу, и куча хитрых чаев, которые я никогда не пью. А еще вино, которое я пью (его у меня достаточно, чтобы пережить апокалипсис). В гостиной должен быть хорошего размера телевизор. Нельзя, чтобы он был унизительно маленьким, но слишком большой тоже не нужен — зачем мне «Холостяк» в IMAX? Мне просто надо каждую неделю записывать «В субботу вечером» и видеть белки глаз Холостяка. Квартира у меня с одной спальней — на последнем, четвертом этаже без лифта; холл и коридоры там жутковатые, и никто не хочет ходить ко мне в гости, потому что высоко лезть по лестнице, но мне все равно. Она моя, и у меня ушло тридцать четыре года на то, чтобы ее завести! Последние десять я все время что-то снимала с соседом, постоянно переезжала и хранила вещи у мамы. Сколько раз я переехала и скольким хозяевам платила больше половины своего ежемесячного дохода — вспоминать замучаешься.

Я никогда не хотела идти на компромисс и снижать ставки в другом городе. Мне всегда был нужен Нью-Йорк. Знаю, я — то еще трепло, но от этой цели я никогда в жизни не отклонялась. Даже если бы мне пришлось жить в обувной коробке — мне было бы все равно, если бы коробка стояла в НЙ. Первая моя квартира в Нью-Йорке была на углу Орчад и Хестер, в Нижнем Ист-Сайде. Студия за восемьсот долларов в месяц — крошечная. Крошечная квартира в Нью-Йорке не похожа ни на одну в стране. Я жила у друзей, работавших ассистентами на съемках в Портленде, Орегон; они говорили, что у них квартиры маленькие. А потом я заходила в большую квартиру со спальней и балконом и думала: *Да идите вы. Вы понятия не имеете, о чем говорите*. Маленькая в Нью-Йорке — это прям маленькая, без дураков. То есть воду в туалете можно спустить, дотянувшись от входной двери, на

которой, к счастью, девять замков. И у вас даже нет свободной площади в том углу, где у вас кухня, чтобы запасти вина в коробках — потому что коробка в холодильник не влезает, буквально. Мне в то время было двадцать два, я не могла позволить себе снимать квартиру одна, так что я повесила объявление на крейглисте, что ищу соседа. Да, соседа — в квартиру-студию. Эй, я же говорила, что хочу уюта, правда? Ну вот это он и был. Это жизнь как таковая, многие ньюйоркцы так жили. Квартира была, может, шесть на девять, и когда я въехала, там была жуткая грязь. Мы с мамой отдраили ее и миленько обставили. Я положила на кровать свои любимые простыни, и мне казалось, что я в раю, потому что квартира — моя.

На объявление отозвалась девушка по имени Бритни, она была с юга и приехала учиться в школу искусств. Мы поговорили разок по телефону, потом она въехала. Знаю, что это звучит как начало дешевого ужастика, но она была милая, чистоплотная, и мы отлично ладили. Никогда не ругались. Кабельное мы себе позволить не могли, но у нас был маленький телевизор, и мы смотрели с дисков «Секс в большом городе» и «Уилла и Грейс». Сейчас вспоминаю это как, наверное, лучшее время в моей жизни.

После уплаты за квартиру на еду почти не оставалось. К счастью, жили мы в Чайнатауне, а там еда бывает очень дешевой. Прямо за углом был цех, где лепили пельмени; за пять долларов можно было купить огромный пакет — хватало на неделю. Я в тот год съела рекордное количество пельменей. Не питательно, но вкусно. Лицо у меня опухало, а губы шелушились от соли. Потому что единственное, как их можно и нужно есть — это утопив в соевом соусе с высоким содержанием натрия.

Цены на недвижимость — и даже просто цены на аренду — в этом городе такие, что восприятие мира искажается. Аренда так высока, а хорошего жилья так мало, что иногда уговариваешь себя на очень скверные решения. Разберем пример. Вновь съехавшись с Дэном после отключения электричества в 2003 году, я убеждала себя, что мое стремление наладить отношения с бывшим парнем, который меня обижал, никак не связано с его славной квартиркой, где две спальни. Связь была, конечно. Не то чтобы мне не нравилось каждый вечер поднимать откидную кровать к стене. Отличный способ передавить всех клопов и освободить место, чтобы лечь на пол и поплакать.

Дэн в то время жил со своим приятелем Робом на Манхэттене в Марри-Хилл. Они с соседом оба были мальчиками из хороших семей, которые всегда могли положиться на то, что какой-нибудь богатый родственник выпишет им содержание, если дела пойдут не очень; но ни работы, ни собственных денег у них не было.

Сосед был мерзкий, типичный молодой американец, завсегдатай паршивых баров, где играют паршивый классический рок и паршивые белые детки пропивают деньги своих родителей. Я ехала на работу на метро и целый день таскала клиентам рибаи в стейк-хаусе на станции Гранд Сентрал, а Дэн занимался бог знает чем. Он изо всех сил старался какое-то время держаться в рамках, но в итоге все равно у него опять поехала крыша, и он начал меня пугать. Не забываем: это был тот самый парень, который кидался на меня с ножом. Я знала, что продолжать с ним жить — опасно и глупо, но вместо того чтобы съехать самой, уговорила его перебраться к маме. Не сказать, чтобы это было сложно: мама у него была добрая, а квартира у нее офигенная. Как раз в то же время Роба пригласили путешествовать по Европе с кузеном, а он не хотел уезжать и оставлять свою девушку Мэри. Но Мэри он надоел, и она с жадностью поглядывала на квартиру; так что Мэри убедила его все же поехать. Когда мальчики отбыли, мы с Мэри остались там вдвоем. Помню тот день, когда Дэн и Роб оба официально покинули дом. Мы с Мэри прыгали на кроватях, как девчонки, празднуя здоровый выбор в отношениях и избавление от этих мужиков. Но в основном, думаю, мы радовались тому, как смешно получилось — мы выжили наших парней из их собственной квартиры. Смысл этого печального рассказа в том, что я на все была согласна, чтобы жить в любимом городе. И даже несмотря на то, что «все» включало в себя неудачный выбор парня, я все равно считаю добрым знаком то, что была достаточно настойчива, чтобы прорваться из одного отвратительного жилья по завышенной цене в другое.

Я вечно сражалась и упиралась, чтобы устроиться поудобнее и платить поменьше. Однажды снимала квартиру в Бруклине пополам с семейной парой, которым нужна была соседка, чтобы осилить аренду. Или так они мне сказали. Они уделяли мне очень много внимания, и я себя чувствовала по-настоящему нужной, но вскоре поняла, что все это — лишь потому, что они больше не хотят быть вдвоем. Мое присутствие должно было отвлечь их от надвигающегося развода. Некоторые пары заводят ребенка, чтобы спасти брак — а эти двое завели официантку/комика/актрису двадцати с лишним лет, которая съедала куда больше своей доли продуктов, за которые не платила. Эта тактика не сработала: они в итоге разошлись. Но какое-то время я благодаря им продержалась. Так что — ура паре, которая спасла меня от того, чтобы опять переехать к маме или катапультироваться в пригород.

Еще я хотела бы прокричать ура в честь своей одинокой соседки, которая любила спускаться по лестнице совершенно

голая от талии вниз, иногда — затем, чтобы привлечь внимание моего парня. Ура тому старику, который все еще жил в моей новой квартире, когда я въехала. Нам с соседкой пришлось паковать его одежду и складывать в коробку его огромную коллекцию винтажных журналов с обнаженкой. На одном из них красовалась девушка в свитере школьной команды, так похожая на меня. Журнал назывался «Мордашка». Мне польстило то, что когда-то такие девушки, как я, пользовались спросом — девушки, похожие на кукол «Сестричка» из восьмидесятых или на кого-нибудь из героев мультика «Дети Мусорного Бака». О, и еще одно, особенное ура соседке, которая пригласила к нам отмечать Хеллоуин ровно треть Манхэттена, и вечеринка закончилась тем, что я обнаружила агрессивного чувака, трахающего в задницу женщину в ковбойском костюме в моей незапертой ванной.

В общем и целом, печальную череду моих нью-йоркских квартир объединяло то, что я мирилась с полчищами паразитов, с неадекватом и «уютом», чтобы быть там, где мне хотелось. Считаю, что нужно бороться за то, чего хочешь. Горжусь тем, что почти все решения по поводу жилья принимала, исходя из желания остаться в городе, в котором мне хотелось быть. Я бы не прошла такой путь как комик или просто как человек, если бы не осталась здесь.

Отклонялась я от этой модели, наверное, только тогда, когда меня отвлекал парень, и я начинала переезжать ради свиданий — не очень хитрая, но удивительно действенная тактика. Кроме уже упоминавшегося переезда к Дэну, в двадцать пять у нас был очень славный дом с моим парнем Риком. Он совершенно не был готов со мной жить, но меня это не остановило: я его продавила, и он разрешил мне к нему переехать. Я за свою жизнь жила с четырьмя парнями, и всех их втянула в это обманом. Кончалось все всегда плохо. Не думаю, что я вообще хотела жить с Риком, но я хотела, чтобы он со мной жил. Женщиной быть так прикольно!

В общем, мы с Риком жили вместе в Бруклине, в маленькой, но не такой уж и кошмарной однокомнатной квартире. Мы весь день пахали в своих ресторанах и на временных местах в офисах, а потом я выступала вечером со стендапом — тогда я только начинала этим заниматься. Около десяти вечера один из нас готовил ужин, потом мы смотрели кино, которое получали почтой с Netflix. Пили вино, курили траву, ели мороженое. Холодильник был достаточно большим, чтобы все это в нем помещалось! Рай на земле. Чего еще хотеть от жизни, когда ты укурился, наелся и занимаешься сексом — если, конечно, не слишком наелся? Как бы то ни было, прожив какое-то время вместе, мы с Риком влюбились друг в друга и по-настоящему друг

друга волновали. Мы смешили друг друга, смотрели друг другу в глаза — и, казалось, все будет хорошо. Но я была с ним во время важного поворота в своей жизни — когда всерьез заболела комедией (о чем рассказывала вам в главе «Как стать стендап-комиком»). Заболела я по полной программе, и единственным лекарством было — ездить с концертами и больше выступать. Я не могла и подумать о том, что поставлю что-то в своей жизни выше этого. Даже парня, которого любила. Еще я начала понимать, что я интроверт (о чем почти сразу рассказала вам в этой книге), который лучше работает, если больше времени проводит в одиночестве. Так что, несмотря на то, что эта как-бы-семейная жизнь какое-то время была очень славной, однажды я поняла, что она не для меня. По крайней мере не в тот момент. После нашего расставания (когда я участвовала в «Последнем выстоявшем комике») я довольно долго практически жила в дороге.

Можно было бы предположить, что я все поняла про совместную жизнь с парнями, но вскоре я увлеклась чуваком Дэвином, ходившим со мной на занятия актерским мастерством. Он был просто огонь, и в итоге я переехала в Квинс — а точнее, в Асторию, чтобы расставить ему ловушку и заставить со мной встречаться. Сработало. Но подшутила я сама над собой. Я не только переехала в худшую часть Квинса, но и получила клопов — целое одиннадцатое сентября клопов, а они, если уж вошли в твою жизнь, становятся логистическим и экзистенциальным кошмаром. Избавиться от них практически невозможно — приходилось подвергать моих бедных престарелых игрушечных зверей пугающему катанию в сушилке, выставленной на максимум. И все мои знакомые по-тихому уценили нашу дружбу. Я не преувеличиваю, это еще одна классическая нью-йоркская история — некоторые сразу стирают тебя из телефона, когда узнают, что тебя постигла эта кара египетская. Но дело даже не в клопах. В Астории много красивых мест — но не там, где я жила!

Я там ходила в самый жуткий спортзал с ковровым покрытием. На нем было объявление, что он «только для женщин» — что почти всегда переводится как «отстой». Построен он был на уклоне, так что на беговой дорожке весь вес приходился на одну ногу. В районе было много мусульманок, они занимались на эллипсах в своих паранджах, а их мужья сидели в холле и ждали, пока жены закончат тренировку, при этом пялясь на нас. Когда тебя смотрит гинеколог с болезнью Паркинсона — и то куда приятнее, чем это. *Эми, это невежливо по отношению к людям с ужасной болезнью, мы все с ума посходили от возмущения и уже пишем об этом на форумах*. Ладно, вы правы, извините. Но

расслабьтесь: у первого гинеколога, к которому я пошла, на самом деле была болезнь Паркинсона, и это было ужасно. Ему был миллион лет, и, придя на ежегодный осмотр, я узнала, что он умер. Новый сказал мне об этом, когда его пальцы были у меня внутри, и он давил мне на яичники. Предыдущее предложение станет заглавием моей новой книги.

В защиту того, как у меня получилось с Риком и Дэвином, скажу, что просто собрать вещи и переехать в один район с парнем, который тебе нравится, — это очень здорово. В детстве дружишь с кем-то из-за доступности — и я выяснила, что с мужиками то же самое. Поэтому многие из них спят с нянями: потому что ОНИ ЖЕ ВОТ ОНИ! И к тому же я по-прежнему дружу с обоими парнями. Они оба потрясающие актеры, а Дэвин Дейн (хахахаха, его настоящее имя — Кевин Кейн) стал моим партнером по работе во всем, за что я берусь.

Кажется, я могла бы написать целую книгу — и обо всех мерзких и жутких местах, где жила, и о своих стремных либо чудесных соседях. Каждая квартира была остановкой на дороге, которая вела меня туда, где я хотела быть. Я не переставала переезжать и не старалась устроиться поудобнее — потому что хотела быть готовой ко всему, что ждет меня впереди.

Теперь, когда у меня, наконец, есть свое жилье, может быть, я задержусь подольше. У меня есть все, что мне нужно. Рядом есть даже небольшой пруд, возле которого я люблю заниматься своим любимым видом спорта — долгой старческой ходьбой со сконом вприкуску. И, ребята, у меня в кухне есть холодильник для вина! (Разве не одно к одному? Неужели я выкупила себя из времен, когда приходилось пить вино из коробки через соломинку? Нет, потому что и его я по-прежнему пью. Только недавно узнала, что слишком охлаждаю шардоне — даже не в курсе была, что так бывает. Но сейчас вся моя жизнь посвящена исправлению этой ошибки!) В общем, пока я живу в этом городе и не слишком далеко от второго своего дома («Камеди Селлар»), я счастлива.

Подозреваю, что не буду сидеть на месте всю жизнь. В буквальном смысле. Я могу переехать еще в пару (сотен) квартир, но они все всегда будут на том же острове Манхэттен, и я буду кружить у того же пруда, круг за кругом, пока не состарюсь. В Лос-Анджелесе, наверное, есть водоемы побольше и получше, но я почти уверена, что там законом запрещено перемещать выпечку из одного места в другое. Можете себе представить, чтобы кто-то, например, в Беверли-Хиллз вломился в фитнес-центр с куском киша наперевес? А мне это иногда нужно. Но даже если с этим там все в порядке, в ЛА я никогда не буду дома.

Отключки и стволовые клетки

Я плачу налоги. Голосую — за любимых участников комедийных реалити-шоу, но еще и на выборах. Звоню друзьям в дни рождения. Пользуюсь банным полотенцем не дольше недели, прежде чем отправить его в стирку. Ежедневно пью рекомендованное количество воды. Держу банку. Все это говорит о том, что я взрослая. Вообще-то… вот написала я это — и тут моя двадцатичетырехлетняя ассистентка принесла мне перекусить, крекеров и хумуса. Так что, наверное, мне еще есть над чем поработать.

Но когда я училась в колледже, до взрослости точно было еще пилить и пилить. Ничего из вышеперечисленного я не делала. На первом курсе я пила так: два пива у себя в комнате в общаге, потом в бар, где употребляла примерно четыре мартини. Четыре настоящих мартини — я про те, что с водкой «Кетель Уан» и «грязные», и я всегда возвращалась к бармену и жаловалась, что «грязи» многовато, чтобы мне бесплатно долили водки. Все остальные заказывали то, что обычно заказывают студенты — типа водки с клюквой или «Джека…» с колой, но у меня всегда было пиво и мартини. А потом я иногда завершала вечер вином или шампанским, хотя отмечать было нечего.

Как оказалось, я выиграла в генетическую лотерею — вышла одной из тех телочек, которые склонны отключаться. Тем из вас, кто не учился в старшей школе или не ходил на вечеринки в колледже, скажу, что отключка — это когда мозг засыпает, но тело продолжает делать то, на что нацелилось твое в жопу пьяное естество. Отключиться — это не вырубиться в пьяном ступоре. Это совсем наоборот. Мозг спит, как невинный младенец, а тело зажигает и продолжает принимать решения. Решения типа: *Давай поедим этих «ходячих тако» в одном месте в Чикаго, где тако едят, накидав в пакет с «Фритос», пихают прямо горстью в рот*. Потому-то отключки так опасны. С виду можно казаться просто пьяной девчонкой, но на деле ты — зомби, который потом ни фига не вспомнит. По-настоящему штырит в отключках то, что иногда приходишь в себя, *пока еще занят* тем ужасом, к которому тебя потянуло, когда отключился. Внезапно снова появляешься в своем теле, как путешественник во времени, — и понятия не имеешь, сколько тебя не было.

Лучше всего — то есть технически хуже всего — я помню, как отключилась в колледже вот каким манером. Сначала полностью выписался мозг, а потом я вдруг вернулась в свое тело и осознала все вокруг. Поглядела на юг, а там какой-то незнакомец меня

обрабатывает, прямо в моей постели. А? Что? Але! Я повторю. Кто-то, кого я никогда в жизни не видела и с кем не была знакома, шурует языком у меня в вагине, как будто золото ищет. В то время я встречалась с одним парнем, и это был не он. Этого чувака я не знала, но он явно со мной сближался. Я легонько похлопала его по плечу, потому что не хотела пугать, и к тому же — что я о нем знала к тому моменту? Чувак явно настоящий джентльмен: он мне лижет, а это деяние, достойное рыцарского звания. В лучшие дни — когда я знаю, что у меня будут гости, только что приму душ и всячески себя обихожу — моя вагина все равно пахнет, как мелкий зверек со скотного двора. Свежевымытая коза или что-то такого же размера и мощи. Но в целом хорошенький зверек. Встретишь такого в зоопарке — обязательно купишь гранулированный корм, чтобы угостить. Это в лучшие дни. А в худшие? После того, как я пила всю ночь? Наверное, как нечищеный аквариум с акулами. Я так думаю, что лизать мне после ночи в городе — это как Индиане Джонсу зайти в какую-нибудь опутанную паутиной комнату, где нужно сделать мудрый выбор из чаш.

Этот святой поглядел на меня, когда я его побарабанила по плечу. Горячий парень, так что я себя мысленно хлопнула по плечу и подумала: «*А ты молодец, Шумс*». Он посмотрел вверх, но остался внизу, поэтому пару секунд это выглядело так, словно я его рожаю. Я сказала: «Привет, я Эми, не думаю, что имела удовольствие…» Он очень смутился — до того, как я успела сказать «…быть представленной». Бережно, как только могла, я объяснила, что произошло. Чувак ооооочень быстро сбежал. Я ворвалась в комнату к соседке, Дениз, и спросила: «Зачем ты мне позволила привести домой случайного мужика? Ты же знаешь, у меня есть парень!» Она опешила и тут же начала защищаться. Судя по всему, я даже не выглядела особо пьяной, когда весь вечер ходила по бару именно с этим парнем — и мы держались за руки, как будто мы пара. Дениз так поняла, что я сознательно его выбрала и бросила своего бойфренда. Я же в буквальном смысле не помнила, где его подцепила. Несколько лет спустя я встретилась с ним в баре и очень, очень извинялась. Он, казалось, немножко напрягся, но попытался сделать вид, что не возражает. Зная, с чем чувак в ту ночь столкнулся у меня между ног, думаю, он, скорее всего, обрадовался, что так легко получил от меня карточку «освобожден-из-тюрьмы-выметайся». Он, наверное, передернулся, увидев меня, а в его памяти внезапно всплыли сцены подводной рыбалки и старый затонувший корабль, покрытый планктоном и водорослями. Я этого, кстати, не стыжусь. Вагина должна выглядеть и пахнуть, как вагина. Так что,

дорогие женские журналы, уберите-ка от меня свои странные ароматизированные моющие средства. Я позволю своей сохранить естественный аромат куриной лапши; большое спасибо.

Были у меня в колледже и другие примечательные отключки — вроде той, когда я съела пиццу от «Папы Джонса» целиком или когда опрокинула такси в кювет и ободрала руки, выбираясь из него. Еще я как-то раз пошла домой к какому-то чуваку, у которого было больше двух питбулей — а это самый красный из всех красных флагов. И еще сестра до сих пор любит мне напоминать про тот случай, когда я посадила ее в машину к незнакомцам, чтобы подольше потусоваться. Во время отключек я обычно ем как в последний раз — но тот случай, когда мой мозг уснул, а я позволила незнакомцу разбудить свою немытую вагину, определенно держит первое место. Хочу призвать всех юных дам, читающих это, избегать употребления алкоголя в опасных для вас количествах — особенно если ваши гены выкинули вот такой фокус и с вами случаются отключки. Это до безумия опасно, и мне повезло, что попался хороший парень, который отнесся к моей интимной зоне как к ресторану «Золотой Кораль».

Но вернемся к той части, где говорилось, что сейчас я — закаленный умный взрослый человек. Я довольно часто пью вино и скотч, — иногда мартини или текилу, просто намешать, — но не злоупотребляю, и уж точно не напиваюсь до отключек. Дело не только в уроке, который преподала мне Эми эпохи колледжа: мне просто честно больше не нравится быть пьяной. Я тут не выступаю за сухую трезвость. В смысле, с ума-то не сходите. Но теперь мне не нравится заходить дальше легкого подпития. Мне хорошо, и я полностью взяла свое поведение под контроль.

Ребят, я тут отключилась пару месяцев назад.

И этим не горжусь. Не думаю, что это мило: это даже не смешно. Но иногда печальное и сложное стечение обстоятельств спускает тебя под откос, морально и физически. И все, что можно сделать — это посмеяться. Потом поплакать. А затем напиться.

Все началось с того, что женщина по имени Мег пошла с подругой на «Катастрофу»[96]. У Мег рассеянный склероз, она не знала, что РС в фильме будет занимать такое место, но в итоге ей очень понравилось, что его включили в историю. И Мег написала мне — потому что ей хотелось связать моего папу с невероятным врачом из Нью-Йорка, который ей помог.

Доктор Садик — единственный врач в Соединенных Штатах, которому Управление санитарного надзора разрешило лечить пациентов с РС стволовыми клетками. Для меня мысль о том, что папе может стать лучше, находилась за пределами возможного.

Тысяча благодарностей дорогой Мег, я очень воодушевилась из-за предстоящей встречи папы с доктором Садиком — но при всем при этом мне не хотелось ни на что особо надеяться. С годами я заметила, что папина готовность принимать лекарства и следовать врачебным рекомендациям пошла на убыль. В клинике, где он сейчас живет, ему несколько раз в неделю предлагают физиотерапию, но ходит он туда нерегулярно, а иногда и вовсе не ходит. Я несколько месяцев оплачивала ему специалиста по акупунктуре, — а он, ни слова мне не сказав, попросил ее больше не приходить. Пару лет назад мы с ним из-за этого поругались. В итоге он на меня наорал, что просто больше не хочет пытаться.

И вот это меня раздавило. Когда я поняла, что он выбросил полотенце и хочет просто позволить болезни сделать неизбежное, мое сердце разбилось. Тем, у кого РС, приходится справляться с очень многим: им трудно есть, ходить, контролировать внутренности (что хорошо отражено в этой книге) — не говоря уж о том, как рассеянный склероз подрывает когнитивные способности и эмоциональное равновесие. Папа никогда не смотрел на жизнь, исполнившись надежды. Он всегда был мрачным. Даже в пору папиного расцвета, когда он был молод, богат и красив, Тим Бертон в сравнении с ним показался бы Ричардом Симмонсом. Но тут было другое. Он велел мне отступить и дать ему угаснуть. Я не виню папу за то, что он захотел сдаться, — но то, что он сказал, меня все равно сломало.

С тех пор я скорбела по папе, который еще жив. С рассеянным склерозом ясно одно: физические возможности будут отказывать все больше и больше, пока совсем не иссякнут. Из-за этого мы пережили вместе множество «последних разов». Самым душераздирающим был последний раз, когда мы отправились на серфинг. Мы всегда любили вместе кататься на волнах, — поэтому, когда стало понятно, что папа скоро не сможет ходить, он попросил меня в последний раз сопроводить его на пляж. День был довольно облачным, в воздухе чувствовалась прохлада. На пляже — только мы с папой, больше никого. Когда мы зашли в океан, я сделала смелое лицо. Волны были сильными — приходилось напрягать ноги, чтобы пройти прибой. Папа боролся. Я видела, как его сбивает с ног, и меня размазывало. Я завела его в воду и отвернулась к морскому горизонту, чтобы папа не видел, как сердце у меня вываливается из груди в море. Видеть своих родителей в такой физической немощи — этого я не пожелаю никому.

Мы ждали хорошую волну. Последнюю, на которой прокатимся вместе. Когда мы увидели, что она на нас идет, мы встретились глазами и кивнули друг другу, как джазмены,

сговорившиеся выйти на бридж. Мы присели, склонились к берегу, подняв руки над головой — и нырнули. Катились и катились на ней — на долгой, мощной волне. Чувствовали, как нас несет сила океана. Когда мы остановились, я подняла голову, чтобы посмотреть, где папа. Он был рядом со мной, щурился от соленой воды и убирал волосы с глаз. Он взглянул на меня, и мы улыбнулись друг другу — широко-широко, тараща друг на друга глаза, чтобы не разреветься. Я взяла его за руку и вела, пока мокрый песок не сменился сухим. Мы отдышались — стараясь не поддаваться серьезности момента.

Я никогда не хотела отказаться от надежды, что однажды мы снова выйдем туда вместе. Но ни одно из исследований РС, которые я читала, не позволяло думать, что такое возможно. Поэтому я решила, что не буду пытаться вылечить папу, а вместо этого стану делать все, что могу, чтобы его пребывание на этой земле было как можно более приятным и удобным. Попроси он меня привезти ему пятьсот леденцов «Вертерс Ориджинал», чтобы сосать их без перерыва, — я бы привезла. Пожелай бухла (хотя он меня никогда об этом не просил), — я бы обеспечила. Попроси печенья с травой (а вот это просил), я привезу. Я все сделаю для папы. Куплю ему хоть экзотический танец, хоть экзотическую кошку — да что угодно.

Поэтому, получив от Мег мейл про доктора Садика, первым делом я вспомнила обещание, которое дала папе — оставить его в покое. А потом подумала: *ДА НИ ХЕРА! Он пойдет к этому врачу!* Мне было реально наплевать — даже если бы пришлось везти его на каталке, а он бы брыкался и орал. Ну, брыкаться он уже не может, просто бы орал.

И в итоге я его даже не стала спрашивать. Просто сказала, что отвезу к особенному врачу — и так это сказала, чтобы все прозвучало волнующе и волшебно, как будто этого стоит ждать. И папа заглотил наживку.

На следующий день его два часа везли с Лонг-Айленда на встречу со мной, Ким и доктором Садиком в его кабинете на Манхэттене. С папой никогда не знаешь наперед, что тебе достанется сегодня. Из-за лекарств он бывает не в себе, бывает даже каким-то злым. Но когда он в тот день появился из лифта в приемной врача, улыбался и не выдал никому из окружающих ничего гадкого. Папа может вести себя как заправский умник и с юмором выкладывать свои соображения людям — но иногда он совершенно не смешной, а просто недобрый. Я видела, как он кричал на двух заботливых милейших санитаров, которые просто пытались ему помочь снова сесть в коляску. Он груб с медсестрами: если повезет, то держится высокомерно и холодно,

а если нет — заигрывает и ведет себя агрессивно. Но в тот день он не позволил себе никаких неподобающих взглядов и прикосновений. В какой-то момент, когда медсестра спросила, кто из нас старше, Ким или я, он ответил: «Крупненькая», — и указал на меня. Но если не считать этого легкого наезда, все шло неплохо.

Мы с папой держались за руки, пока доктор Садик объяснял, к чему приведет в ближайшие полгода лечение стволовыми клетками. Разговор еще не дошел до середины, а папа перебил доктора Садика, прямо на половине фразы:

— Мне надо пописать.

Сопровождающий отвез папу в туалет, где он пробыл очень долго. Дольше обычного раз в пять. Пока отец был в уборной, доктор Садик объяснил, что лечение стволовыми клетками может как минимум привести к значительному улучшению — и даже, возможно, снова позволит папе ходить. Отличные, поразительные новости. Но по нам с Ким, наверное, было видно, что мы не купились — поскольку доктор Садик начал ссылаться на тех, кто мог подтвердить качество его лечения.

— Нет, доктор, мы не из-за вас волнуемся, — сказала я.

Я решила говорить прямо. И признала: да, я очень боюсь, что отец либо воспротивится лечению — вообще, полностью, наглухо, — или с ним станет так трудно, что врач откажется им заниматься. Доктор Садик — человек настолько упорный и настолько преданный своей работе, что иногда даже ночует в кабинете, — не без юмора парировал:

— Нет-нет, я буду его лечить, нравится ему это или нет. Он может дать мне в челюсть или обзываться, но я его все равно не отпущу.

А потом доктор своим обычным тоном, как само собой разумеющееся, заметил:

— Просто ваш отец не хочет попусту надеяться.

Меня пронзила боль. Ну конечно же. Почему я сама этого не поняла? Это очень важная тема в моей жизни, даже в моем фильме. «Катастрофа» — это во многом письмо с объяснением в любви моему отцу. Там я попыталась ему сказать: «Пусть ты нехорошо обходился с людьми и совершал ошибки, — я тебя люблю, и твоя жизнь не прошла незамеченной». Я хотела, чтобы он увидел себя так, как вижу его я — человека больного, несовершенного, но в то же время, как мне кажется, просто чудесного. Надо понимать, потребность защитить себя, доходящая до полного скотства, у нас в крови. Мы с отцом оба так часто обжигались, что ограждаемся юмором и мрачностью от того, что может причинить боль. Я крепко насела на папу за то,

что он не хотел бороться с РС, но и он сопротивлялся не без причины. Его уже столько раз сбивало с ног. В буквальном смысле.

Мы с Ким немножко всплакнули и понимающе кивнули доктору Садику, когда папу вкатили обратно в кабинет. Я сжала его руку; было ясно, что у него слегка испортилось настроение.

Я задержала дыхание; прямо на папу я смотреть не могла. А доктор Садик тем временем подробно объяснял, что ждет его в ближайшие полгода — и, хотя не обещал, что будет легко, сосредоточился на результатах.

Во время обсуждения папа смотрел в пол, и доктор Садик мягко замечал: «Посмотрите на меня, Гордон». Когда он закончил объяснять, папа опять опустил глаза. Повисла долгая тишина. Мы все сидели, не шевелясь.

А потом папа поднял глаза и сказал:

— Ладно, буду надеяться на вас и поверю вам.

Мы с Ким ушам своим на хер не верили. Я никогда в жизни не слышала, чтобы папа произносил слова «надеяться» и «верить». По-моему, он мог бы подойти к Стене Плача или сидеть с Далай-ламой на горе в Тибете — и его бы вывело из себя, если бы кто-то рядом слишком громко напевал. Или он вдруг пожаловался бы на то, что хочет есть. Не духовный папа человек.

Я обняла его и тут же села на свое место. Слезы сами покатились по моему лицу. Наклонившись к папе, я сказала: «Я так тобой горжусь! Я тебя люблю!» Дело было не в том, что он согласился на лечение. Дело было в том, что у него все-таки осталась надежда.

Мы назначили следующий прием у доктора Садика, попрощались, и я пошла домой, провести вечер с моим парнем Беном. Бен очень добрый. Меня потряхивало от переживаний, но я старалась держать себя в руках. Мы уютно устроились в гостиной, и я воскликнула:

— У меня был трудный день. Хочу сегодня вечером выпить вина!

Я откупорила бутылку, взяла бокал. Мы начали смотреть новую серию «Девочек» [97], и она — такое совпадение — была про отца Ханны, который переживал непростое время, решив стать открытым геем, и только что признался в этом Ханне. Роли родителя и ребенка поменяли местами, Ханна пришла отцу на помощь, когда он загрустил и растерялся. Серия заканчивалась тем, что они идут через Таймс-сквер вдвоем, и он с печалью говорит: «Я не знаю, что делать», — а Ханна отвечает: «Все хорошо, я с тобой… я всегда буду с тобой».

Все слезы, которые я смогла удержать за всю мою жизнь, в

тот момент вылились разом. Дамба открылась, и я безудержно разревелась. Бен был зайкой — он смотрел, как у меня течет из носа на диван, и я вся была в соплях; а когда, наконец, отдышалась — он меня обнял. Отревевшись, я выпила еще бокал вина и взяла косяк. Я хотела, чтобы этот день закончился поскорее. Понять все, что я поняла про папу, было само по себе непросто. А тут еще рядом оказался мой парень, и все это произошло при нем. Отец — алкоголик и мать — уж не знаю, кто; поэтому я почти не способна поверить, что те, кого я люблю, не сделают мне больно, причем так, как от них в жизни не ожидаешь. Мне приходится бороться со своими первыми побуждениями и обуздывать инстинкты, чтобы принять хоть какую-то любовь. Тот вечер не был исключением.

Пора было закругляться с этим днем. И побыстрее. Я приняла пять миллиграммов амбиена — почти предельную для себя ежевечернюю дозу — и стала готовиться ко сну. Ноги у меня ныли из-за восьми миль, которые мы с Беном проехали с утра на велосипедах. (Фу, мы такая белая пара, просто бесит.) Я была вымотана — и физически, и умственно — и к тому же немножко пьяна. Добавить в коктейль еще и амбиен было не очень разумно: как я совсем скоро узнала по своему суровому опыту, он усиливает воздействие алкоголя — и наобо-его-в-рот. Если бы подробности произошедшего вам излагала я, то я бы сказала, что выпила еще бокал вина, а потом проснулась утром.

Но по рассказам моего любящего терпеливого парня (который, когда я наутро открыла глаза, невидяще таращился в потолок), после того бокала вина было еще ДО ФИГА.

Если верить Бену, вскоре после того, как я помолилась святой троице, амбиену, вину и траве, я начала макать крекеры в масло, как будто оно гуакамоле. Пока он смотрел на это пищевое безумие, я его обвиняла в том, что он меня осуждает. Бен рассказал, что я гонялась за ним по гостиной со словами: «Ты меня осуждаешь!» — внаглую так, а он отвечал: «Да ты же всю квартиру маслом уделаешь!»

Потом я села на диван посмотреть телевизор, продолжая есть масломоле. Я включила «Семью Кардашьян» (он это шоу терпеть не может) и, не затыкаясь, болтала про Хлою и про то, как она изменилась. По крайней мере, Бен считает, что я говорила именно это — потому что понимал процентов тридцать того, что я молола. В конце концов я разогрела две замороженных пиццы, при этом одну на хер сожгла, а потом ему удалось меня уложить. В постели я захватила все подушки и сложила их на свою сторону, вместо того, чтобы как обычно поделить по две на брата. Потом опустилась на них головой, как принцесса на горошине.

Он сказал: «Эми, каждому по две подушки», — на что я изысканно ответила: «Не сегодня, сучара». Включайте Стиви Уандера, «Разве она не прелесть».

В общем, урок в следующем: не надо мешать алкоголь, амбиен и траву в день, когда вы сначала проехали чертов марафон на велике, узнали, что у вашего отца снова появилась воля к жизни, и посмотрели душещипательную серию «Девочек», которая попала просто в яблочко. Если моя книга вас научит чему-то одному, то пусть будет это.

Эта отключка в тридцать четыре была совсем не то, что опасные истории, в которые я впутывалась в колледже. Но я все равно не советую никому пробовать себя в этом виде деятельности. Даже взрослым, состоящим в полных любви и поддержки отношениях, пьющим в безопасности у себя дома. Бен отнесся к произошедшему очень великодушно. Он не осуждал и не ругал меня, но обеспокоился. Ему не понравилось, что я решила на нем «оторваться». И его можно понять. Потому что так — нечестно, и я больше так не делала.

Непростые были годы, когда я видела, как папа так вот отрывается от жизни — и знала, что он всерьез говорит о прекращении попыток улучшить свое состояние. Какая-то часть меня все понимает. Жизнь для отца почти всегда очень мрачна. Я здоровая, я крепкая — и даже мне все равно приходится раза два за день бороться с желанием все бросить. А в сезон раздачи премий — три раза. Когда папа был моложе и здоровее, он путешествовал, ходил на вечеринки, гулял и пил. Знаю, он, скорее всего, скучает по тем временам. Думаю, мне повезло, что у меня пока еще есть физическая возможность натворить глупостей.

Иногда, когда я его навещаю и вижу, что сегодня у него особенно потухший взгляд или что ему грустно, я пытаюсь поднять ему настроение. Выкатываю его на прогулку, вовлекаю во что-то, заставляю участвовать. Он все еще здесь, когда захочет — и это так приятно видеть. От сознания, что он, возможно, снова будет ходить, мир для него посветлел — и, кажется, папа возвращается. Я выкатываю его коляску на свежий воздух, заставляю смотреть в небо. Вижу, как солнце освещает его лицо и как он оживает, а каждая клеточка его тела начинает светиться и тянется дать жару. Впрочем, он ведь для этого и родился.

Интересное время для женщин в Голливуде

Представьте, что вы только что написали сценарий и сыграли в фильме главную роль, в первый раз в жизни. Проходит премьера фильма, его принимают хорошо, и вам кажется, что весь мир ваш. А еще вы вымотались, потому что делать кино — это очень тяжелая работа. И еще потому что вам пришлось потерять (и не набирать) пять кило, которые вы обычно носите с собой. (Ведь считается, что ни одна женщина не может нравиться, если со всех ракурсов не видны ее ключицы.) Потом, когда вы еще даже не начали отмечать премьеру, ради которой все внутренности себе вымотали, вам объясняют, что актерам платят не за игру. А за то, что они работают с прессой.

Такой вот нежданчик.

Я все понимаю. Кинопроизводство дорого стоит, студиям приходится принимать какие-то меры, чтобы зрители на самом деле пошли в зал. Прошу прощения, если вы слишком часто видели мое лицо на афишах, рекламных щитах и в рекламе летом 2015 года. Если вам кажется, что так и было, можете сказать спасибо отделу маркетинга. И, поверьте, никого не тошнило от звука моего голоса сильнее, чем меня саму.

Я ни разу не снималась в кино до «Катастрофы», поэтому за границей меня совершенно не знали. А это значило, что мне пришлось вписаться в насыщенный пресс-тур для рекламы фильма. Пресс-туры состоят из поездок по множеству городов, где сидишь в каком-то помещении с журналистами (обычно при этом еще снимают на камеру), которые просят рассказать про фильм, чтобы потом пойти домой и написать, если получится, что-то позитивное, чтобы зритель пошел смотреть твое кино. В том пресс-туре у меня брали интервью, по-моему, все журналисты на свете, сколько есть — от представителей самых известных новостных каналов до чуваков, которые писали первый выпуск своего подкаста. Соглашаться надо было на все, потому что студия пошла со мной на риск. Я была новым сотрудником, а новичкам положено радоваться любой возможности и вести себя как хорошая рабочая пчелка.

Когда тебе говорят, что ты поедешь в Австралию, Германию, Лондон, Амстердам, Дублин и много куда еще, — думаешь: *ДАААА! Бесплатное путешествие! Я никогда не была в Берлине!* А потом понимаешь, что через день тебе будут задавать одни и те же вопросы, в каждом интервью, и предполагается, что ты будешь

исполнять ответы, словно они только что, в первый раз, сошли у тебя с языка — снова и снова. Ни один не забудет спросить: «Насколько автобиографичен ваш фильм?» Я начала себя ощущать цирковым пони, у которого нет души. Когда говоришь о себе целый день, внутри возникает пустота, которую и описать не получится. А если ты при этом так неудачно устроен, что привык быть честным, как я, выходит совсем тяжело.

Но — мало мне было ощущения, что я должна убедить всех купить билет в кино. Добавился еще и груз того, что я женщина. Потому что каждый раз, как главную роль в фильме играет женщина, все вылезают и интересуются: «Станет ли это поворотным моментом для женщин?» или «Что это ЗНАЧИТ для женщин-комиков?»

На тебя это все давит. Потому что фильм должен не просто хорошо пройти, чтобы я могла им гордиться или чтобы студия получила прибыль; он должен пройти хорошо для пятидесяти процентов населения, которые я теперь, судя по всему, представляю. «*Что это будет означать для нашего гендера в ближайшие годы?!!*» Взрывоопасный вопрос. Особенно учитывая, что «Катастрофа» — мой первый фильм, и я даже не делала вид, что говорю от имени всех женщин. Я пишу о своей жизни и о том, как вижу и переживаю мир, совершенно не претендуя на то, что мои взгляды разделяют все.

В общем, я поехала в долгий пресс-тур не просто ради фильма, но и ради всего *женщинства*. И, как повелось с древних времен, каждый интервьюер задавал свой любимый вопрос: «Настало ли интересное время для женщин в индустрии развлечений?» или «Каково быть женщиной в Голливуде?»

— Разве сейчас не интересное время?..

Мне так и хотелось заорать:

— Нет!

Начнем с того, что я не считаю себя «женщиной в Голливуде». Я даже не очень понимаю, что значит это определение. Но если бы я играла сама с собой в свободные ассоциации и услышала этот термин, то, наверное, подумала бы о ком-нибудь, у кого или есть всем известное короткое имя знаменитости. Типа Джей-Ло. Или о ком-то, кто был прям ааагонь в паре фильмов, а еще… ну не знаю, ведет свой блог о моде и стиле или выпускает свою линию товаров? Какая-нибудь Альба или Пэлтроу. У меня ничего такого нет. «Э. Шу» не прижилось, как мы ни надеялись.

А еще я в буквальном смысле не «женщина в Голливуде». Как вы знаете, я всегда жила в Нью-Йорке, и — нет, мне не кажется, что наступило интересное время. Волнующее время наступит, когда никому не придется отвечать на этот идиотский вопрос.

Внимание, на счет три: «Перестаньте об этом спрашивать. Навсегда. Хватит. Раз. Два. Три!» И к тому же в Голливуде женщинам не так уж интересно. Уверена, никого особо не шокирует, если я скажу, что в этой индустрии о женщинах судят почти исключительно по внешности, и любая женщина там чувствует, что скатывается в сторону смерти и упадка, в то время как актрисы постройнее и погорячее все появляются и появляются, как русские матрешки. В этой индустрии ты сначала играешь главную любимую женщину, а потом переходишь на роли бодрых бабушек в водолазках и вязаных жилетах. И у бабушек этих, хоть они и скучают по мужьям, есть еще столько любви, которую можно отдать домашним животным. И все вот это — за половину срока, который требуется герою, чтобы превратиться в дедушку.

Для меня очевидно, что в большинстве областей женщинам приходится работать вдвое усерднее мужчин, чтобы добиться хоть половины признания. Когда вложишь столько труда в съемки, чтобы фильм получился стоящим, как-то унизительно выслушивать, что это «женская комедия». То есть на меня лепят бессмысленный ярлык, ставят на табуретку и заставляют говорить от имени всех женщин — потому что я и есть ЖЕНЩИНА, которая написала ЖЕНСКУЮ комедию, а потом сыграла главную ЖЕНСКУЮ роль в ЖЕНСКОЙ комедии. Но ведь, например, Сета Рогена не просят говорить за ВСЕХ МУЖЧИН! Не снимают «мужские комедии». Не спрашивают Бена Стиллера: «Скажите, Бен, в чем было ваше послание *мужчинству*, когда вы притворились, что у вас понос, и погнались за тем хорьком в „А вот и Полли“?».

Во время пресс-тура многие журналисты на самом деле это понимали и напрямик спрашивали: «На вас давит то, что приходится говорить от лица всех женщин?» Я оценила, что кто-то сразу врубился в суть. Может, это и хороший вопрос. Я понимаю, что меня многие смотрят и слушают — и то, что я скажу, имеет значение. На мне, безусловно, лежит ответственность. Более того, это честь для меня — приложить все усилия, чтобы помочь женщинам обрести силу единственным доступным мне способом: написать историю о женщине с женской точки зрения.

«Катастрофа» говорила о равных возможностях. О равной возможности бояться привязанности и ответственности — даже если ты девушка. Но некоторых журналистов это напрягло. Многие меня спрашивали, почему я решила написать сценарий, в котором парень и девушка меняются ролями. То есть почему девушка у меня боится быть уязвимой, а парень хочет более

серьезных отношений? Почему девушка живет в холостяцкой квартирке и меняет партнеров на одну ночь, а у парня карьера, к которой он очень серьезно относится, и жизнь он ведет трезвую? Журналисты всегда столбенели, когда я объясняла, что сделала это не нарочно — просто написала как есть, по своему опыту. Считается, что женщины сходят с ума из-за отношений, что они чрезмерно чувствительны — но, по моему опыту, так ведут себя как раз парни. Не то чтобы я и большинство моих подруг не были нежными цветочками. Мы просто не вкладываемся в отношения так сильно или так быстро — ну и не всегда вовлекаемся в них. Признаю, характер Леброна Джеймса я обрисовала с некоторыми преувеличениями. Он у нас слишком беспокоится о личной жизни своих друзей; в таком духе обычно описывают девушек — а от своих друзей-мужчин на самом деле я подобного не видела. Но именно здесь смена гендерных ролей в «Катастрофе» начинается и заканчивается. Я писала так, как мне казалось честным, правдоподобным и убедительным — с моей точки зрения и из моей настоящей жизни. Да, я не берусь представлять всех женщин — но при этом почти уверена, что не я одна такое переживала.

Тем не менее грязью меня поливали от души. Может, дело просто в культурных различиях, и из-за них кажется, что иностранные журналисты переходят границы. На некоторых просто написано было: «*Что ж, вы говорите в своем фильме на сексуальные темы — значит, я вам могу сказать все что угодно*». От этого мне хотелось залезть под душ на всю оставшуюся жизнь. Одно из интервью, которое я дала в Австралии, стало вирусным, когда журналист меня спросил: «Ваша героиня — шалава… как у вас в Америке называют шалаву?» Я ему ответила, что это грубый вопрос, и мы немножко потоптались на месте. Но, разумеется, если не только улыбаешься, киваешь и благодаришь, что на тебя потратили время, а еще и неприязненно или эмоционально реагируешь на грубый вопрос, — говно тут же несется по трубам. Люди реагируют так, как будто ты явно не выносишь жара, и тебе надо убраться с кухни. Но я никогда не была девушкой, которая улыбается и кивает — да и из кухни меня тоже никто выгнать не мог.

Хуже всего было в Берлине — кто бы ждал, кто бы ждал, — когда я дважды беседовала с одним журналистом. Ему было где-то около шестидесяти, одет он был в джинсы и рубашку. С макушки он начал лысеть, а на затылке отпустил волосы подлиннее — походя то ли на пажа, то ли на Роберта Планта. Он был в очках и не позволял нормам человеческого общения выдавить из себя улыбку. Первый раз он беседовал со мной и Биллом Хейдером. Он спросил Билла, понравилось ли ему играть

врача, а потом спросил меня, каково заниматься, со мной сексом. Биллу этот вопрос не понравился, и он за меня вступился; но я сказала, что — все в порядке, что — примерно как с одним из тех артистов, которые стоят на коробках на углу, с ног до головы выкрашенные серебрянкой из баллончика. Непонятно, живые они или статуи, но раз в пару минут они слегка шевелятся. Единственное отличие в том, сказала я, что мне никто ни разу не дал доллар. (Необходимая поправка: вскоре после этого мой парень весьма щедро подсунул мне доллар под дверь. Я сидела на унитазе — сразу после секса — и смотрела, как доллар вползает в ванную, дожидаясь, когда мое тело соизволит пописать, чтобы не подхватить инфекцию мочевыводящих путей. Я смотрела на этот доллар — и чувствовала себя любимой.)

Почему-то тому же самому берлинскому журналисту разрешили потом вернуться и снова взять у меня интервью, на этот раз с Ванессой Байер, которая в «Катастрофе» играет мою подругу и коллегу. Он тут же перешел в наступление. По его вопросам стало понятно, что ему не нравится не только фильм, но и каждый сделанный мною вдох. Вот что он сказал дословно: «Почему вам кажется, что можно ставить людей в неловкое положение?» Когда он это произнес, я заметила, что у него порваны в паху штаны, и наружу торчит даже не одно, а оба яичка. Глядя ему в глаза, я сказала: «Не хочу вас смущать, но хотелось бы, чтобы вы прикрылись». Ванесса опустила глаза, увидела и кивнула, залившись краской. Она была согласна со мной, что яйца его были вроде того *ответа, мой друг, что в воздухе повис* — как поет Боб Дилан. Журналист глянул вниз, положил ногу на ногу, собрался и сказал: «О чем я?» Я ответила: «Вы меня спрашивали, почему я считаю, что можно ставить людей в неловкое положение».

После трехсот интервью, во время которых мне приходилось рассказывать, со сколькими я спала, а потом неуклюже переключаться на папину болезнь, я подумала: «*В жопу, больше в жизни не стану сниматься в кино*». Шучу! Я собираюсь работать в кино и дальше. Но с прессой столько встречаться больше не стану. И худеть не стану. Ну, хотя бы не настолько. Худой я выглядела по-идиотски. Моя большая, как капустный кочан, голова остается прежней, а все остальное уменьшается, и пропорции меняются. А ради чего? Побыть «женщиной в Голливуде»? Спасибо, не надо!

Вот, кстати, что может значить это «быть женщиной в Голливуде». Это значит — быть одной из многих злых, запутавшихся и дико голодных женщин, которые просто хотели стать актрисами или артистками. Которых заставили поверить,

что это для них станет возможно только после того, как они прыгнут в пять тысяч обручей — в школе и колледже, в мерзких конторах агентов и менеджеров, в тихих церковных подвалах, где они до полусмерти разыгрывали одноактные пьесы и мюзиклы. Может быть, «женщина в Голливуде» это просто личность, которая занималась своим делом и пыталась воплотить свои мечты, — как и ее коллеги-мужчины. Но на полдороге ее, голодную и замученную, задержали. И ей пришлось отбиваться от безумных двойных стандартов и идиотских журналистских вопросов.

Если это и есть «женщина в Голливуде», то — ладно, может, я такая. Обвиняемая виновна.

Но несмотря на то, что иностранная пресса жестоко ошиблась по поводу «интересного времени» для всех нас, «женщин в Голливуде», не все журналисты поняли меня и мой фильм неправильно. Я была так благодарна за номинацию на «Золотой Глобус», которую определяет Голливудская ассоциация иностранной прессы. Вечер, когда вручали «Глобусы», был похож на сон. Вся моя семья пошла со мной. И пусть я не выиграла, но мне повезло проиграть другу, чья работа мне просто башню сносит. Некоторые из журналистов Ассоциации, которые пришли на церемонию, были просто потрясающими. Я говорила со многими, и от этих бесед у меня осталось чувство благодарности и ощущение, что меня подпитали и поняли. Может, не такая уж я и катастрофа! Мне стало лучше. Я утешалась тем, что пыталась увидеть себя их глазами, вспоминая добрые слова, которые они мне говорили. Но меня быстро вернули на землю — я увидела, как «Катастрофу» переименовали на некоторых иностранных рынках:

Италия: «Девушка-бедствие»
Болгария: «Общий ущерб»
Чешская Республика: «Сход с рельсов»
Россия: «Девушка без комплексов»
Германия: «Королева свиданок»
Финляндия: «Только на ночь»
Португалия и Польша: «Сошедшая с рельсов»
Франция: «Безумная Эми»
Французская Канада: «Безнадежный случай»
Аргентина: «У этой девушки проблемы»

Раз уж я не выиграла «Глобус» в тот вечер и мне не пришлось выйти на подиум, чтобы произнести речь, — хочу воспользоваться этой возможностью и поблагодарить всех журналистов во всех странах, где я побывала. Во-первых, хочу сказать спасибо всем,

кто указал на то, что я женщина. Комплименты ваши были сформулированы очень точно, так что обо мне ни разу не сказали, что я просто «смешная», только «смешная женщина». Вы позаботились о том, чтобы я не упускала из виду свои яичники. Спасибо. Без ваших постоянных напоминаний я могла бы запросто забыть матку в автобусе, — но вы, чуваки, не давали мне забыть о том, что раз в месяц у меня идет кровь, а *еще* я могу рассказать шутку! Еще хочу поблагодарить чувака, который назвал меня шалавой. Я заметила, как вы несчастны в жизни, и очень вам посочувствовала. Если вы с нами, хочу, чтобы вы знали, что я очень счастлива и что у меня в жизни сейчас светлая полоса.

И в заключение хочу выразить особую благодарность яйцам берлинского журналиста. Если бы не вы, ребята, я бы, наверное, смогла ночью уснуть, а кому это на фиг надо. *Auf Wiedersehen.*

Мейси и Джиллиан

Было 23 июля 2015 года, «Катастрофа» вышла где-то неделю назад. Я была счастлива, что вернулась домой. После уже упомянутой недели утомительного пресс-тура — на этот раз в Австралии — я только что приземлилась в Лос-Анджелесе. Возвращение было особенно приятным, потому что поездка мне настроения не улучшила. В тот вечер я должна была ужинать со своим другом Алланом. Это мой очень близкий друг, правда, я не знаю, как пишется его имя: «Алан» или «Аллан». Еще у меня есть серьезные вопросы по поводу того, как пишется его фамилия.

У меня был джет-лаг, и спина жестоко болела после поездок, поэтому я записалась на массаж. Вышла я из гостиничного СПА, чувствуя себя прекрасно — в общем и целом радуясь жизни, везучая и обновленная. Я посмотрела в сотовый и увидела кучу пропущенных звонков от своей пиарщицы Кэрри. Еще она прислала мне множество сообщений с просьбой немедленно ей перезвонить. Я захихикала. Если она пыталась со мной так срочно связаться, значит, где-то обнародовали либо мою фотку голышом, либо видеозапись секса. Как-то, когда мне было двадцать, мы с парнем трахались перед камерой компьютера, и получился просто ад. Мы совершенно не были сосредоточены друг на друге, а только пялились на себя в монитор. Я купила черное кружевное белье и пояс для чулок — не врубаясь, что нужно быть ангелом «Виктории Сикрет», чтобы не выглядеть в этой сбруе по-идиотски. Фото Руперта Мердока в кресле-качалке выглядело бы сексуальнее, чем я в том наряде. В общем, зрелище было жуткое, и я заранее прошу прощения, если та запись когда-нибудь всплывет. Очень, очень сочувствую тем, в чей телефон или компьютер влезли хакеры, и надеюсь, что со мной такого никогда не произойдет. Но голые фотки меня не пугают. Я уверена, что однажды они выплывут, и не знаю, как я тогда буду себя чувствовать — но именно сегодня, именно в этот момент моей жизни мне кажется, что я буду ржать. И просить прощения у всех, кому придется увидеть такую запись или снимки.

В общем, 23 июля 2015 года я приготовилась к известию о том, что запись моего секса попала в сеть, и настраивалась успокаивать свою пиарщицу и сообщать ей, что мне все равно. Я набрала Кэрри, заранее улыбаясь. Когда она ответила, я уже даже не хихикала, а смеялась в голос.

И тут она сказала:

— В кинотеатре в Лафейетте, Луизиана, была стрельба. Во время показа «Катастрофы».

У меня оборвалось сердце. Серьезно. Так тяжело мне было только после несчастного случая во время серфинга — когда я была уверена, что лишусь ноги, — и еще когда я узнавала о смерти близких друзей. Новости меня раздавили. Я пошла в номер, включила CNN и почти впала в ступор. Я еще не знала, что две красивые, умные, сильные женщины в тот вечер умрут. Я не знала о Мейси Брё, которой был всего двадцать один год — о милой, доброй, роскошной девочке, ходившей в церковь и собиравшейся замуж за свою школьную любовь. И о Джиллиан Джонсон я не знала. Ей было всего тридцать три, она была деятельным гражданином своей общины. Чудесная жена и мачеха, умная и талантливая, с собственным бизнесом, музыкант и замечательная художница. Я хотела знать все, я хотела сразу лететь в Луизиану и быть с семьями, которые пострадали от этой трагедии.

Мой друг Аллен пришел ко мне в номер и разрешил мне уткнуться ему в колени, пока я плакала. Он позвонил всем, кому было нужно, и позаботился обо мне. На пару недель я просто выпала из жизни. Нужно было дальше работать с прессой для «Катастрофы», у меня был запланирован отпуск с друзьями, но я так хотела все отменить.

Я прочитала о ненормальном, который убил Мейси и Джиллиан и ранил еще девять человек. Я не думаю, что те, кто устраивает массовую стрельбу, должны получить свою минуту славы. Не хочу писать его имя. Ни разу не произносила и не произнесу его вслух. Но кое-что я о нем скажу. Ему нравились республиканцы из «Чаепития». Он открыто ненавидел женщин и превозносил Гитлера. Он нарочно выбрал мой фильм, чтобы расстреливать и убивать женщин.

Вот еще несколько фактов: в 2006 году его задерживали за поджог (и в результате отозвали его разрешение на оружие в округе Расселл, Алабама), хотя обвинение потом сняли. Члены его семьи просили суд приговорить его к психиатрическому лечению, потому что он стал угрозой себе и окружающим, но его приговорили только к экстренному лечению, а до постановления о его дееспособности дело так и не дошло. Еще в 2008 году его бывший партнер подал на запретительный ордер — но суд его так и не выпустил. Несмотря на все это, в феврале 2014 года он смог законно приобрести оружие в ломбарде Феникс-Сити, Алабама. Оно и стало орудием убийства.

Ему не запретили владеть оружием, но он был именно тем, кого нужно было лишить такой возможности — человеком с опасной историей правонарушений, который угрожал членам семьи, избивал их и состоял на учете у психиатров. Несколько

штатов приняли акты, которые часто называют «законами о сдерживании вооруженного насилия». Эти законы позволяют семьям подобных опасных людей просить суд о временном запрете на владение оружием для такого человека. Если эту просьбу удовлетворяют, решение суда не только запрещает данному лицу приобретать оружие, но и предписывает сдать любое оружие, уже имеющееся в собственности. Если бы этот механизм был доступен семье того человека, когда он им угрожал, — может быть, для Мейси и Джиллиан все повернулось бы иначе.

Знать это невыносимо. Уже этого знания достаточно, чтобы я устремилась что-то предпринимать.

Но законы о сдерживании вооруженного насилия — лишь верхушка айсберга. Даже если во всех без исключения штатах примут такие местные законы, чтобы оружие не попадало в опасные руки, — все равно остается зияющая дыра, легко позволяющая *любому* купить оружие у продавцов без лицензии, на выставках или по интернету. Ведь при таких продажах данные не проверяют и вопросов не задают. Наблюдения более трех десятилетий постоянно показывают, что от 30 до 40 процентов продаж оружия в Соединенных Штатах проводятся без проверки. Во многих штатах оружие приобрести легче, чем противозачаточные. Читайте дальше. Будет еще лучше (или хуже). В некоторых штатах нашей страны можно законно купить оружие, если вы совершенно слепы, а в большинстве штатов законно покупать оружие, если вы в списках предположительно причастных к терроризму. Я повторю. Если вы вообще ничего не видите, вы можете купить пистолет. Если вы в списках не просто тех, кому нельзя в самолет, но буквально тех, кого наши власти подозревают в терроризме, то вы можете — Законно. Купить. Пистолет.

Поймите меня правильно. Я дружу со множеством владельцев оружия. Я верю, что законопослушные американцы имеют право владеть оружием. Но я думаю, что можно все усовершенствовать. А вы — нет? Разве недостаточно было стрельбы? Знаете, кто говорит «нет»? Те, кто получает прибыли от продажи оружия. Но 92 процента американцев — включая 82 процента владельцев оружия и 74 процента членов Национальной стрелковой ассоциации — поддерживают необходимость проверки криминального прошлого при любой продаже оружия. Но оружейное лобби противится этой совершенно здравой политике. А его цепные псы в конгрессе — те, кого они купили или за кого заплатили, — стоят за них стеной. Как вы уже могли заметить, в этой книге множество списков. Я включила еще один, в конце —

это список членов конгресса, которые брали деньги у оружейного лобби и попали под его влияние. Насладитесь!

Особенно меня потрясло то, что вооруженное насилие — очень женская беда: американские женщины в 11 раз чаще погибают при стрельбе, чем женщины в других развитых странах. В 18 штатах, где требуется проверка данных при любой продаже оружия, женщин на 46 процентов реже ранят и убивают их партнеры, чем в штатах, где такая проверка не проводится.

Вы обо всем этом много знали? До стрельбы в Лафейетте я не знала ничего. Ради себя и своей семьи вы обязаны быть в курсе, потому что эту проблему мы можем решить только вместе.

Эта книга стала свидетельством того, что я могу отыскать смешное даже в самых мрачных ситуациях. Но здесь это сложно. Я знаю, что для многих из вас эта глава может оказаться совсем не тем, на что вы подписались, и вы можете думать: *Вернись к шуткам про вагину! Рассмеши нас, клоун!* Я вас слышу. Когда я писала скетчи про вооруженное насилие для своей программы, люди в ответ говорили мне, что предпочли бы, чтобы я просто была смешной. Мне говорили, чтобы я держалась комедии, потому что за этим они ко мне и ходят. Я скажу вам то же, что сказала им: нет! Я люблю смешить, я благодарна за то, что у меня есть для этого природные данные. Но когда несправедливость глубоко меня задевает, я говорю о ней — и предлагаю вам сделать то же самое. Я хотела бы, чтобы у меня было достаточно сил как-нибудь умно и саркастично обыграть что-то из страшной статистики вооруженного насилия в Америке, — но должна вам признаться: я просто, мать его, не могу. В этом году я смогла написать смешную сценку о безопасном обращении с оружием для своей программы на телевидении, и если хотите посмеяться со мной — пожалуйста, смотрите ее. Но в этой главе своей книги… я не смеюсь. Я каждый день думаю о Мейси и Джиллиан. Я вожу с собой их фотографии, и когда вижу, что очередного американца или нескольких американцев безжалостно застрелили, хотя этого можно было избежать, думать я могу только одно: хватит, хватит на хер. Точка.

Я начала работать с сенатором Чаком Шумером, дальним родственником моего отца, выступающим за разумные меры по ограничению вооруженного насилия. Я заседаю в комитете «Эвритаун» — это движение американцев, которые объединили усилия, чтобы прекратить вооруженное насилие и построить более безопасное общество. Пока я писала черновик этой главы — не вру, правда, — меня пригласили в Белый дом на встречу с президентом Обамой, и я присутствовала, когда он огласил перечень новых исполнительных мер, призванных побороть этот

национальный кризис.

В Белом доме мне разрешили привести нескольких гостей, и я взяла сестру, брата и Бена. Ради очень немногих я брошу все и полечу на другой конец страны, когда не предупреждают загодя. Президент Обама — один из них. А еще двое — Коммон и Татьяна Маслани из «Темного дитя». Я хочу сказать, что попасть туда было круто. К нам присоединились рэпер Уэйл и два чувака из баскетбольной команды «Вашингтон Уизардз», которые борются за прекращение вооруженного насилия. Я тусовалась с ними большую часть времени, что мы там провели.

Когда пришло время и президент должен был войти в зал, чтобы с нами встретиться, мы выстроились, чтобы его поприветствовать. Я поправила «Уизардам…» галстуки и ремни, а потом увидела, что измазала ногу — так что быстро облизала пальцы и стерла грязь, потому что я не только элегантна, но и привержена гигиене. Мы все превратились в малышей, которые помогают друг другу в день, когда делают общий снимок. Когда мы подошли к президенту, нас попросили записать наши имена и род занятий на красивых маленьких карточках и отдать их стоическому морскому офицеру, чтобы он представил нас президенту перед тем, как мы пожмем ему руку. Подошла моя очередь. Офицер посмотрел, что я написала на карточке, и, не запнувшись, объявил с военной точностью: «Эми Шумер. Модель!»

Я шагнула вперед, и президент Барак Обама мне улыбнулся. Мы пожали друг другу руки, он заговорил первым:

— Вы очень смешная, Эми Шумер, — голос у него был совсем как по телевизору.

— Вы тоже.

— Нам так понравилась «Катастрофа», — сказал он.

— Вы смотрели «Катастрофу»?!! — спросила я.

Он кивнул и сказал:

— Конечно.

Я ушам своим не могла поверить. Он так круто держался. Продолжал со мной говорить, а я не хотела отнимать у него время, так что решила побыстрее с ним сфотографироваться. На той фотографии я совершенно не в себе, я так тронута и в таком восторге. Он поблагодарил меня за усилия по прекращению вооруженного насилия, а я поблагодарила его в ответ и пошла в зал, где должна была пройти пресс-конференция.

Чуть позже президент вышел под камеры и встал перед родителями, чьи дети погибли от вооруженного насилия — очень много было родителей жертв стрельбы в младшей школе «Сэнди Хук» из Ньютауна, Коннектикут. Президент произнес самую красноречивую, самую честную речь, какую я слышала в жизни —

и больше такой не услышу. Он говорил о погибших первоклассниках. Он все повторял это слово — «*первоклассники*» — и прослезился. Я видела слезы. Он вытер те, что текли по левой щеке, а правую — нет. Потом, через пару секунд, вытер оба глаза. Заговорил о том, как легко, слишком легко, купить огнестрельное оружие в интернете или на оружейной выставке, без проверки. Потом обрисовал план, как это исправить, и многое другое.

Когда пресс-конференция кончилась, я еще постояла в зале, и ко мне подошли люди со значками, на которых были фотографии их убитых детей. Родители с мертвыми детьми на лацканах. Они просто хотели рассказать мне о своих детках. Некоторые потеряли детей в «Колумбайн». Милая пара, чья дочь погибла в кинотеатре «Аврора», сказала, что девочка была моей поклонницей. Я слушала, обнимала их и обещала, что буду продолжать бороться вместе с ними.

Весь день в Белом доме я думала о Мейси и Джиллиан. Несколько часов я сдерживала слезы, но когда президент на пресс-конференции упомянул стрельбу в Лафейетте, я не смогла не заплакать. Эти женщины навсегда останутся в моих мыслях. Я их не забуду. Я буду трудиться каждый день, чтобы почтить их память, и жить так, что они, надеюсь, мною гордились бы.

За месяцы, прошедшие с визита в Белый дом, я много говорила об оружии со сцены или в сценах об оружии в своей программе. Меня тут же начинают критиковать в интернете. Критиковать — это если мягко выразиться. Многие с ума сходят от мысли, что власти хотят «отнять у них оружие», а я выступаю вовсе не за это. Большинство участников нашего движения заботится о том, чтобы прекратить вооруженное насилие и сделать наше общество безопаснее. На меня нападают в Twitter (и это, на самом деле, одно из самых мягких и цензурированных оскорблений, которые я получаю): «Это не твой уровень, Шумер! Занимайся тем, что знаешь!» Разумеется, большинство называет меня жирной сукой, что мне уже начало нравиться.

Но они ошибаются (не в том, что я жирная сука; это субъективно). Они ошибаются, когда говорят, что это не мой уровень. Потому что я *знаю* эту проблему. И вы тоже. Любой, кто живет и дышит и у кого есть мнение о том, можно ли стрелять первоклашек прямо в школе, достаточно сведущ, чтобы высказаться. Я не политик и не ненавидящая НСА хитрая еврейка, какой кажусь некоторым людям в определенных частях страны. Большинство членов НСА — прекрасные люди. Но их лидеры чокнутые. Я — простая американка, которая считает, что мы можем проявить больше здравого смысла, чтобы уберечь свои

семьи, детей и друзей от того, что их застрелит какой-то психически неуравновешенный — который, для начала, и не должен был получить в руки это оружие.

Хочу поблагодарить Джейсона Ржепку и Ноэль Хауи из «Эвритауна» за то, что помогли мне ознакомиться со статистикой по вооруженному насилию и законами об оружии. Еще хочу поблагодарить семьи Мейси Брё и Джиллиан Джонсон за то, что предоставили эти фотографии и позволили мне почтить память Мейси и Джиллиан.

Завтра взойдет солнце

У меня никого не было года три до того, как я познакомилась с Беном. Ну, это не совсем правда. Есть три чувака, которые прочтут это и скажут: «КАКОГО, ШУМЕР?!» И я такая: «Не называйте меня „Шумер“, мы отчасти из-за этого и расстались!» Шучу, но у меня в бойфрендах за эти годы побывали трое парней. Упс! То есть четверо. Только что вспомнила еще одного. Но с каждым все кончалось через пару месяцев, и я даже не успевала почувствовать себя с кем-то из них настоящей парой. Мы играли. Примеряли, как джинсы, чтобы посмотреть, как оно будет. Через месяц-другой один из нас начинал звать другого «зайка», или знакомиться с его друзьями, или строить возможные планы на будущее, но до сути в итоге не доходило. У меня ни с кем до нее не доходило в последние годы — до Бена.

Все это время у меня все очень хорошо шло с работой. Знаю, это предложение звучит как крик о помощи. «Сейчас я по-настоящему счастлива, полностью отдаваясь работе» (*и она запивает упаковку таблеток литром «Джека»*). Но я серьезно. Такие невероятные вещи иногда и вправду случаются. Становилось даже как-то не по себе от того, насколько нормально мне было одной. Я была почти уверена, что мне понадобится какая-то романтическая встряска или занятия сексом для того, чтобы мне было совсем хорошо, но ничего такого не надобилось. Я чувствовала себя отлично, впахивала, делая то, чем по-настоящему гордилась. (Вроде сценки в моей программе, в которой девушка непроизвольно пукала, когда ее пугали, и в итоге ее за это убили.) Помогает то, что работа у меня по-настоящему прикольная.

Я уже пережила панику, в которую впадаешь, когда все твои друзья переженились до тридцати и начали заводить детей. За ней следует паника пострашнее — когда тебе исполняется тридцать, а ты все еще одна. От ужаса я даже начала строить с друзьями-мужчинами планы: если мы так и останемся одинокими после сорока, то поженимся и разрешим друг другу встречаться с другими, но будем верны обещанию состариться вместе. По сравнению с браками, которые я видела, пока росла, заранее спланированный брак с другом (или двумя) в зрелом возрасте не кажется такой уж безумной идеей. Что, наверное, было некоторой придурью — так это то, что я принялась заключать столько соглашений о браке сразу. Я все устраивала для того, чтобы после сорока моя жизнь стала чем-то вроде «Большой любви» наоборот — с кучей взаправдашних братьев-мужей. То есть… позвольте…

как это «так не бывает»?!

Мои родители были женаты, оба. И по до фига раз. Каждый по три, если быть точной — что приучает не слишком вкладываться в любовь к кому-то, кого через пару месяцев можно сменить на другого. У меня, бывало, инфекции в мочевом пузыре длились дольше, чем некоторые из родительских браков. И браки эти запустили дверь-вертушку, через которую к нам шли и шли новые родственники. В первый раз, когда один из твоих родителей встречается с кем-то достаточно долго и достаточно всерьез, чтобы тебя знакомили с тамошними детьми, ты вкладываешься. Думаешь: «*Ух ты! Это будет моя новая сестра или брат! Может, мы будем одалживать друг другу одежду и вместе пить чай по вторникам в „Алисиной Чашке!“*» Даешь им понять, что они тебе интересны как люди. Задаешь вопросы типа: «Когда у тебя день рождения? Ты свеклу любишь? Ты вибратором когда-нибудь пользовалась?» Ладно, последнего не было. Но ко времени, когда на подходе третий брак и родственник номер какой-он-там, ты просто узнаешь, как кого зовут, и — может, если сложится, — улавливаешь общее настроение.

Когда мой отец познакомился со своей второй женой, Мелиссой, я уже освоила эту стратегию. Папин брак с Мелиссой состоялся не в последнюю очередь, потому что он мог попользоваться ее медицинской страховкой. Что может быть сексуальнее и романтичнее? Внимание, сейчас влюбленные найдут друг друга! Если бы мне нужно было снять трехсекундный фильм об их отношениях, он открывался бы тем, что очень невезучая женщина роняет кошелек. Оттуда драматично выпадает ее карточка «Голубого Креста и Голубого Щита», и мой отец медленно поднимает ее, не глядя на женщину. Когда между ним и Мелиссой все стало вроде как официально, Мелисса представила нас своей дочери за обедом в стейк-хаусе «Рутс Крис».

Наш отец побывал почти во всех ресторанах этой сети в стране, это у него повод для гордости, и он вам расскажет — если станете слушать, — сколько городов и каких именно ему еще осталось посетить. У нас традиция — отец водит туда меня и Ким. Начинаем мы с кальмаров. (Я люблю тех, что с ногами, потому что я вообще зашибись; еще я ем сэндвичи с говяжьим языком и гефилте-фиш. Мне пофиг!) Потом едим картофельный гратен, шпинат в сливках и филе, которое еще трещит от раскаленного масла, куда его макают. Поэтому, когда папа представил нас той, кому предстояло стать нашей новой (новейшей) сводной сестрой, он, естественно, выбрал «Рутс Крис». Уже наученные опытом, мы с Ким знали, что эта одноразовая

сестра недолго пробудет на нашем горизонте. Поэтому, когда она завела разговор о том, как все здорово — ведь ей же всегда хотелось, чтобы у нее были сестры, — мы прям загрустили. Мы противозаконно выпивали и давились стейками так быстро, как только могли, чтобы обед поскорее закончился.

Брак с Мелиссой продлился несколько месяцев, и эта родственница выбыла. Я до сих пор вспоминаю о ней каждый раз, когда мы… НИКОГДА. Я не вспоминаю о ней НИКОГДА.

Но вернемся к моим родителям и параду их браков. У мамы уже был за плечами один развод, когда она познакомилась с папой. Ее первого мужа звали Дэвид, у них был сын — мой брат Джейсон. Когда Джейсон был совсем маленький, они развелись, и вскоре мама вышла замуж за папу. Я родилась через год, а потом в этот мир как-то пробралась Ким. Между всеми нами разница в четыре года. Когда Джейсону было одиннадцать, его отец умер — внезапно, от сердечного приступа, в тридцать девять. После того как мои родители развелись, мама встречалась с несколькими мужиками.

Конечно, был первый, с кем она встречалась после развода. Его звали Лу — я вам про него рассказывала в главе «Мама», и он, так получилось, был еще и отцом моей лучшей подруги Мии. Потом был Джон, который оказался по меньшей мере торчком, хотя мы с братом и сестрой считали его тупо наркошей. Мама решила, что пора подселить этого чувака к своим детям, когда была знакома с ним пару месяцев. Как-то на выходных мама уехала с Ким на соревнования по волейболу и оставила дома меня и Джона. Но Джон решил уйти в недельный наркозагул, бросив меня дома одну. Я была в то время подростком, так что распсиховалась изрядно. Но, наверное, лучше все-таки с торчками не жить. В мамино оправдание скажу, что, наверное, есть вещи и похуже, чем вселить в дом к своим детям торчка вроде… Нет, вру: хуже торчка нет. После того как он бросил меня одну, мама разорвала их помолвку — до тех пор, пока они не съехались опять и он через несколько месяцев опять не вытворил то же самое.

Потом был Эндрю, и он был очень, очень тормозной. То есть фильм «Я Сэм» серьезно улучшил бы его игру в «Голову вверх». Был Дуг, детская любовь моей мамы, которая ненадолго снова выплыла на поверхность, и Хэнк, с которым мы едва не съехались.

Было и еще несколько. Ни один мне не нравился — на самом деле, я пыталась их отвадить. Как только мама меня им представляла, я начинала звать их «папочкой» и делать все, чтобы их отпугнуть. Я смотрела им в глаза и говорила: «Мама всех мужчин в себя влюбляет, а потом от них устает. Она вас выбросит как „Клинекс“, через неделю». Они хихикали, думая, что это

забавно. Пока не падали на дно мусорного ведра.

В третий раз мама вышла замуж за своего бойфренда Моше, персидского еврея из Израиля, владельца автомастерской в Квинсе. Моше был упрям, шумен, неделикатен и полон твердых убеждений. Они с мамой были настоящей искренней любящей парой. Я узнала, что они поженились, перебирая фотографии, которые она бросила на кухонной стойке, когда я как-то в выходные приехала из колледжа. На одной фотографии они стояли с двумя свидетелями перед мировым судьей. Я заорала из другой комнаты: «Вы с Моше поженились?!» Она крикнула в ответ: «Ага!» Они это сделали, чтобы он мог остаться в стране, но тут случилось 11 сентября, и никто больше не горел желанием дать гражданство иранскому еврею. Через несколько лет они развелись, а вскоре Моше пришлось вернуться в Израиль — ухаживать за родителями, и больше его в Штаты не пустили. Я до сих пор по нему скучаю. Моше был добрый, он очень любил нас и нашу маму.

После того как Моше сошел со сцены, мама временами с кем-то встречается, и я надеюсь, что она найдет кого-то, с кем захочет состариться, если ей этого хочется. Иногда мне кажется, что она просто хочет жить одна, и эту склонность я тоже понимаю. Хорошо знаю — как человек, живущий в разъездах, — насколько трудно с кем-то делить свою жизнь, когда так привыкнешь жить сам по себе. Нужно спрашивать всякое типа: «Что ты хочешь на обед?» или «Можно мне еще немножко одеяла?» или «Можно мне еще немножко твоего обеда?» или «Можно на обед будут свинки в одеяле?»[98] А это может оказаться труднее, чем вы думаете. Но это может быть и очень неплохо. Так, я отвлекаюсь. Что может быть лучше свинок в одеяле? Чтобы узнать, читайте мою следующую книгу; моя следующая книга называется НИЧЕГО.

А потом однажды, ни с того ни с сего, мой страх состариться, не выйдя замуж, просто улетучился. Я обрела ощущение полной жизни. Несмотря на разнообразные попытки моих родителей вступить в брак, я слышала рассказы о счастливых вторых браках, или о людях, которые встретились, уже когда им было за пятьдесят или за шестьдесят, — и мне стало спокойно. Я мило обустраивалась в четвертом десятке. Временами с кем-то встречалась, но уже не была этим так поглощена, как в подростковом возрасте и сразу после двадцати. Времена «*Он сегодня еще не звонил, а уже три — что это значит?*» для меня миновали. Я поняла: нет ничего, чего бы мне не хватало. Я чувствовала себя красивой и сильной — такой, какая я есть. Изнутри. Не от того, какое отражение я вижу в зрачках какого-то парня. Я чувствовала, что у меня все есть.

У меня был отличный год. Вы уже слышали обо всем раньше в этой книге… Вышел мой фильм, я провела «В субботу вечером», сделала часовое шоу для HBO — его поставил один из моих кумиров, Крис Рок. Мечты сбывались сразу и в товарном количестве. Куча народа меня заметила — в том числе Барбара Уолтерс: она просто назвала меня «одной из самых интересных личностей» года. Ну да, чего такого? Я себя особо интересной не считала, но если так думала Бабс — наверное, так оно и было. Я записала с ней интервью, во время которого она мне задала такой вопрос — типа, как я себя вижу через пять — десять лет. Я ответила, что хочу писать, продюсировать, ставить и создавать. Она удивилась. Сказала: «Вы не ответили: женой и матерью». Я тоже удивилась, потому что это мне даже в голову не пришло. Посмеялась про себя, а ей сказала: «Да, наверное, вы правы. Я бы хотела всего этого, но не знаю, насколько для меня это реально».

И, возможно, я склонилась к такому ответу, потому что моя работа не очень-то сочетается с семейной жизнью — а еще, в основном потому, что я все больше думала о том, что родители мои, по сути, одиночки. Может, я такая же, как они. Да и что плохого в том, чтобы быть одному? Одному иногда отлично, но все постоянно пытаются исправить твою «проблему», даже если у тебя самой с этим никаких проблем нет.

То, как мои родители «соединяются» теперь — еще более веский довод в пользу того, чтобы жить одной. Иногда мама помогает мне — привозит что-нибудь в больницу, где живет мой папа; и смотреть, как они общаются, очень странно. Они были женаты четырнадцать лет, у них двое детей, но в их нынешних разговорах теплоты и привязанности друг к другу — примерно как будто они учились в одной школе год-другой, но в разное время. Их отдаление друг от друга, возможно, началось в первый день брака. Мне уж точно не нужны все подробности, но уверена, что однажды я их услышу, потому что папа любит делиться. Как-то он рассказал мне про одну женщину — Лану, которая стала его третьей женой. Они встречались еще в семидесятые, когда папа был просто огонь: загорелый, спортивный, смешной и сверх того богатый. (Я не понимаю, сверх чего он был богат. Но вы уже купили эту книжку и вернуть не сможете — поздно.)

Лана была от папы без ума. В семидесятые она притаскивала в его холостяцкую квартиру кастрюльки-сковородки и готовила ему. Она была по уши влюблена — и тусовалась возле него достаточно долго, чтобы набиться ему в девушки. Я, кстати, ее не осуждаю. Вы уже в курсе, как я переехала в Асторию, в Квинс, чтобы затащить парня в отношения, и готовила для него стейк со шпинатом в сливках и печеной картошкой, потому что больше я

ничего готовить не умею. (И если вы ко мне зайдете и вслух заметите, что я ни разу не включала духовку, я вас зарежу новехоньким кухонным ножом.) В общем, как-то раз родители Ланы приехали на Манхэттен в гости. Лана и папа тусовались в его пентхаусе, курили «план», как это называет папа. «И, Эм, — сказал он, — план был просто отличный». Они все спустились на лифте, чтобы пойти пообедать, — а когда вышли в холл, в здание зашла красивая женщина. Папа сказал, что он шагнул прочь от Ланы и ее родителей, подошел прямо к ней и сказал: «Простите. Вы когда-нибудь видели здешний пентхаус?» Она сказала «нет». Он спросил: «А хотите?» Она сказала «да». А дальше папа сказал мне: «Тогда меня в первый и последний раз связывали».

То есть повторим: мой отец оставил свою девушку и ее родителей в холле своего дома, чтобы подняться к себе и заняться сексом с совершенно незнакомой женщиной, которая, судя по всему, любила БДСМ. И он счел необходимым рассказать об этом своей дочери тридцать с лишним лет спустя. Отец Ланы без перерыва барабанил в дверь и звал моего папу, потому что тот заперся в квартире с незнакомкой на несколько часов. И все-таки тридцать лет спустя Лана почему-то все равно хотела с ним воссоединиться и стать моей мачехой номер два.

Где-то через неделю после интервью Барбаре Уолтерс я зависла со своей подругой Ванессой Байер, и мы болтали про то, что же там у нас с парнями. У нас обеих было по паре парней, мы их перебирали, но они нас не вдохновляли. Это, кстати, значит, что мы переписывались, но не встречались. Я понимаю: может показаться, что я хочу сказать «У нас с Ванессой было по букету херов», — но нет, не было. Мы всегда с кем-то переписывались. Не то чтобы перебирать херы было плохо. Это название моей третьей книги — *Перебирая херы*. В общем, Ванесса сказала, что слышала про приложение для знакомств, которое предназначено специально для творческих людей, и им пользуется куча знаменитостей. Мы решили зарегиться. Надо выбрать несколько своих фотографий и песню, которая будет играть, когда кто-то зайдет в твой профиль. Я выбрала Diuty work группы Steely Dan — мне показалось, что очень смешно будет повесить ее на сайт знакомств. На основной фотографии я была в темных очках и бейсболке, без косметики. Для этого селфи я состроила жуткую рожу, как будто я умираю, потому что ходила в поход, так что правда умирала. Еще я вывесила фотографию Софии из «Золотых девочек», Клэр Дэйнс, где она делает плаксивую морду в «Родине», и еще одну нормальную фотку, где я улыбалась и на мне была футболка с рукавами. Мы с Ванессой запостили наши

профили одновременно и захихикали, повизгивая, как маленькие девочки.

Мы щелкнули по профилям пары парней, которые мило выглядели, и впечатление сложилось такое, что они все там модели или фотографы. Они все вешали две песни Rolling Stones, одни и те же, и одинаковые фотографии — себя на мотоцикле, себя с бульдогом, себя со старой камерой в Европе или себя в прыжке со скалы где-то в тропиках. Все были привлекательные — слишком привлекательные, прям явная такая гора магнитов для кисок. Ужасно удручающе. Мы с Ванессой всего часа четыре как зарегились, а я уже была готова выбросить на ринг полотенце, люфу и одноразовую бритву.

Но я решила там позависать. Заставила себя лайкнуть где-то четыре профиля и через сорок минут получила первую рекомендацию. Этим парнем был Бен. На фотографии в профиле он танцевал с бабушкой, кажется, на свадьбе. Песней у него стояла «LSD» от рэпера ASAP Rocky — моя любимая песня с того альбома. Он не был ни актером, ни фотографом, как все остальные, и жил не в ЛА и не в Нью-Йорке. Он был из Чикаго. Мы обменялись простыми приветами и короткими смешными сообщениями.

Прошло несколько часов, а мы так и переписывались. Он был смешной, немножко странный и интересный, от чего у меня разыгралась паранойя. *Наверное, это какой-то обман. Я знаменитость, я завтра прочитаю весь этот разговор на каком-нибудь трэшовом сайте.* Я постепенно довела себя до полного безумия. Сказала ему, что хочу поговорить по Face Time, чтобы убедиться, что меня не разводит какой-нибудь подвальный житель с комедийным подкастом. Он сказал: «Конечно, нет проблем». Мы попробовали, но в моем старом здании не работал вайфай, так что вместо этого Бен мне позвонил, и мы по старинке немножко поговорили по телефону. Голос у него был, как у Кристиана Слейтера, и по телефону он был таким же смешным. Он слышал мое имя, но не видел мой фильм, не смотрел стендап или программу. Мне понравилось с ним говорить. Мы попрощались, и я подумала, что он вроде ничего, и я бы с ним хотела когда-нибудь встретиться — но больше об этом особо не думала.

Я в том приложении переписывалась еще с парой парней и даже строила какие-то неопределенные планы с кем-то встретиться, но так и не собралась. Профиль я снесла меньше, чем через двое суток. Слишком кучно пошло. Если бы мне показали еще одного чувака, глядящего вдаль с яхты, — я бы легла в теплую ванну и вены себе вскрыла. Несколько недель

спустя я связалась с Беном, потому что собиралась к брату в Чикаго. Он мне сказал, что вообще-то едет в Нью-Йорк. Бен — проектировщик мебели, он вез что-то готовое клиенту. Мы сговорились встретиться выпить у меня на следующий вечер. Моя сестра немедленно отвергла эту опасную затею и предложила вместо этого встретиться в маленьком тихом ресторанчике.

Понимаю, что круто вот так приглашать парня, которого я никогда живьем не видела, к себе домой выпить, — но это ни в какое сравнение не идет с тем, как папка мой разыгрывал «Пятьдесят оттенков серого» у себя в пентхаусе. Кстати, раз уж об этом зашла речь. Уверена, вам до смерти хочется узнать, простила ли Лана моего папу после того, как он ее кинул, чтобы совершенно незнакомая женщина его связала по рукам и ногам. Ответ — да, и у Ланы К и РЫ и ША в пути. Она удочерила девочку из Вьетнама, которой тогда было лет семь. Звали ее Мэй, и когда выяснилось, что наши родители собираются пожениться, Мэй вообразила, что мы с Ким станем ее сестрами навсегда. Она к нам тянулась так, что просто сердце разрывалось, и мы ей подыгрывали — хотя не нужно было быть ясновидящим, чтобы угадать судьбу этого союза. Я бы и дальше с радостью общалась с Мэй, но ее мама позаботилась о том, чтобы не срослось.

Папе было уже за пятьдесят, он уже передвигался в коляске, и ко дню свадьбы его болезнь зашла уже далеко. Мы поехали в какое-то место на Лонг-Айленде — то ли часовню, то ли чью-то гостиную, но в общем и целом — в дом с привидениями. Человек, который их женил, выглядел, как официант из клуба «Джекилла и Хайда» — жутковатый и очень толстый, как тот мужик из «Битлджуса» в сцене, когда все поют за обедом «Day-O». Лана, наша новенькая мачеха, была в белом платье с фатой и при театральном макияже — даже мушку нарисовала.

Прием устроили в китайском ресторане, собралось человек сорок, на 98 процентов — гости Ланы. Друзья у нее оказались очень странные, немножко пугающие; они почти все играли в ее любительском театре. После того как эти друзья-лицедеи выступили с тостами, Лана встала и прочла — я не преувеличиваю — двадцатипятиминутную речь, бессмысленную и непоследовательную. И все-таки мне казалось, что папа мог бы хоть смотреть в сторону Ланы, пока она ему читала — своему, на минуточку, новому мужу. А он на нее даже не взглянул. Ни разу за всю ее дикую декламацию. Просто ел свинину мушу и жареный рис с креветками, не обращая на нее внимания, пока длилась речь. Лану это, похоже, не слишком и волновало. Ясно было, что она просто дает представление, что ее заводит то, сколько глаз на нее устремлено — даже если среди них не было глаз моего папы.

День выдался сложный, а вечер — и того сложнее. Казалось, хуже уже не будет. Ким к концу вечера почти впала в кататонию. Мы обе выпили столько белого вина из коробок, сколько нашли, и тут-то события пробили днище. Я почувствовала на своем плече крохотную ручку, и славный голосок спросил: «Эми, споешь со мной „Завтра взойдет солнце“?» Моя новая сестричка Мэй. Такой невинный, прекрасный ангелочек. Я, сука, поверить не могла, что буду сейчас петь песню, которую ненавижу, в китайском ресторане на Лонг-Айленде дуэтом со своей временной вьетнамской сводной сестрой. Я хотела повернуться к Мэй и сказать: «Не могу! Эта песня — вранье! У тебя впереди такой трудный путь! Мама у тебя крышей едет, я тебя отсюда заберу и выращу сама, чтобы дать хоть глоточек счастья в этом ужасном мире!» Но вместо этого я сказала: «Ага». Она встала на стул, взяла нас с Ким за руки, и мы запели: «Когда наступит мрачный одинокий день, я спину выпрямлю и так скажу ОООООООО!»

В итоге никакое солнце в этих отношениях завтра не взошло. Через полгода после того, как Лана перевезла моего отца-инвалида аж в Новый Орлеан, она решила, что с нее хватит, и вышибла его вон. Он оказался на обочине. В буквальном смысле. Она остановила машину и бросила его одного в коляске, и ему пришлось добираться до обочины самому. После этого он переехал в клинику на Лонг-Айленде, а о Лане и Мэй я с тех пор не слышала.

Я бы не сказала, что солнце взошло, когда мы встретились с Беном, нет. Не потому что не было здорово, — просто я стараюсь больше не говорить о своих отношениях метафорами. После всего, что я наблюдала у родителей, я хочу предельной простоты — никаких солярных ассоциаций или розовых фильтров. Кроме «Валенсии» в Instagram, потому что с ним я выгляжу просто супер. Но в тот вечер, когда мы впервые увиделись с Беном, никакого солнца не было в буквальном смысле; шел дождь. Я только что вышла с сеанса акупунктуры, в волосах у меня было масло, а на щеках — глубокие красные вмятины от того, что я лежала на столе лицом вниз; но я переоделась из треников в джинсы и пошла вниз, встречать Бена на улице. Я вышла под дождь, а Бен уже стоял у двери — ни зонтика, ни капюшона, только раскисший бумажный пакет в руках, а в нем бутылка вина. Мы улыбнулись друг другу, и все стало как надо.

Я не соврала Барбаре, просто мои мысли по поводу любви и брака все время меняются. Да, раньше я говорила, что брак — это глупость. Брак заставляет людей подписывать контракт с обещанием чего-то, чего они на самом деле не могут обеспечить. Уверена, я еще не раз повторю, что брак — дело тупое. Но вместе

с тем я вполне представляю, чем он может быть хорош. Есть что-то прекрасное в том, чтобы всерьез быть рядом с другим человеком. В фильме «Миля лунного света» Сьюзен Сарандон и Дастин Хоффман играют мужа и жену, которые все время ссорятся, но все равно по-настоящему друг друга любят. Они говорят о том, что они вместе для того, чтобы «стать свидетелями жизни друг друга». Мне нравится это описание обязательств. Не думаю, что мои родители хоть раз на это подписывались. Они не дали мне пример того, как выглядит хороший брак или как держаться до конца. Если твой партнер болен, нельзя не думать о неизбежном конце. В буквальном смысле, о последних минутах жизни, которые приходят мне в голову, когда я начинаю кого-то любить. Я думаю: «*Этот чувак будет катать мою инвалидную коляску?*» И даже еще страшнее: «*Захочу ли я катать его?*» Это нелегкие мысли, и с ними не так просто разобраться, когда у тебя с дорогим тебе человеком все только начинается.

Я, конечно, не могу знать, что будет с Беном. Может, мы вместе состаримся — а может, разойдемся до того, как эта книжка окажется на полках рядом с шоколадками и открытками. Хотела бы я надеяться, что со мной в отношениях с мужчинами может случаться что-то хорошее — но, возможно, я слишком много думаю об инвалидных колясках. Может, я просто произведение своих родителей. Но мне все равно кажется, что есть ради чего придерживать свое неверие, сколько получится. Оставаться открытой, чтобы принимать любовь. И отдавать ее, каждый день.

Что я хочу, чтобы сказали на моих похоронах

Эми умерла, и мы все можем спать спокойнее. Она была честной и справедливой — и требовала от нас того же. Но это выматывало. Да, с ней все было веселее и интереснее, но все-таки есть некоторое облегчение в том, что ее с нами больше нет. Мы все в этой жизни ленимся и застреваем в том, чего, как нам кажется, заслуживаем. Мы все слишком легко соглашаемся с тем, что жизнь должна быть тяжелой, и забываем повеселиться, сколько возможно. Эми не забывала нас смешить, и отбоя от нее не было. Если она была вашим другом, она на все для вас была готова. Она готова была вас защищать и умереть за вас, иногда даже тогда, когда вам это было не нужно. Она шла до конца и дальше, временами все осложняя. Она как-то написала в Facebook пост, поздравив друга с тем, что он получил роль в новом фильме Вуди Аллена, хотя ее друг ни в каком фильме сниматься был не должен. Она это сделала, потому что друг страдал из-за недавнего разрыва, и Эми знала, что его бывшая прочитает и будет завидовать. Нельзя было так поступать. Это одна из причин, по которым мы сможем дальше жить без нее.

Эми сняла бы для вас последнюю рубашку, даже если бы вы ее об этом не просили, и никогда бы вам об этом не напомнила. Она была щедрой. Еще она было настырной и могла нахамить любому, кто встанет у нее на пути. С ней было весело выпивать и курить траву. С ней было весело есть грибы. Телевизор с ней смотреть было невесело, потому что она все время спрашивала: «Погоди, это кто? Что он только что сказал?» Она не умела слушать. Она так легко отвлекалась, что приходилось говорить: «Эми, вот сейчас соберись и послушай», — чтобы привлечь ее внимание. Да и тогда вероятности, что она вас услышит, было процентов сорок.

С ней нам было лучше. Она требовала, чтобы нам было лучше. Это могло утомлять. Но нам этого будет не хватать. Нам будет не хватать ее. Но она всегда будет с нами. Ну, на самом деле нет, потому что, как я сказал раньше, она умерла. Кто-нибудь знает, парковку надо подтверждать? Ой, ну это Нью-Йорк, тут так не делают. Да, повезло вам. Вы, ребят, молодцы, что живете здесь, а не в Лос-Анджелесе.

РАЙДЕР ДЛЯ ПОХОРОН ЭМИ ШУМЕР

Прежде всего и перво-наперво, никто не должен называть

происходящее «восславлением жизни» или «посвящением». Говорить следует только о ПОХОРОНАХ ЭМИ ШУМЕР. Никаких колоколов и дудок.

Нулевая терпимость к цветам. Ни венков, ни букетов, ни гирлянд, ни одиноких гвоздик, никакой зелени, недопустима никакая флора. Все должны принести какое-то блюдо из пасты и вывалить его в гроб. Кроме салата из пасты. Не будьте скотами.

Собственно тело ЭМИ ШУМЕР должно быть усажено в кресло в северо-восточном углу комнаты, в очках-авиаторах и любимой зимней шапке покойной, на которой написано «Кто кофе не пьет, тот не работает» — жизненный девиз, которого усопшая будет придерживаться и в загробном мире.

ГАРДЕРОБ

Все гости должны быть одеты удобно. Думайте в сторону спортивных штанов, велюра и теплых носков. Строго запрещены туфли на каблуках. Не допускаются гости в корсетах для талии, если только вы не Эмбер Роуз. Она может надеть все, какого бы Х ей ни захотелось.

ОБСЛУЖИВАНИЕ/ПИТАНИЕ

Прошу обеспечить не менее двух (2) сэндвичей для каждого гостя. Сэндвичи должны быть от Дефонте в Грипойнт, Бруклин, либо с прошутто, либо с моцареллой.

Основным коктейлем вечера должен быть «Московский мул».

Следует подать обильные потрясающие закуски. Например, такие пухлые штучки, когда непонятно, ешь ты хлеб, сыр, сливки или все это вместе. Не жалейте того, что можно макать в crème fraîche или чего угодно с трюфелями. Строго никаких французских макарунов, еврейские — можно. Ни один вид пищи не должен требовать использования приборов. Сосиски в тесте, куда ни кинешь взгляд. Повторяю, сосиски в тесте, куда ни кинешь взгляд или сосиску.

Пожалуйста, обеспечьте:

• Двадцать два (22) ящика шардоне Ромбауэр. Бухло огонь!

• Пятнадцать (15) ящиков каберне Опус Уан — того, с которым покойную познакомил Джон Сина.

УДОБСТВА

В туалетах не должно быть служителей. Пожалуйста, подготовьте две (2) боковые комнаты для развлечений, в одной (1) из которых должны предлагать всякие мелочи, а в другой заплетать косы. Фоновую музыку должны исполнять АРФИСТЫ — но только в туалетах, которые надлежит сделать такими тесными,

чтобы присутствие АРФИСТОВ мешало мыть руки.

ТАЛАНТЫ

Следующим людям должно быть предоставлено слово на похоронах:

• Кит Робинсон
• Рэйчел Фейнстин (потому что она уработает Кита)
• Джимми Нортон
• Колин Куинн (потому что он уработает Нортона)
• Винсент Карамел
• Кейс Дюмонт
• Моя племянница
• Лина Данэм
• Марк Норманд
• Аллан Холдман
• Кевин Кейн, в заключение

ТРЕБОВАНИЯ К МУЗЫКЕ

Во время церемонии БРИДЖЕТ ЭВЕРЕТТ должна исполнять That's All. Вступление, вынос и другую вставную музыку пусть обеспечит отличная блюграсс группа «СТИВ МАРТИН И РЕЙНДЖЕРЫ КРУТОГО КАНЬОНА», если у них будет настроение.

БЕЗОПАСНОСТЬ

Следующие люди (которые в жизни ничего не сделали покойной, просто она не хочет, чтобы они приходили) не допускаются на похороны, а также на любой вид афтепати после:

• Дональд Трамп

• Марио Лопес, если только не придет с Элизабет Беркли

• Парни и девушки друзей ЭМИ ШУМЕР допускаются, только если они ей нравились. Для удовлетворения этому условию они должны быть очень — безусловно — постоянно — добрыми с означенными друзьями и любящими их. Если они вели себя с означенными друзьями плохо, то им предписывается держаться от похорон на расстоянии пяти (5) футбольных полей.

• Любой, кому давали за то, что преподает импровизацию; единственное исключение — Нил Кейси.

ДРУГИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Прошу развесить по комнатам объявления с текстом: «Никаких светских разговоров, никаких внутренних шуток». Прошу обеспечить большую стеклянную миску у входа для тех, кто захочет поучаствовать в игре с ключами — которая не

является обязательной.

АФТЕПАТИ И ПОГРЕБЕНИЕ

После похорон гости примут участие в игре «Сороковник в руку». Всем гостям приматывается клейкой лентой к руке бутылка в сорок унций с пивом Olde English. Ленту не следует снимать, пока означенные бутылки не опустеют. Диджеем на вечеринке должен быть Questlove, помещение должно быть достаточно просторным для всеобщих танцев. Первой песней назначается «Сунь себе в рот».

Сразу после игры «Сороковник в руку» гости должны проследовать на океан в Лонг-Бич, Нью-Йорк, для похорон в стиле викингов. Тело ЭМИ ШУМЕР будет доставлено на пляж в запряженной лошадями повозке, потому что она «была этого достойна», и уложено в крошечную лодку. Лодку следует поджечь горящей стрелой и бережно спустить на воду.

Как простить себе тату пониже спины

В «Камеди Сентрал», когда там был Чарли Шин, я сказала Майку Тайсону, что у него на лице татушка, как у шлюхи на крестце. Я сказала: «Мужики никак не решат, то ли пугаться ее, то ли обкончать». Он где-то минуту на меня наезжал, перебивал и визгливо выкрикивал ругательства, которые я не разобрала — пока не придумала, как его унять, спросив: «Он с переводчиком? Переводчик здесь?». Ну не самое умное, что можно сказать, стоя в пяти метрах от бывшего заключенного, про которого говорят, что он «снова на арене» после шести лет в тюрьме за изнасилование. Но я сделала то, что сделал бы любой комик в отчаянном положении. Я ввязалась, пошла навстречу настоящей опасности и рискнула — точно так же, как завела собственную тату, как у шлюхи, именно там, где задумал Господь Всеблагий: пониже спины, на крестце. Да, у меня такая есть. Лицемерка я, а то. Я прикалывалась над Тайсоном, хотя у меня самой была паршивая, унизительная, криво набитая, слегка припухшая, потому-что-тот-чувак-был-отстой-и-слишком-глубоко-колол-и-занес-заразу — тату пониже спины.

Я много лет ее хотела. Я столько дикарских трайблов видела, когда мы с сестрой играли на Лонг-Айленде в волейбол, и все думала, как круто они смотрятся. Я хотела татуху, которая как бы говорит: «Со мной не связывайся, мне все по барабану, я всякое прошла» — хотя мне было всего восемнадцать и прошла я только ряд с хлопьями в магазине «Ки Фуд». Я не была оторвой. Не чувствовала себя сильной и уверенной, да и особой дикаркой тоже. Мне казалось, что я могу все эти качества на себя буквально набить — и если сумею достаточно долго притворяться, то они станут настоящими. Думаю, иногда эта тактика работает — не с оргазмами, нет. Дело в том, что сердце мое шло верной дорогой, стремясь к силе и уверенности. Плохо то, что на пути попался крестец.

В то лето мне было восемнадцать, мы с Ким поехали путешествовать и как раз проезжали Мертл-Бич, Южная Каролина. Мы решили набить себе татухи, тщательно все обдумав. Обдумывание состояло в том, что мы наткнулись на салон; сказали друг другу «может, набьем?»; кивнули; и зашли. Мы бродили по салону, рассматривали разные альбомы, изучали эскизы на стенах, пока не выбрали «живопись», которую решили нанести на тело до конца своих дней. Я-то считала, что чуваки,

которые там работали, просто по доброте позволяют нам все рассмотреть, потому что Ким в свои четырнадцать была явно слишком молода. Мы подошли к стойке, и я с уверенностью, которую точнее всего описывает слово «дрожащая», сказала обгоревшим на солнце качкам-серферам, что мы хотели бы с их помощью изуродовать свои юные тела двумя бессмысленными картинками, которые выбрали в муках. «Круто, — ответил один. — Поехали».

Какого?.. Он что, брал меня на слабо? В попытке скрыть замешательство — и выставить себя смелой и скептичной, — я спросила: «А долго их делать?» Самый краснорожий ткнул в меня пальцем и сказал: «Твою — десять, потому что она больше, а ее — около семи». «Десять часов?!» — заорала я. «Минут», — ответил краснорожий эмодзи. Ким выбрала маленькую фею, которую хотела нанести на бедро, но моя-то была, сука, здоровенным трайблом, размером с опоссума. Десять минут — это было как-то очень быстро, но что я понимала в татуировках? «А сколько они будут стоить?» — спросила я, вся такая на понтах, усиленных нью-йоркским выговором, чтобы они не запросили с нас больше. Он сказал, что за мою возьмет двадцатку, а с Ким десять. ЧТО?!

Я совсем запуталась, с концами. Мы с Ким посмотрели друг на друга и подумали об одном, но как старшая заговорила я. Я объявила: «Чуваки, мы с вами ни на что не подписывались. Мы заплатим полную стоимость!» Весь салон замер. Я слышала, как царапнула игла по пластике. Я огляделась и увидела, что мы там были, пожалуй, самыми непривлекательными девчонками; и если бы кому-то захотелось одолжения в смысле секса, то не от двух задолбанных лонг-айлендских подростков. Тогда чувак, у которого из выреза в майке торчали соски, сказал: «Вы ведь в курсе, что это временные татухи, да? Татуировки в Южной Каролине запрещены законом». В эту секунду я стала там самой краснорожей. Мы тихонько попятились и вышли, как кошки. На обратной дороге в наш отель-клоповник мы с Ким не разговаривали. Было слишком неловко.

Перед тем как год спустя сделать себе татухи — постоянные, насовсем, — мы сначала спросили разрешения у мамы. Я сказала, что мы их уже давно хотим и что выбрали именно те рисунки, которые нам нужны, и правильное место. Можно было бы предположить, что за год наши эстетические предпочтения обрели зрелость, — но я по-прежнему была настроена на здоровенный трайбл, а Ким все так же хотела тупую феечку. Услышав нашу просьбу, мама ответила, как ответил бы любой родитель. Она сказала своим дочерям-подросткам: «Да ни в жизнь, вашу мать. От вас травой несет! Идите к себе в комнаты,

вы наказаны, потаскушки вы поганые!» Ой, то есть подождите, нет, только не наша мама. Наша мама ответила: «Так чего же мы сидим и языки чешем? А ну-ка в машину!». Она отвезла нас в Ист-Вилледж, где мы зашли в комнату позади какого-то мутнейшего притона и обрели свои «росписи», как их называет пафосное мудачье.

Я была первой. Когда я говорю, что чуть не сдохла — нет, это чуть на хер не СДОХЛА. Как будто тебя каждую секунду кусает тысяча пчел или десяток ос-убийц — для вас, поклонники подростковой литературы. Парень, который мне набивал, был не очень опытным, поэтому колол слишком глубоко, из-за чего на татуировке образовался келоидный рубец. *Ваще огонь, Эми, давай дальше!* Ладно, еще он был пьяней вина, поэтому татуха вышла кривая. Звали его Курт и выглядел он как жирный Сын Анархии с астмой. Я подыхала от боли, но хотела быть храброй — ради Ким, чтобы она не испугалась. Поэтому, когда у меня по лицу текли слезы, я улыбалась и говорила, что жить можно. Все это время мама лучилась улыбкой, глядя на нас обеих — настолько она была рада стать частью замечательного события, о котором мне предстояло пожалеть тут же, на месте. Разумеется, в ранки попала инфекция, и вокруг нее образовались сотни мелких бугорков, так что заживало все просто ужасно. Сыпь и воспаление над задницей — это именно то, что юная особа хочет всем показать. Татуха до сих пор немножко приподнята, как боевые шрамы на голове пацана в «Безумном Максе».

И вот сейчас, пятнадцать лет спустя, мне тридцать пять; и каждый раз, как я надеваю купальник, люди в глубине души понимают, что я — дешевка. Каждый раз, как я в первый раз раздеваюсь при мужчине и он видит мою татуху, он тоже понимает, что я дешевка и что решения я принимаю очень, очень неразумные. А теперь, когда папарацци считают, что меня интересно снимать, когда я вообще ничего не делаю или тусуюсь где-нибудь на пляже, весь мир ознакомился с фотографиями моей татуировки, кривенько висящей над краем трусов. Но от всего сердца клянусь вам, что мне пофиг. Я ношу свои ошибки, как отличительный знак, и я их чту. Они делают меня человеком. Теперь, когда моя работа, мои отношения, мои твиты, части моего тела и мои сэндвичи широко изучаются, я горжусь, что сама поставила на себе клеймо несовершенного, нормального человека до того, как это сделал кто-то другой. Я в кашу размешу всех критиков и сетевых троллей. Меня как только не называли, но я сама уже отметила себя как шалаву, так что хейтерам придется придумать что-нибудь новенькое.

Летом перед восьмым классом, в мои дотатушные дни (или,

как я их зову, ДТД), ко мне прилипла кличка «Оладушки». Я с компанией подруг — и с мальчиками, которые нам нравились, — теплым вечером гуляла по нашему району с пивом в бумажном пакете. Мы были готовы — да нам и хотелось — убегать от полиции, если нас застукают, а такое бывало часто. В тот вечер мы просто пили «Доктор Пеппер» с зарядом и ирландские «бомбы в машине» дома у моей подруги Кэролайн. Для тех, кого вырастили амиши, скажу, что для «Доктора Пеппера» с зарядом нужно опустить рюмку амаретто в пинту пива как раз перед тем, как начнешь пить. Почему-то на вкус получается похоже на «Доктор Пеппер». Добавьте Бакарди 151 и горящую спичку — будет «Доктор Пеппер» с горящим зарядом. И попрощайтесь с близкими. Ирландская «бомба в машине» — это рюмка «Бейлиза» в пинте «Гиннеса» — а еще это страшное, страшное оскорбление для любого ирландца, который вот так потерял друга. Раз в год меня подначивают выпить одну из этих жутких смесей; особого убеждения не требуется.

Мы прошли квартал до детского сада на углу у дома Кэролайн, слегка пьяненькие и заведенные от выпивки и свободы. Пока мы тусовались на игровой площадке, десять пацанов как-то убедили шесть девчонок задрать майки и показать сиськи. Они привели очень убедительный довод: «А чо нет-то?» У нас довода против не нашлось, поэтому мы построились в шеренгу и на счет три задрали майки.

Я ухватилась четырнадцатилетними пальцами за нижний край моей футболки от Gap. Я нервничала, меня подбрасывало, и, скорее всего, я была пьяна. Я взглянула на пацанов поверх своей недорогой футболки — и поняла, что смотрят все на меня одну. Не на Дениз, у которой были самые большие сиськи, не на Кристал с самым потрясным прессом, и не на Кэролайн, за которую они все в то время дрались. Я была крепким середнячком в смысле сисек, так что немало поразилась тем, сколько им досталось внимания. Помню лица пацанов — вид у них был такой, словно кто-то только что облажался при броске из-под кольца, типа так «ооооооох!». Они прикрыли рты руками и стукнулись ладонями. Тут я взглянула на нашу шеренгу и поняла, что все остальные девчонки показали лифчики. Идеальная метафора моей жизни: я выставила напоказ слишком много. Я и лифчик задрала. Одна из всей команды забила голой. И еще в тот момент я выучила незабываемо смешной урок: у меня соски больше средних.

Кличка «Оладушки» (а иногда еще «Серебряные доллары») продержалась достаточно, чтобы ее бытование и эволюция были медленно и тщательно отражены в документальном фильме —

длинном, как у Кена Бернса. По крайней мере, мне так казалось. Но на самом деле это просто была память о лете. Я была так УНИЖЕНА, что не думала, что переживу это. Конечно, сейчас, потусовавшись среди разных женщин и посмотрев кучу порнухи, я знаю, что части наших тел бывают любых размеров и форм. (У мужчин тоже! Вы знали, что части их тел *тоже* бывают разных форм и размеров — но, как ни странно, медиа это почти никогда не обсуждают?) Но в то время меня просто пришибло тем, что мои серебряные доллары не норма.

Как бы то ни было, тот день на игровой площадке стал для меня судьбоносным. Я показала всем все — и узнала, что за это придется заплатить. То была моя первая встреча с оголяющим, ледяным пространством, где нет защиты, где уязвимость встречается или с уверенностью, или со стыдом. Выбор был за мной, и мне предстояло научиться (я и сейчас учусь) выбирать гордость за то, кто я, а не стыд. К счастью, я женщина, так что у меня была возможность упражняться в этом снова и снова, снова и снова и снова и снова и снова. В итоге я просто решила: да ну на хер, это мое тело — и чо? В этом было больше силы, чем я тогда осознавала.

Любое взаимодействие с миром, начиная лет с восьми, учит нас, женщин, вести себя так, чтобы никто, боже упаси, не имел оснований назвать нас словом на Ж или на С: «жирная» или «страшная». Не я первая замечу, что женщин учат тому, что наша ценность определяется тем, как мы выглядим, и что у большинства женщин уходит целая жизнь (по крайней мере, до менопаузы), чтобы разрушить эту отвратительную ложь. Я человек дико порывистый и не терплю от окружающих никакой фигни, из-за чего меня по стольким поводам критиковали и так высмеивали совершенно без повода. Но, как понимают многие комики, то, что над тобой смеются, что тебя прерывают или даже освистывают на сцене, — это дар. Когда сбываются твои страхи, понимаешь, что не так они страшны, как тебе казалось. Выясняется, что страх больнее, чем оскорбление. Я несколько лет занималась боксом, и когда начался спарринг, страшно боялась, что меня ударят или что мне будет больно. Но потом я узнала, что попытка избежать боли меня от боли не защищает. Как ни странно, удар в голову или под дых меня как раз защищал. Меня били, секунду было больно, а потом я понимала, что я — в порядке, я — справлюсь. И боль проходила. После того, как все мои страхи воплотились, после того, как меня без конца обижали, — я стала сильнее. То, что меня изучали, как под лупой, десять лет с тех пор, как я впервые появилась в реалити-шоу, сделало меня почти непобедимой. Ничего не осталось. Ну скажет

тебе кто-нибудь, что ты жирная или страшная, — И ЧТО? Большинство моих знакомых женщин меньше боятся, что им причинят физическую боль, чем того, что их назовут страшной или жирной.

У меня клеймо шалавы, а я на обложке «Вог». Припухшие сине-зеленые завитки чернил под моей кожей сплетаются в бессмысленное образование, но я нашла в нем смысл. Я полностью приняла себя как девушку с татуировкой пониже спины. Это не значит, что я ни о чем не жалею. Да, вашу мать, я жалею, что сделала эту уродскую татуху, думая, что она означает крутизну, хотя она символизировала лишь то, какой потерянной и бессильной я была в восемнадцать. Но я прощаю ту девочку. Я ее жалею и люблю.

По иронии, татуировка сегодня означает для меня строго противоположное. Она напоминает, как важно позволить себе быть уязвимой, утратить контроль и сделать ошибку. Напоминает, как сказал бы Уитмен, что я вмещаю в себя множества — и всегда буду. Я интроверт первого уровня, который собирает полный Мэдисон-сквер-гарден — и первая женщина комик, у которой это получилось. Я «проснулась знаменитой», впахивая как проклятая, каждую секунду больше десяти лет. Когда-то я воровала в магазинах одежду, которую меня теперь просят надеть, чтобы получить бесплатную рекламу. Я ШЛЮХА или ШАЛАВА, у которой только однажды был секс на одну ночь. Я «плюс-сайз», шестой в удачный день — и среднего размера, десятого, в еще более удачный. Я пережила равное унижение, поднося клиентам рибаи ради пропитания и разводя толпу на смех ради денег. Я сильная, до фига взрослая баба — которую физически, сексуально и эмоционально ранили мужчины и женщины, которым я верила и которых любила. Я разбивала сердца, и мое тоже разбивали.

Красивая я, страшная, смешная, скучная, умная или нет, но моя уязвимость — моя главная сила. Никто не сможет сказать обо мне ничего более уродующего, чудовищного и неотменимого, чем заявление, которое я навсегда набила на свое тело. И я горжусь этой способностью смеяться над собой — даже если все увидят мои слезы. Так же ясно, как видят тупую, бессмысленную, придурковатую, кривую тату пониже моей спины.

Благодарности

Я хотела бы выразить самую искреннюю благодарность следующим людям:

Мейси Брё и Джиллиан Джонсон, вы всегда со мной и всегда будете первыми в любом списке, который я стану составлять, до конца моих дней.

Всем в «Эвритаун», особенно Джейсону Ржепке и Ноэль Хауи. Также Чаку Шумеру и всем американцам, которые каждый день борются за более разумные законы об оружии.

Говарду Стерну, который открыл для меня эти возможности.

Эсти и Ноаму из «Камеди Селлар».

Всем комикам, которые делают меня лучше и хуже: Джиму Нортону, Дэйву Эттэллу, Бобби Келли, Киту Робинсону, Колину Куинну, Джесс Кирсон, Курту Мецгеру, Питу Доминику и Джуди Голд.

Опи и Энтони и Крису Маццилли.

Марку Норманду, люблю тебя, брат.

Крису Року, ты просто самый лучший.

Джадду Апатоу, ты изменил мою жизнь. Спасибо, что разглядел во мне что-то.

Эдди Веддеру, хочу тебя поблагодарить за то, что ты добрейший человек из всех, кого я встречала в жизни; за то, что из-за тебя мы с папой и сестрой пели во всю глотку в машине; за то, что нашел время позвонить моему отцу — человеку, которого ты никогда не видел, который застрял в больнице и больше не может ездить в машине со своими девочками — просто, чтобы он улыбнулся.

Кэрри Бялик, как мы сюда добрались? Спасибо.

Аллану Холдману, Джошу Катцу, Гаю О и Берковицу, мне не верится, но я вас, чуваки, люблю. Спасибо.

Всем в «Камеди Сентрал», особенно Кенту Олтерману, Дугу Херцогу и Мишель Гейнлесс — но еще больше Энн Хэррис и ДжоЭнн Гриджони.

Всем в «Юниверсал», особенно Донне Лэнгли, Рону Мейеру и Эрику Байерсу.

Всем в «Фокс», особенно Стейси Снайдер.

Элисон Каллахен, за то, что редактировала эту книгу и увидела строгий порядок в том хаосе содержания, который я создала. Внести в жизнь разумное начало — вот дар, которым ты, сама того не зная, меня наделила. Еще спасибо за то, что смеялась в правильных местах и ободряла меня, когда мне это было нужно.

Всем остальным в «Саймон&Шустер» и «Гэллери Букс», включая Дженифер Бергстром, лучшему и самому красивому чирлидеру, которого можно было бы пожелать этой книжке; Нине Кордес; Дженнифер Робинсон; Кэролайн Рейди; и Луиз Берк. Девочки из «Гэллери», вы такие смешные, такие выдумщицы, вы так мне помогли написать книгу, которую я хотела написать. Спасибо.

Элизе Шокофф, Джулсу Вашингтону и Крису Макклейну — команде, которая записала аудиоверсию книги — спасибо, что позволили мне в открытую плакать и за чай и обнимашки, когда они были мне нужны.

Дэвиду Кану, который верил в меня и в эту книгу с самого начала.

Кейт Уайт, спасибо, что дала мне первую работу, связанную с написанием текстов, и поддерживала меня все эти годы.

Марку Селигеру.

Маркусу Расселлу Прайсу.

Родителям.

Моему тренеру по волейболу, Черил Скалис, которая научила меня усердно работать и становиться лучше.

Сидни, спасибо, что поддерживала меня в последние семнадцать лет. Ты отличная мать и подруга.

Вики Ли, я тебя люблю.

Кимми Капкейкс, Дре Мани и Кайре, за то, что поднимали мне настроение и выслушивали.

Лизе Эванс, спасибо, что всегда заботишься о том, чтобы я хорошо выглядела и, что важнее, чтобы хорошо себя чувствовала.

Лине Данем, спасибо, любовь моя. Ты помогаешь продержаться.

Моим телочкам Рейчел Фейнстин, Бриджет Эверетт, Никки Глейзер, Дженни Т., Энджи Мартинес, Сэппи, Фейни, Ка, Д., Кейти, Кейт, Джесси Клейн, Дженнифер Лоуренс, Джессике Сайнфилд, Эмбер Тэмблин, Наташе Лионн, Челси Пиретти, Наташе Леджеро, Америке Феррера, Ванессе Байер, Кайлу Даннигану и Дэну Пауэллу. Да, Кайл и Дэн, вы мои телочки.

Людям, которые на меня оказали самое сильное влияние: Люсиль Болл, Гилде Рэднер, Кэрол Бернетт, Мисс Пигги, Глории Стайнем, Вупи Голдберг, Голди Хоун, Шари Льюис, Эни Дифранко, Джоан Риверс и Джанин Гарофало.

Людям, которыми я восхищаюсь, некоторые из них дали мне шанс в самом начале, и все вдохновили на то, чтобы стать лучше: Эллен Дедженерис, Дэвиду Леттерману, Джимми Киммелу, Стивену Колберту, Джону Стюарту, Джею Лено, Сету Мейерсу, Тине Фэй, Джулии Луис-Дрейфус, Джерри Сайнфилду, Энн

Секстон, Саре Силвермен, Маргарет Чо, Паркер Поузи, «Ву-Чанг Клан», Стиву Мартину, Крису Фэрли и всем Маппетам.

Кевину Кейну, моему партнеру по жизни, ты делаешь меня лучше во всех отношениях.

Вин, спасибо, что вносишь смысл во все окружающее тебя безумие.

Кейси Дюмонт, спасибо, что сделала эту книгу возможной, за всю твою работу и за то, что прошла это вместе со мной. Все состоялось благодаря тебе, и я люблю с тобой пить, болтать о ерунде и смотреть отстой по телевизору. Ты самая умная из всех, кого я знаю, и я тебя люблю. Еще спасибо, что родила моего любимого человечка.

Ида, мы все ждем не дождемся, когда увидим, какой ты будешь.

Джейси, ты самый крутой, самый лучший брат в мире, мне не верится, что мы с тобой тусим.

Кимби, спасибо, что я с тобой смеюсь, что я счастливая и живая. Ты половина меня.

И Иисусу. ШЧ.

ПРЕКРАТИТЬ ВООРУЖЕННОЕ НАСИЛИЕ НЕЛЕГКО, НО В ПОСЛЕДНИЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ВОЗНИКЛО ДВИЖЕНИЕ, КОТОРОЕ ДОБИВАЕТСЯ НАСТОЯЩИХ ПОБЕД И ДЕЛАЕТ НАШУ ЖИЗНЬ БЕЗОПАСНЕЕ. ЕСЛИ ХОТИТЕ ПОУЧАСТВОВАТЬ, ВОТ ТРИ ВАЖНЕЙШИХ ШАГА, КОТОРЫЕ ВЫ МОЖЕТЕ СДЕЛАТЬ ПРЯМО СЕЙЧАС:

1. ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К ДВИЖЕНИЮ. Миллионы людей объединяются и требуют, чтобы избранные нами лидеры активнее занимались кризисом вооруженного насилия, которое уносит каждый день жизнь девяносто одного американца. Самая большая организация, борющаяся за перемены — «Эвритаун», я работаю с ней. Большинство ключевых сражений за безопасность оружия происходит на уровне штата, если хотите принять участие в своем регионе, отправьте ВСТУПАЮ на номер 64433. «Эвритаун» будет сообщать вам, что вы можете сделать сейчас и в будущем.

2. СДЕЛАЙТЕ ТАК, ЧТОБЫ ВАС УСЛЫШАЛИ. Вы можете этого не осознавать, но иногда принятие или непринятие законопроекта зависит от нескольких сотен телефонных звонков. Средний конгрессмен представляет меньше 750 тысяч человек. НСА отлично работает со своими сторонниками, они связываются с конгрессменами и помогают заблокировать или продвинуть законопроект. Но борцы с вооруженным насилием должны также высказывать свою позицию. Вы можете позвонить 1–888–885–

4011, чтобы связаться со своим сенатором. Скажите ему, что хотите, чтобы он проголосовал за проверку криминального прошлого при каждой продаже оружия!

3. ГОЛОСУЙТЕ ЗА БЕЗОПАСНОЕ ВЛАДЕНИЕ ОРУЖИЕМ. Если наши нынешние избранные лидеры не принимают мер против кризиса, значит, нужно избрать новых. Разумно голосовать против тех, кто взял больше всего денег от оружейного лобби, и за тех, кто голосовал за всеобщую проверку при продаже оружия. Список сенаторов, голосовавших за проверку при обсуждении самого значительного на сегодняшний день (2013) билля о проверке, можно найти здесь: http://politics.nytimes.com/ congress/votes /113/senate/1/97.

И, наконец, список сенаторов, бравших деньги от оружейного лобби и попавших под его влияние:

Kelly Ayotte
John Barrasso
Dan Benishek
Sanford Bishop
Roy Blunt
John Boozman
Ken Buck
Richard Burr
Ken Calvert
Shelley Moore Capito
Bill Cassidy
Thad Cochran
Mike Coffman
John Cornyn
Tom Cotton
Ted Cruz
Steve Daines
Sean Duffy
Michael Enzi
Joni Ernst
Deb Fischer
Jeff Flake
Cory Gardner
Lindsey Graham
Chuck Grassley
Heidi Heitkamp
Dean Heller
Jody Hice

John Hoeven
James M. Inhofe
Johnny Isakson
Ron Johnson
John Kline
James Lankford
Mike Lee
Mia Love
Thomas Massie
Kevin McCarthy
Mitch McConnell
Martha McSally
Alex X. Mooney
Jerry Moran
Markwayne Mullin
Rand Paul
Stevan Pearce
David Perdue
Rob Portman
James E. Risch
Pat Roberts
Mike Rounds
Edward Royce
Marco Rubio
Paul Ryan
Ben Sasse
Tim Scott
Richard Shelby
Michael Simpson
Daniel Sullivan
John Thune
Thom Tillis
Scott Tipton
David G. Valadao
David Vitter
Tim Walberg
Roger Wicker

notes

Примечания

1

Под этим советом я явно больше не подпишусь, я-то, в подробностях рассказывавшая со сцены о неожиданной встрече с необрезанным пенисом.

2

Блин, правда, что ли? В этой записи видно, как здорово мамочка промыла мне мозги. Не думаю, что отец был особо привязан к брату, но тут не было ничего личного. Он просто любил только тех детей, которые когда-то выстрелились из его собственного члена.

3

Не знаю, почему «семейные поездки» тут в кавычках. Это были просто семейные поездки; а выглядит так, словно мама нас как наркокурьеров использовала. Мы ездили во Флориду, на озеро Джордж, или в деревенский дом. Я в жизни не держала в руках воздушный шарик с героином.

4

Знаете же старую пословицу… семья, которая едет в разных машинах, скоро развалится.

Так и было, но говорить об этом с подростком — не лучший шаг со стороны родителя.

6

Как я уже упоминала, Джейсон отболтался от выпускного класса, ему пришлось уйти из дома и много ездить по стране.

7

Если бы я писала это сейчас, сказала бы «сучки».

8

СУЧКАМ!

9

Мы недавно погуглили девчонку, которая хуже всех обращалась с моей сестрой. Нашли ее на Facebook. Она теперь инструктор по пилатесу, а то как же, и если бы у меня был ее нынешний адрес, я бы опять поехала к ней на велике и сказала, что для меня она так и осталась никудышной злобной девчонкой.

10

Ого, а я вот только что написала, какая она крутая.

11

Невинная и хрупкая? Алё, ей было девять… Чего я от нее ждала? Что она будет шлюховатая и суровая?

12

Я по-прежнему так считаю. Пусть сучки не видят, как тебя колбасит — это и отличный совет, и неплохое название для альбома хип-хопа 80-х.

13

Чтоооооооо? Но мама старалась, чтобы все были довольны, рассаживая нас по разным машинам.

14

И опять, черт: мам, вывалить такое ребенку, который еще в школе учится… ладно, проехали.

15

Рассеянный склероз. Тогда нельзя было посмотреть такое в телефоне, поэтому я просто оставила — оз. Ну, понятно.

16

«Промываааааем, промываем мозги» (поется на «Автомойку»).

17

Я по-прежнему говорю себе это каждую неделю.

18

Похоже, я не боялась быть собой.

19

Никогда не рано говорить гадости про друзей.

20

Сейчас Джен медсестра, у нее трое детей, и мы по-прежнему дружим.

21

Я была в него влюблена.

22

Сейчас Марк барабанщик в группе «Taking Back Sunday».

23

Марк, прости!

24

Я прям с ума сходила по ирландцам. Скорее всего, я или только что делала про них доклад, или посмотрела в гостях с ночевкой «Далекую страну».

25

В отличие от поддельных, халтурных, фальшивых Кеннеди?

26

Меня всегда заводили годные недостатки типа третьей ноги или заикания.

27

Нет, не была.

28

Глубоко-то как, Эми. Ты что там обдумываешь? Визит доброй воли в Гватемалу? Или волонтерство в приюте? Нет, ты обдумываешь, в какие бары ходила. Какое постижение себя. Продолжай в том же духе.

29

Бар, где наливали несовершеннолетним.

30

Разговоры, видимо, были типа такого: «Клевая майка, откуда?» — «Armani Exchange» — «А, вот почему на ней написано Armani Exchange» — «Рада была повидаться».

31

Скорее всего, отрубились.

32

Никогда не сумею найти слова, чтобы сказать, как я благодарна, что никто это не заснял.

33

Хочу принести извинения всем лесбиянкам. Лесбиянки в жизни не станут так танцевать, как танцевали мы. Мы, судя по всему, отрабатывали стародавние приемы, чтобы заставить парней обратить на нас внимание, притворяясь, что музыка (скорее всего, «Come On Eileen») сейчас завладеет нашими душами и заставит забыть все, что мы знали о своей сексуальности, и мы вот так вот раз! — и начнем лизаться на танцполе занюханного бара.

34

Ну и самомнение у тебя, Эми. Хотела бы я смонтировать запись того, как я себя в тот вечер представляла, с тем, что происходило на самом деле. Это шоу MTV «The Grind» виновато, что все возомнили себя Дейзи Фуэнтес.

35

Парень был — огонь, и сильный такой. Помню, похож был на Супермена или Криса Клейна.

36

Да зашибись. Уверена, я начала собираться тут же и готовилась целые сутки.

37

Практически документальное кино про нас, только мы были не такие красотки.

38

Красный флаг.

39

Еще более красный флаг.

40

Краснющий флаг.

41

Помираю со смеху, зная, как я в том возрасте выглядела. Офигенно было только то, что кто-то, глядя на меня, опознавал во мне женскую особь.

42

Помню эту кофточку. Она была шерстяная, с тонкими кожаными полосками и тремя завязками на спине. Кусачая до безумия, у меня от нее сыпь была по всему телу. Похожа на то, во что бывают одеты простолюдинки, которых насилуют солдаты в «Игре престолов». Она мне была коротка, живот торчал наружу, а талии у меня не было, и очертаниями я походила на старый радиоприемник, что, наверное, очень хотела подчеркнуть.

43

Ну а то. У меня на лбу была мишень, вернее, пониже спины, так скажем.

44

Теперь мне это кажется кошмаром. Утомительный обмен бактериями, и все. Проехали.

45

Спасибо, доктор Шумер, очень эротично. Похоже, я не упустила ни одной детали. Но каков слог. Прямо кажется, что вы со мной в одной комнате, правда? Как будто мы все сидим на его пальце, пока он пытается сунуть мне его в задницу.

46

Всю жизнь меньше всего любила, когда температуру меряют так.

47

Логично же, да? Никто из тех, кого я любила и кому доверяла, не удостоился чести прикоснуться к моей заднице изнутри. Королева должна посвятить тебя в рыцари, прежде чем ты введешь перст между моих ягодиц — наверное, таков был мой девиз.

48

Лентяй.

По-моему, такое поведение более распространено сейчас, у поколения, выросшего на порнухе, но в то время мне это казалось чем-то запредельным.

50

Как это называлось в Древнем Китае, ного-суй.

51

Хотела бы вручить этому парню медаль за стальные яйца. Почему?! Ты хочешь знать, почему я не хочу, чтобы ты совал в меня пальцы ног?! Может, потому что это гребаная мерзость, а моя киска тебе не мокасин? Так что, пока у Кроксов не появилась модель «тапок-вагина», пожалуйста, держите свои ступни на расстоянии вытянутой ноги от моих женских органов!

Парни, которые это делают, должны стать последними постояльцами Гуантанамо.

53

Если пытаетесь сделать так, чтобы девушка вас запомнила, — может, просто стишок ей напишете?

54

Хахахаха. Мамы, конечно, не было дома. Повторяю, ее НЕ БЫЛО в постели. Но мне нравится, что у меня уже в восемнадцать была эта фишка: не гнездоваться после обжиманий.

55

Господи боже, Эми, бедная твоя сестренка! «Эй, хочешь, прокатимся на другой конец Лонг-Айленда с парнем, который все ночь делал из меня пальчиковую куклу?» Ей было четырнадцать!

Ух ты, он так хорошо понимал, чего хочет женщина.

57

Меня по-прежнему штырит от того повышения! Я понятия не имела, что буду носить их вещи до середины четвертого десятка.

Ух ты, какая точность. Это что, «Закон и порядок»?

59

Я честно не помню, чтобы мой брат вообще когда-нибудь шутил про мой вес. Помню, он старался, чтобы мое эго не слишком разрослось и чтобы я от себя не особо приходила в восторг.

Я понятия не имела, что она в то время боролась с расстройством пищевого поведения.

61

Отличная мысль, Эми! Разумно и совершенно безопасно. Какой прилив вдохновения. Кстати, моя безуспешная попытка расстроить свое пищевое поведение продлилась меньше суток. По-моему, я пропустила один прием пищи, а потом решила: неа… на фиг этот шум.

Так оно всегда и бывает.

63

Привыкай, сучка. Это теперь до конца твоих дней.

64

Я понимаю, о чем я тут. Такое, наверное, случается с каждой девушкой в этом возрасте, думаешь, что есть какая-то другая ты, которая только и ждет, когда ее выпустят, и всем вокруг снесет писюны. Я так рада, что это было почти пятнадцать лет назад, а сейчас я знаю и себя, и свое тело. Простите, девушки, но если можете, просто пропустите ненависть к себе и стремление стать какой-то другой девушкой. Просто дайте этой стадии вас миновать и любите себя такими, какие вы есть. Не тратьте на это силы. Если хотите немножко сбросить вес — отлично. Следите за здоровьем. Но, вашу мать, все остальное — на фиг. Вы просто огонь, и тот, кто вас полюбит, не заметит пяти кило, я вам это обещаю.

Я не только была уверена, что сумею выработать действенное нарушение пищевого поведения, но еще и думала, что обязательно приду после него в норму. Вам не кажется, что я себя переоценивала?

66

Только что не пила, как Ник Кейдж в «Покидая Лас-Вегас».

Это был мой парень, внушавший мне, что я нехороша и тело у меня некрасивое, чтобы у меня упала самооценка, и я от него не ушла. Об этом подарочке еще поговорим.

68

Это вроде Корпуса мира, только в Америке, мой брат там был. Я даже не начала этим заниматься. Я динамо. И это. «Да, детка?» Буэ.

Неправда: именно это я и должна была делать. Те, кому слишком нравится выпускной класс или колледж, по моему скромному мнению, не в себе.

Даже не помню, что думала об этом.

Тут я с собой не согласна. Балтимор не помойка; я его с годами полюбила.

72

Многие думают, что мою уверенность в себе ничто не может поколебать, так что я надеюсь, дав заглянуть в свои самые сокровенные мысли, подтвержу: на то, чтобы себя полюбить, требуется время. Как с любыми здоровыми отношениями, тут за вечер ничего не решишь. А иногда все может получиться только после нескольких неудачных попыток развить у себя пищевое расстройство.

73

Какой кошмар. Я себя всерьез считала Вуди Алленом.

74

Перепады эмоций в двадцать с небольшим у меня были такие, словно я страдала диссоциативным расстройством.

75

Ой, да лааадно.

Я понемногу понимала, что этот парень относился ко мне, как к хламу.

Да, сучка! Хочется вскочить с дивана и прославить эту девочку — будьте как она, дамы!

78

Оказалось, я была права. Он и был говнюком. Читайте главу «Худшая ночь в моей жизни».

Послушайте меня. Вот это «я просто хочу повеселиться и не привязываться» никогда не работало и не будет работать, сестренки. Я не знакома ни с одной девушкой, которой хотелось бы завести букет херов. Мы не так устроены, зайки мои.

Черт, я вру себе на каждой странице, прямо при вас.

81

Ладно, я погуглила, и все сходится. Был четверг. А еще был день рождения моего брата. С опозданием поздравляю, Джей!

82

Мне нравится, что я считала дневник священником, которому исповедуюсь в грехах. У меня с ним был неписаный договор не врать.

83

А еще нехорошо, когда «писатель» пишет «пару» вместо «пара» в именительном падеже. Эми, ты совсем!

84

Честно не знаю, в шутку я написала «изумительную» или нет, но вот что я быстро поняла — так это то, что нет никаких изумительных работ официанткой, или барменшей, или вообще в обслуге.

85

Хотелось бы понять, что за хрень я несу. Наверное, читала какую-то заумную книгу из рекомендованных книжным клубом Опры.

Не лишено. Я до сих пор считаю, что в колледже учиться обязательно, если хочешь стать артистом, особенно если на самом деле хочешь выступать. Прочитать какие-то пьесы, пройти интенсивный курс по технике, которая тебе окажется наиболее полезна. Мне нравится система Сэнфорда Мейснера, так что я пару лет после колледжа занималась в актерской студии Уильяма Эспера.

87

Придержи коней, Ницше. Полный бред. Словесный понос. Мне за себя неловко, но это неизбежно при чтении дневника.

88

А ты сурова, Эми Форд Коппола. Чего я ждала? Обычная государственная школа в Мэриленде. Я что, думала, буду играть с Марком Райленсом и Мерил Стрип? Мы были просто кучкой подростков, игравших взрослых. Расслабься.

Я так хорошо помню это чувство. С десяти лет мне хотелось ощутить, что жизнь на самом деле начинается, что это все не подготовительный период.

90

Было.

91

Есть.

Есть.

93

Мне нравится, что я достаточно реалистично смотрела на жизнь, чтобы понимать, что мне придется работать в баре, и включила это в свои мечты. Я прошла путь от официантки до барменши за одну запись в дневнике.

Тогда я еще не знала, что прослушивания — это кошмар. Тебя судит полная комната народа, который тебя не уважает, а ты читаешь из роли, которую не получишь.

95

Хотела бы я, чтобы вы подумали, что это я в поэтическом и метафорическом смысле, но я буквально хотела начать новую страницу в дневнике. Оставалась еще целая пустая строчка, но я нарисовала стрелочку, потому что мне опостылело смотреть на эту страницу.

96

В российском прокате этот фильм с участием Эми Шумер назывался «Девушка без комплексов».

97

Сериал Лины Данэм.

98

Американское название сосисок в тесте.